9(С)22
П 36

С. ПИЧУГОВ

Неизведанными путями

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой воспоминания одного из активных участников гражданской войны на Урале командира полка Степана Герасимовича Пичугова.

В ней рассказывается о возникновении первых отрядов Красной Армии, о превращении их в ходе боев с белочехами и колчаковскими войсками в регулярные части — полки и дивизии, об особенностях боевых действий на Урале, о разгроме ставленника Антанты Колчака и различных антисоветских банд на Урале и в Сибири.

В книге живо описаны характеры и героические подвиги многих командиров и бойцов Красной Армии.

Книга рассчитана на массового читателя.

- Неизведанными путями
  -
  - ОТ АВТОРА
  - Часть первая
    -
    - ИЗ ПРОШЛОГО РОДНОГО СЕЛА
    - ПРОБУЖДЕНИЕ
    - БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОВЕТ
    - ДЕЙСТВИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ
    - БЕЛОЧЕХИ
    - НА ВЫРУЧКУ ТОВАРИЩЕЙ
    - НЕУДАВШЕЕСЯ НАСТУПЛЕНИЕ
    - НЕОЖИДАННЫЙ ОТХОД
    - В ЗЛАТОУСТЕ У МАЛЫШЕВА
    - В ТЫЛ ВРАГА
    - У КРАСНОГО КАМНЯ
    - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ТЫЛУ У БЕЛЫХ
  - Часть вторая
    -
    - СМОТР ОТРЯДОВ В НИЖНЕМ УФАЛЕЕ
    - ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА
    - БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ
    - ОТХОД ИЗ НИЖНЕГО УФАЛЕЯ
    - ПОД ЕКАТЕРИНБУРГОМ
    - ВСТРЕЧА С ЖЕБЕНЕВЫМ
    - В РЕЖЕ
    - БОИ ПОД КРУТИХОЙ. СМЕРТЬ ХОХРЯКОВА
    - В РАЙОНЕ СТАНЦИИ ЕГОРШИНО

- ТРУСЫ ИЛИ ГЕРОИ?
- БЕЛЫЕ ПРИМЕНИЛИ ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА
- ПОД АЛАПАЕВСКОМ
- НЕВОЛЬНЫЕ ГЕРОИ
- ОТ САЛДЫ К КУШВЕ
- ПОД ВЕРХОТУРЬЕМ
- НЕУДАВШАЯСЯ ОПЕРАЦИЯ. РАСФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА

○ Часть третья

-
- ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ
- К СВОИМ
- ВОЗНИКНОВЕНИЕ 22-го КИЗЕЛОВСКОГО ПОЛКА
- РОЖДЕНИЕ 23-го ВЕРХКАМСКОГО ПОЛКА
- ОТХОД
- КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В ЮРЛЕ
- НОВЫЙ КОМИССАР ПОЛКА
- ПЕРЕЛОМ
- ЛИКВИДАЦИЯ ПРОРЫВА НА УЧАСТКЕ 29-й ДИВИЗИИ
- ОБОРОНА ПОД ЗАЛАЗНОЙ
- ХИТРОСТЬ НЕ УДАЛАСЬ
- ПЕРЕЛОМ В НАСТРОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА
- НАСТУПЛЕНИЕ

○ Часть четвертая

-
- ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА
- ПЕРВЫЕ БОИ
- СТИХИЯ В КАЧЕСТВЕ СОЮЗНИКА
- В ПАДУНЕ
- ТУМАШЕВСКАЯ МЫШЕЛОВКА
- ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ КОЛЧАКА
- В ОМСКЕ
- В ВОЙСКАХ ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ

• notes

○ 1
○ 2
○ 3
○ 4

Неизведанными путями

С. Пичугов

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
НА УРАЛЕ

ОТ АВТОРА

На мою долю, как и на долю десятков тысяч людей моего поколения, выпало счастье быть свидетелем и участником великих событий, которые знаменовали собой начало новой эры — социализма. В своих воспоминаниях я хочу рассказать, как уральские рабочие и крестьяне, руководимые партией большевиков, устанавливали власть Советов, как они, полуголодные, полураздетые, боролись за свою власть и с оружием в руках защищали ее. Мне хочется в этих воспоминаниях рассказать, как простые люди из народа пришли в революцию и стали стойкими борцами за новую жизнь.

Посвящаю бойцам революции, боевым соратникам-уральцам.

Часть первая
ЗЕМЛЯКИ

ИЗ ПРОШЛОГО РОДНОГО СЕЛА

Если вам приходилось бывать на Урале в Челябинской области, то вы, наверное, слыхали об озере Увильды, славящемся, впрочем, как и многие озера Урала, красотой берегов своих и удивительной прозрачностью воды. Вблизи этого большого озера раскинулось село, называемое в народе Тютнярами. Это моя родина.

До революции Тютняры официально именовали селом Рождественским, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии. Фактически же оно состояло из четырех населенных пунктов: сел Губернского и Кузнецкого и деревень Беспаловой и Смолиной, которые к 90-м годам прошлого века слились в одно огромное село, где было четыре кабака, столько же церквей и только девять сельских и церковно-приходских школ.

К началу первой мировой войны в Тютнярах насчитывалось свыше 25 000 жителей. Подавляющая часть тютнярцев занималась отхожим промыслом, потому что в Тютнярах своей земли было очень мало — на душу приходилось не более полдесятины. Арендовать землю башкир, которой у них было много, бедные крестьяне не могли, так как все башкирские земли были уже захвачены богатеями. Безземелье заставляло многих тютнярцев уходить работать на Карабашский медеплавильный завод, на рудники или батрачить у местных кулаков которые сеяли пшеницу и сбывали ее тысячами пудов в Аргаяш хлеботорговцам. Кулаки имели добротные дома с огромными каменными дворами и амбарами в самих Тютнярах, кроме того, они ставили заимки на арендованной земле, а наиболее богатые из них имели дома в Аргаяше и даже в Челябинске.

Рабочие Кыштыма и другие соседи звали тютнярцев «баргой проигранной». Откуда взялась эта кличка? Мой дед Иван не раз рассказывал мне, что лет полтораста тому назад предки тютнярцев, несколько десятков семей, были проиграны барином в карты и по повелению их нового владельца переселены из центральной части России на вновь приобретенные далекие башкирские земли. Так и возникло село Тютняры. Название свое, как вспоминал дед, оно получило от реки Тютнярки, с которой были переселены эти семьи. А вот почему тютнярцев звали «баргой», дед не знал.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Началась первая мировая война, и из Тютняр в царскую армию забрали не одну сотню солдат. Переезд к западным границам России, пребывание в окопах, военные неудачи, бессмысленная и бесцельная гибель тысяч солдат — все это заставляло задумываться и на многое смотреть иначе. И тютнярцы, пройдя в окопах школу суровой жизни, к началу Февральской революции в массе своей были настроены довольно революционно. Такой сдвиг влево происходил тогда в умах всего многомиллионного русского крестьянства, задавленного бесправием, нуждой и безземельем.

Я, как и многие тютнярцы, также был призван в действующую армию, прошел свою солдатскую школу на полях Польши и Румынии и после второго ранения в феврале 1917 года попал в 107-й запасный полк, находившийся в Перми. Структура запасных полков была несложной. Весь полк делился на две части: кадровые (инструктора, унтер-офицеры и офицеры) и переменный состав (новобранцы, мобилизованные и поступавшие из госпиталей раненые фронтовики). Кадровые обучали и формировали из переменного состава маршевые роты, которые направлялись на фронт на пополнение действующих частей. Сами же кадровые, как правило, всю войну оставались в тылу и занимались обучением новых пополнений.

Сразу же по прибытии в полк меня назначили в маршевую роту, которая вскоре должна была отправляться на фронт. Кадровый состав 11-й роты, где формировалась наша маршевая рота, резко отличался от фронтовиков: он был хорошо обмундирован, откормлен и жил припеваючи.

— Живут же «кадры» как у Христа за пазухой, никто из них и пороха не нюхал… И опять в тылу остаются. А мы, все издырявленные пулями, должны снова ехать защищать родину. Когда же придет конец всему этому?

Такие разговоры часто можно было слышать от солдат, побывавших на фронте и не один раз раненных.

Кадровый состав 107-го полка состоял в основном из торговцев, крупных кулаков и всех тех, кто имел возможность откупиться от фронта. Сами себя они называли зажиточными людьми и не скрывали своего презрительного отношения к нам, фронтовикам, или, как они говорили, голытьбе.

В конце февраля среди солдат разнесся слух, что в Питере восстали рабочие, что они даже арестовывают полицию. Слухи эти были восприняты по-разному. Фронтовики и маршевики

встретили их с радостной надеждой. Они думали: «Если революция, то, может быть, войне конец?» Кадровые были ошеломлены.

Командованию было известно гораздо больше, чем нам, солдатам, и оно приняло срочные меры: солдатам запретили увольнение в город, в ротах из пирамид изъяли все винтовки, даже учебные, и заперли в цейхгауз, который охраняли часовые из кадровых.

А в городе начались демонстрации, и, несмотря на запрет, фронтовики хлынули из казармы на улицу, увлекая за собой остальных солдат. У всех было какое-то радостное, праздничное настроение, все чувствовали, что свершилось что-то большое, но что именно, толком никто не знал.

Вскоре мы узнали, что в пермском цирке проходят собрания и митинги. Многие солдаты начали похаживать туда. Стал бывать там и я. Митинги в цирке шли с утра до ночи, на трибуне сменяли друг друга ораторы разных партий. Публика реагировала очень бурно, подкрепляя выступления ораторов гулом одобрений или протестов. Вначале я, как и большинство участников митингов, аплодировал тем, кто красиво и «зажигательно» говорил. Такие ораторы казались мне самыми настоящими революционерами.

В армию я попал, имея за плечами трехлетнюю сельскую школу и девять лет тяжелого труда батрака и рабочего. Военная служба дала мне знание воинских уставов и научила титуловать царя, царицу, наследника и четырех царских дочерей. Хотя на фронте за боевые отличия меня и произвели в подпрапорщики, так как я был награжден четырьмя георгиевскими крестами, но происходящие события я понимал немного лучше, чем большинство солдат, с которыми я жил в казарме.

Стараясь разобраться в происходящем, я стал читать газеты, листовки и брошюры, какие только мог достать, но от этого чтения в голове только все путалось.

В это время я познакомился с солдатом соседней 10-й роты большевиком Каминским, который помог мне во многом разобраться.

Каминский был вольноопределяющимся (так назывались в старой царской армии солдаты, имевшие среднее или высшее образование; в отличие от других солдат у них был на погонах крученый трехцветный кант из белого, черного и красного витков). Без сомнения, Каминский был образованным человеком и мог бы поступить в военное училище или школу прапорщиков и стать офицером, но, видимо, из-за своих политических взглядов не попал туда и остался рядовым. От офицеров он держался

подальше, не в пример другим «вольноперам» (так язвительно называли солдаты эту категорию людей), но был прост и доступен для нас, серых, малограмотных солдат, и мы часто обращались к нему запросто с самыми различными вопросами. Говорил он мало, но каждое слово его крепко оседало в душе бесправных и забитых солдат. Каминский был первым моим учителем, который умел видеть не только внешнюю сторону явлений, но и внутреннее содержание их.

Постепенно я стал разбираться даже в речах ораторов: я уже знал, что если оратор защищает Временное правительство и ругает большевиков, то это наверняка меньшевик или эсер. Благодаря Каминскому мои симпатии уже твердо были на стороне большевиков, потому что они требовали кончить войну и передать землю крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим. Иногда я просто удивлялся, насколько верно большевики передавали мои собственные желания и стремления, которые я тогда еще, пожалуй, и не смог бы ясно выразить.

В нашей роте солдаты часто обсуждали события тогдашних дней, стараясь разобраться в многочисленных партиях и их программах. Я стал рассказывать фронтовикам своей роты о беседах с большевиком Каминским. Слушали они меня внимательно. Им особенно нравилось, что большевики требовали мира и передачи земли в руки крестьян.

Эти частые беседы и споры еще теснее сплотили фронтовиков 11-й роты. Мы решили выступить против наших ближайших и непосредственных врагов — ненавистных нам кадровых. Сначала фронтовики начали обрабатывать солдат-маршевиков 11-й роты, чтобы вместе потребовать отправки на фронт всех кадровых, которые просидели всю войну в тылу. По настоянию фронтовиков провели общее собрание роты, на котором было принято решение об отправке кадровых на фронт.

Узнав об этом, начальство встало на дыбы. В роту приехал сам командир полка полковник Напрушевский и попытался уговорить роту отказаться от своего «странного» решения, но солдаты маршевой роты заявили, что без кадровых они на фронт не поедут. Командир полка, как ни крутился, вынужден был согласиться на отправку кадровых на фронт. Это была первая наша победа.

Вскоре после этого собрания солдаты 11-й роты избрали меня ротным делегатом. Теперь мне часто приходилось бывать на заседаниях полкового комитета, где разгорались самые настоящие бои между большевиками, с одной стороны, и эсерами и меньшевиками — с другой, которых вместе было больше, чем большевиков. Эти словесные сражений явились для меня

неплохой политической школой. Уже тогда я начал понимать, что скрывается за трескучими фразами эсеров и умиротворительными речами меньшевиков.

5 мая 1917 года по рекомендации Каминского я был принят членом РСДРП(б). С этого дня вся моя жизнь, помыслы и дела всегда были связаны с нашей славной партией.

Несмотря на то, что большевиков в полковом комитете было меньшинство, они все-таки оказывали большой влияние на солдат, и 107-й запасный полк, состоявший в основном из уральских крестьян и рабочих, считался в Перми революционным полком, не в пример 102-му полку.

В Пермском Совете в это время оказалось засилье эсеров. Большевики были там в меньшинстве. Эсеры опираясь на кулацкие элементы и на украинских самостийников, которых в 162-м запасном полку было несколько рот, повели бешеную травлю большевиков. Когда в июле 1917 года в Перми происходила демонстрация рабочих под лозунгами «Долой 10 министров капиталистов!», «Долой войну!», украинские самостийники приняли самое активное участие в разгоне этой демонстрации. После этого травля большевиков усилилась. Дело дошло до того, что большевикам в Перми пришлось перейти на полулегальное положение и только Мотовилихинский Совет (Мотовилиха — рабочий пригород Перми) смог вести активную борьбу с эсерами.

Ввиду засилья в Перми эсеров октябрьские события не получили в городе должной поддержки. Наоборот, в эти дни в Перми возникает какой-то «совет» по управлению губернией под руководством представителя Временного правительства, куда входили земские деятели, представители союза почт и телеграфа, члены крестьянского совета и представители от партий эсеров и меньшевиков.

Желая избавиться от революционно настроенных фронтовиков, пермские власти стали отправлять их в бессрочный отпуск. В такой отпуск попал и я. Но возвращался я в родное село уже не серым новобранцем, а большевиком.

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОВЕТ

Приехав в конце декабря 1917 года в Тютняры, я застал там мало обрадовавшую меня картину: всеми делами волости по-прежнему правил бывший старшина кулак Букин, переизбранный при Керенском председателем волостной управы. Что же касается Совета крестьянских депутатов, то, не имея фактической власти, он вообще ни во что не вмешивался и ютился где-то на задворках. Председателем его был Иван Тряпицин, именовавший себя эсером. Он занимался разбором заявлений солдаток на отпуск им дровишек из сухостоя и валежника, собирал разные пожертвования для семей погибших на фронте и ведал другими благотворительными делами. Большего он и сам, видимо, не добивался.

Вскоре после приезда я пришел в Совет, где встретил большевистски настроенных фронтовиков Киприянова Ивана Тихоновича и Димитрина Павла Яковлевича, зашедших тоже поинтересоваться делами Совета. Они, как и я, тоже не были удовлетворены его деятельностью. Мы считали, что после Октября вся власть в волости должна полностью принадлежать Совету, а тут Совет какой-то ублюдок, а не хозяин, как ему полагалось быть. Мы высказали свое мнение Тряпицину, на что он ответил, что, дескать, такова воля большинства членов Совета, он тут ни при чем. Когда мы ознакомились с Советом поближе, то увидели, что в своем большинстве он состоит из местной интеллигенции, которая следовала эсеровским заповедям; кроме нее, в Совете было много так называемых «крепких хозяев», попросту кулаков. Мы поняли, что такой Совет не способен осуществить чаяний и стремлений беднейшего крестьянства и решили изменить его состав. Но как это сделать? Букин чувствовал себя уверенно. Он опирался на всю зажиточную часть села, его поддерживала и значительная часть середняков. Мужик он был очень хитрый, старался казаться добрым, умел со всеми ладить и пользовался в волости известным авторитетом. Это был серьезный противник. Сначала мы попытались договориться с ним по-хорошему: предложили собрать волостной сход и устроить перевыборы или довыборы Совета. Это предложение мотивировали тем, что многие солдаты, вернувшиеся с фронта, не принимали участия в выборах и не имели, следовательно, своих представителей в Совете. Но Букин сразу разгадал наш ход и не долго думая ответил:

— Из вашей затеи, господа-товарищи, ничего не выйдет. Виданное ли дело, чтобы голытьба правила мирскими делами? И

кто вам это доверит? — А потом добавил с нахальной улыбкой: — Ведь ваши большевики в городе долго не продержатся.

После этой неудачной попытки мы начали действовать иначе. Посоветовавшись, решили не ссориться со старым Советом, а использовать его в нашей борьбе за создание нового, большевистского Совета. В первую очередь занялись председателем Совета Тряпициным. Склонить его на нашу сторону большого труда не составляло: мы предложили ему в новом волостном Совете пост председателя, а также обещали послать делегатом на Уральский съезд Советов. После этого Тряпицин стал работать с нами в полном контакте.

Вскоре мы уговорили его создать при Совете боевую дружину из революционно настроенных фронтовиков, принесших с собой с фронта оружие. В эту дружину вошли бывший батрак Василий Ершов, Валентин Зимин, Иван Маркин и другие. Вначале перед дружиной ставились очень скромные задачи — поддерживать порядок на митингах и собраниях, которые будет проводить Совет. Потом мы создали нечто вроде организационного комитета, который должен был сплотить всех революционно настроенных фронтовиков и через них повести широкую агитацию за перевыборы волостного Совета. В состав этого комитета вошли И. В. Тряпицин, П. Я. Димитрин, И. Т. Киприянов и я.

Комитет развернул бурную деятельность. Только за январь было проведено не меньше десятка митингов и собраний. На них мы разъясняли крестьянам, чего хотят большевики. Эсеры и кулаки вступали с нами в ожесточенные споры, но у нас были неотразимые аргументы: мир, хлеб, земля.

Для ведения агитации использовали любой подходящий случай: вели беседы в избах, на рынках, везде, где собирались или случайно скапливались люди, использовали вечеринки, свадьбы, а то и просто вели разговоры у колодца.

Кулаки и их вожак Иван Букин видели, что они уже не в силах помешать большевикам вести агитацию против старой власти, знали, что в открытом бою они проиграют, и боялись этого.

Кропотливая работа большевиков в течение двух с лишним месяцев уже дала себя знать. Беднота, доселе молчавшая и забитая, начала постепенно пробуждаться и выступать на митингах, обличая кулаков в алчности и несправедливости.

В начале февраля 1918 года Тютняры бурлили, как кипящий котел. Середняки, правда, пока колебались, занимали выжидательную позицию, но значительная часть из них тоже сочувствовала большевикам. Особенно им нравился декрет о

земле.

— Земля крестьянам, это хорошо, — говорили они. — Отцы и деды наши всю жизнь о ней думали.

Наконец подошли перевыборы, назначенные комитетом на 11 февраля. День выдался морозный. С утра тютнярцы потянулись вереницами в Кузнецкую школу, где был назначен сход. Шли все — и беднота и кулаки, шел и середняк. Никто в этот день не хотел оставаться и стороне от событий. Явился и Букин. Возле него плотной толпой стояли кулаки. Тут был и мировой судья Переберин. Народу собралось столько, что школа, не могла уже вместить всех. В первую очередь в теплое помещение школы старалась пролезть плохо одетая беднота, и там уже не оставалось свободного места. Кулаки, наоборот, группировались на улице у школы. Наступило время начать собрание. Возник вопрос, где его проводить. Кулаки требовали проводить собрание на площади у школы, мотивируя это тем, что помещение школы не может вместить всех собравшихся. Они рассчитывали, что в такой мороз беднота долго не выдержит и разбредется. Тогда они проведут в Совет своих кандидатов во главе с Букиным, и опять все останется по-прежнему. Предложение, внесенное кулаками, по форме было правильным. Народ, правда, нехотя, но начал уже выходить из школы, не подозревая кулацкой махинации. Однако фронтовики сообразили в чем дело. На стол, приготовленный для президиума, вскочил Василий Ершов и резким, пронзительным голосом закричал:

— Товарищи! Кулакам хорошо, на них волчьи тулупы, им можно и на площади. А у вас? — обращаясь к бедноте, спросил он. — Вот такое же, — и он указал на свою дырявую шинель.

Люди заколебались и нерешительно остановились.

— Пусть кулаки проводят свое собрание на площади, а мы будем в школе. Посмотрим, чья возьмет? — закончил Ершов, соскакивая со стола.

— Правильно! — закричала беднота. — Не пойдем!

После этого кулаки попытались организовать свое собрание на площади. Председательствовал у них мировой судья Переберин. Он предложил никакого Совета не выбирать (одно слово «совет» ему было противно), а выразить доверие волостной управе. Так и порешили. На этом кулацкое собрание закончилось. Но наиболее ретивые из кулаков не разошлись, а ринулись в школу, попытались сорвать собрание бедноты. Крестьяне выгнали их вон.

Собрание в школе проходило шумно, дружно и даже как-то торжественно. Когда выдвигали кандидатов в Совет, собрание хором спрашивало: кто он? И когда председатель отвечал:

«большевик» или «фронтовик» — мигом вырастал над головами сплошной лес заскорузлых мужицких рук. Слышались возгласы: «Наш, постоит за бедноту!».

Поздно вечером собрание закончилось победой большевиков. Теперь в Совете большинство принадлежало фронтовикам и бедноте. В числе других фронтовиков был избран и я. На меня возложили обязанности волвоенкома и заместителя председателя Совета. Председателем был избран Тряпицин. Бывший помощник волостного писаря фронтовик Димитрин был избран секретарем волисполкома, большевик Иван Тихонович Киприянов — заведующим продовольственным отделом. По своему составу новый Совет был большевистским. Правда, многие из его членов не имели партийных билетов, но они искренне считали себя большевиками и действовали как большевики.

ДЕЙСТВИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ

Первым актом новой власти был роспуск волостной управы. Старое здание волостного правления, замызганное и пропахшее табаком и мышами, казалось нам неподходящим для новой Советской власти. Само это здание и связанные с ним воспоминания о старой власти и ее действиях были противны народу. Поэтому для размещения Рождественского волостного исполнительного комитета были заняты два кулацких дома, хозяева которых (братья Лезины) жили на заимках. Первое, что решил Совет, это помочь бедноте и семьям погибших на фронте. Но как это сделать? Материальных средств у нас никаких не было. Управа оставила нам пустой денежный ящик и изъеденный мышами архив. Мы долго думали и обсуждали, как помочь нуждающимся, и наконец решили установить твердые цены на муку, чтобы обуздать спекулянтов и кулаков. Затем мы обязали кулаков выдавать семьям погибших на фронте по пуду муки на едока в месяц бесплатно. Каждому кулаку было дано твердое задание, сколько он должен выдать хлеба бесплатно и сколько по твердой цене. Это мероприятие новой власти кулаки встретили в штыки, они попросту саботировали его. Самых ярых саботажников мы сажали и кутузку, но это не давало должного эффекта. Тогда Совет решил изъять у кулаков часть излишков хлеба и сосредоточить их в своих руках, что вскоре и было сделано не без помощи дружины.

В апреле по указанию Уральского областного Совета мы произвели изъятие денежных средств у торговцев и промышленников, именуемое почему-то контрибуцией. Никто из торговцев и промышленников не хотел вносить эту контрибуцию, но мы уже немного научились ломать сопротивление этих людей. Стали вызывать в Совет повестками. А кто не являлся, того приводили под конвоем дружинники. Помню, как первым вызвали самого крупного торговца Ивана Сатонина, у которого было два магазина, один в селе Кузнецком, другой — в Губернском. На него было наложено 50 000 рублей. Он явился в Совет одетый почти в рубище и начал причитать жалобным голосом:

— Что вы, товарищи, откуда у меня таким деньгам взяться? Есть у меня ценные бумаги на двадцать тысяч рублей. Пожалуйста! — и он вывалил на стол аннулированные облигации какого-то военного займа царского правительства.

— Оставь это себе на память, — заявили мы. — Нам нужны деньги, а не доказательство твоей преданности царскому

правительству.

— У меня нет больше ни копейки, дорогие товарищи, — продолжал плаксиво тянуть торговец.

— Не заплатишь, будешь сидеть. Отвести его в кутузку, — сказал Тряпицин.

Сатонин взвыл и повалился Тряпицину в ноги. Потом начал убеждать меня, что является мне каким-то родственником, но и это не помогло. Просидев пять дней в кутузке, on написал жене записку, и 50 000 рублей были доставлены.

Почти таким же образом приходилось поступать со всеми кулаками и торговцами.

Вскоре до нас дошли слухи, что в других местах Советы конфискуют промышленные предприятия и передают их в собственность народа. Наш Совет решил сделать то же.

Из промышленных предприятий в Рождественском была паровая мельница, принадлежавшая вдове Морозовой и ее сыну, и несколько кустарных мастерских по выделке кожи, которыми владели местные кулаки-старообрядцы. Мельницу и кожевенные мастерские Совет отобрал и передал в собственность общества, а управлять ими назначил своих представителей. Сапожник Феклистов Григорий Иванович был назначен уполномоченным по кожевенным мастерским, а приказчик с мельницы, однорукий матрос Колотушкин Федор Дмитриевич, — уполномоченным по мельнице.

Совету пришлось заняться и другими хозяйственными вопросами.

За войну жилье тютнярцев пришло в такое состояние, что требовало ремонта. Поэтому Совет разрешил нуждающимся мужикам заготовлять строительный лес в бывшем господском лесу, принадлежавшем владельцам Кыштымского завода. Лесничим Совет поставил своего человека Кузьму Сатонина, который беспрекословно подчинялся Совету. Сделана была также крупная заготовка строительных материалов для общественных нужд: на ремонт мостов, школ и других общественных зданий. Лесу заготовили много, но пилить его было нечем. Тогда Совет решил приобрести пилораму. Ее мы выменяли в соседнем Кыштымском заводе на хлеб, специально собранный для этого у зажиточной части села. Сбор хлеба прошел сравнительно хорошо, так как лесопилка нужна была всем, в том числе и кулакам. Пилорама работала день и ночь и приносила приличный доход. Оплату за распиловку леса и за размол зерна на мельнице брали натурой — мукой и зерном. В результате у нас скопились приличные запасы продовольствия, и мы имели возможность оказывать уже реальную помощь бедноте и семьям погибших на

фронте. Таким образом, Совет все больше укреплялся и политически и материально.

БЕЛОЧЕХИ

Шел май месяц. Начался первый сев при Советской власти. Бедняки, получившие от Совета посевной материал, засевали свои клочки земли. Многие из них делали это как самостоятельные хозяева впервые. Кулаков решением Совета мы обязали в первую очередь обработать участки безлошадным семьям погибших на фронте.

Полевые работы были в полном разгаре. Сбывалась заветная мечта бедняков о том, что можно будет есть досыта и иметь свой хлеб до нового урожая. Тютнярцы, увлеченные полевыми работами, не заметили, как на них навалилась неожиданная беда.

Утром 27 мая до нас дошли слухи о том, что город Челябинск, который находится в шестидесяти километрах от Тютняр, заняли белочехи. Это известие поразило нас своей неожиданностью. Кто такие чехи и что им нужно? Никто из нас не мог ответить на этот вопрос. Одни говорили, что это кулацкая выдумка, что никаких чехов нет; другие советовали запросить область и проверить слух. Запросили, но на наш запрос область долго ничего не отвечала. События же развивались с неожиданной быстротой.

В тот же день к обеду со станции Аргаяш прибежал председатель сельсовета Спиридон Ходов и с ним казначей Николай Шпренгер. Они сообщили, что в Аргаяш со стороны Челябинска прибыл отряд каких-то чехов под командованием офицера и занял станцию. Аргаяшские кулаки во главе с хлебным торговцем Макаревским встретили чехов с хлебом и солью и, ликуя от радости, кричали на весь поселок:

— Христос воскресе! Долой большевиков! Конец иродам!

Ходов со Шпренгером с трудом выбрались из поселка задворками, а остальные члены Совета, видимо, были арестованы. Это были уже не слухи, а факты, ясно говорившие о том, что мы имеем дело с врагом, которого можно было ожидать у нас каждую минуту.

Раздумывать было некогда, поэтому на дорогу, идущую со станции Аргаяш, срочно была выставлена застава из наших дружинников во главе с членом Совета Кондратьевым. Но что еще делать, Совет не знал.

Наконец к вечеру из Екатеринбурга было получено указание создать ревком и приступить к организации добровольческого отряда. В ревком вошли Димитрин, Киприянов, я и другие. На следующий день ревком объявил запись добровольцев в партизанский отряд, который позднее получил название 1-го

Рождественского партизанского отряда. Почему партизанский? Ведь он создавался не в тылу врага. Отряд формировался преимущественно из фронтовиков, которые смертельно устали и от войны, и от солдатской службы. Вступление же в партизанский отряд имело как бы временный характер. «Прогоним чехов — и разойдемся», — так думали многие добровольцы. Формировать Рождественский отряд и командовать им было поручено мне, а комиссаром его был назначен Димитрин.

Были проведены митинги в Кузнецком, Губернском, Смолиной, Беспаловке с призывом записаться в отряд. Эти военные приготовления и непосредственная опасность, нависшая над селом, заставили задуматься многих. Каждый по-своему реагировал на события: беднота начала записываться в отряд, кулаки воспрянули духом и повели злобную агитацию против Советов, расхваливая чехов. Они говорили, что чехи почти что русские, что они нам братья и плохого ничего не сделают. Наиболее рьяных и активных агитаторов — кулака Киприянова, Акима-звонаря и других пришлось немедленно арестовать. Срочно была проведена мобилизация конского состава. И. Т. Киприянов и учительница из Кузнецкого Катя Истокская (единственная из учителей, сочувствовавшая Советам) занялись сбором продовольствия для отряда.

На второй или третий день из Челябинска прибежали члены Челябинского Совета Новоселов и Александр Ромашев и с ними еще кто-то третий, фамилию его не помню. Они подробно рассказали нам о том, кто такие чехи и чего они хотят. Оказалось, что поводом к выступлению чехов послужил арест Челябинским Советом чехословацких солдат за убийство мадьяра. В ответ на это чехи предъявили ультиматум Совету. Челябинский Совет пошел на переговоры и принял все требования чехов. Несмотря на это, чехи 27 мая заняли важнейшие учреждения города, а на второй день разогнали Совет и начали арестовывать советских работников.

Только много позднее мы узнали, что мятеж чехов был заранее подготовлен и специально спровоцирован врагами Советов.

Чехи были для нас очень опасным противником, потому что они были хорошо вооружены, прекрасно обучены и организованы.

НА ВЫРУЧКУ ТОВАРИЩЕЙ

В конце мая в ревком прибежал из деревни Мухамед-Кулуева башкир Кучуков и сообщил, что деревня занята казаками, а работники волостного исполнительного комитета — председатель, секретарь и начальник милиции — арестованы и казаки собираются их расстрелять. Рождественский ревком решил немедленно послать небольшой конный отряд на выручку арестованных товарищей. В него вошли бывший батрак Василий Ершов, фронтовик Валентин Зимин, Иван Маркин, братья Кауровы — Леонид и Владимир, братья Пичуговы — Петр и Гавриил, Александр Мучкин и другие. Всего набралось человек двадцать пять. Отряд возглавил я, с нами же отправился комиссар отряда П. Я. Димитрин.

Тридцать пять верст, отделяющие Рождественское от деревни Мухамед-Кулуева, отряд верхами прошел за два часа с небольшим. Приближаясь к деревне, мы узнали от работавших в поле крестьян, что она занята сотней казаков. Что делать? Противник превосходил нас в четыре раза. В этом случае надо было брать не силой, а внезапностью, дерзостью и храбростью. Для этой цели свой отряд я разделил на три части, решив как можно ближе подойти незамеченными к деревне, ударить одновременно с трех сторон, ошеломить противника, вырвать пленников и ускакать. Характер местности вполне позволял это сделать: деревню окружал сплошной лес, почти вплотную подступавший к строениям. Было страшновато, так как риск был большой, но я не сомневался в своих товарищах, поэтому пошел на него. Все понимали, что нужно спасти арестованных, вырвать из рук врага своих товарищей. Эта мысль руководила нашим сознанием.

Подойдя вплотную к деревне и сделав по условному сигналу два залпа, мы с криками «ура» на бешеном галопе рванулись с трех сторон к центру деревни, к зданию волостного Совета.

Казаки, застигнутые врасплох, в панике бросились бежать. Не имея сил их преследовать, мы выставили небольшой заслон и немедленно бросились в здание волости, где, к нашей радости, нашли арестованных товарищей живыми. Сбив замок с кутузки, мы освободили их. Захватив денежный ящик (где, как мы узнали позднее, было 90 000 рублей), пишущую машинку, брошенные казаками винтовки, седла и несколько лошадей, отряд вместе с освобожденными немедленно двинулся в обратный путь. Опасаясь, что казаки, оправившись от паники, могут устроить за нами погоню, мы распустили слух среди жителей деревни, что

наш отряд — это только разъезд большого отряда, который движется сюда. Кроме того, обратно мы поехали по другой, малоизвестной дороге, по берегу реки Миасс.

Не знаю, что удержало казаков от погони — слух ли, который мы распустили среди населения о движении мнимого отряда, или что другое, но они нас не преследовали, и мы благополучно вернулись в Тютняры, привезя с собой спасенных товарищей и первые трофеи.

НЕУДАВШЕЕСЯ НАСТУПЛЕНИЕ

В июне село Тютняры превратилось в крупный военный пункт, где собралось несколько добровольческих отрядов екатеринбург-челябинского направления. Первым прибыл Кыштымский отряд, потом Чусовский (каким-то из этих отрядов командовал Тимонин). К этому же времени закончил свое формирование 1-й Рождественский партизанский отряд. Начал формироваться 2-й Рождественский партизанский отряд под командованием Тряпицина. Всего в Тютнярах к концу июня скопилось до полутора тысяч войск екатеринбург-челябинского направления. Участок фронта, который занимал 1-й Рождественский отряд, был растянут от озера Увильды до восточного берега озера Большие Ирдиги, то есть занимал полосу общей протяженностью до десяти километров.

В это время в Тютняры с большой помпой в легковом автомобиле (в Тютнярах это был первый автомобиль, и он произвел впечатление) приехал комиссар екатеринбург-челябинского направления Сергей Мрачковский со своим военруком капитаном Осиповым. Не осмотрев позиций, не ознакомившись лично с войсками, он собрал узкое совещание, на которое, как мне помнится, не были даже приглашены все командиры отрядов. На этом совещании Мрачковский сообщил свой план операции. Он приказал ударить из Тютняр двумя отрядами — Кыштымским и Чусовским — на станцию Есаульскую, чтобы отрезать войска противника, скопившиеся в районе Аргаяша.

1-й Рождественский партизанский отряд должен был оставаться на месте для прикрытия фланга и тыла наступающих войск, но так как в отряде имелась сильная конная группа, то мне пришлось половину ее выделить в распоряжение Тимонина, которому было поручено общее руководство войсками, идущими в это наступление.

2-й Рождественский партизанский отряд, как не закончивший своего формирования, должен был оставаться пока в резерве.

Для поддержки этого наступления из района Надырова Моста должен был наступать отряд анархиста Жебенева. Но, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Ранним утром в день наступления отряды Тимонина с приданной им конной группой 1-го Рождественского партизанского отряда начали движение на Есаульскую. Связи между отрядами почти не было, и мы не знали, как развивались

события. Только во второй половине дня стало известно, что наступление на Есаульскую почему-то приостановлено. Эти сведения доставили наши конники, которые были отправлены в распоряжение Тимонина. Они вернулись возмущенные до глубины души тем, что Тимонин, послав их в разведку на Есаульскую, не дождался их возвращения и куда-то исчез со своими отрядами, не оставив никого на исходном пункте даже для связи.

Такие известия нас крайне удивили и показались невероятными. Мы решили немедленно послать разъезд, чтобы разыскать отряды Тимонина, установить с ним связь и выяснить создавшуюся обстановку.

Спустя пару часов послали еще один разъезд, более сильный. Ни первый, ни второй разъезд тимонинских отрядов не обнаружил. Сведения, которые им удалось собрать, были самые разноречивые. По одним сведениям, Тимонин отступил на Кыштым, по другим выходило, что его отряд разбит и рассеялся по лесу. И то и другое было плохо.

Посоветовавшись с комиссаром, мы решили отвести и сосредоточить свой отряд на узком перешейке между озерами Увильды и Малые Ирдиги.

Пока отряд перебирался на новую позицию, я отправился в Кузнецкое, где был расположен 2-й Рождественский отряд, к командиру его Тряпицину, чтобы узнать, что произошло с отрядом Тимонина.

Когда я подъехал к месту расположения отряда, то увидел, что Тряпицин стоит на телеге, запряженной огромным серым жеребцом, и что-то доказывает своим партизанам, а те хором кричат ему что-то в ответ. Шум стоял неимоверный, и слабый голос Тряпицина терялся в нем. Я не мог расслышать, о чем он говорил, и стал пробираться через толпу поближе к Тряпицину. Вскоре я понял, что он требует, чтобы отряд приготовился к немедленному отступлению, а партизаны не соглашались покидать Тютняры. Наконец потеряв самообладание, Тряпицин закричал:

— Кто не хочет идти с нами, должен немедленно сдать оружие!

Эта последняя фраза развязала руки всем случайно попавшим в отряд. Они с наглым видом стали подходить к импровизированной трибуне и со злостью кидали винтовки к ногам Тряпицина.

Не успел Тряпицин опомниться, как половина его людей исчезла. Медленно обведя взглядом остатки своего отряда и посмотрев на телегу, где лежала груда винтовок, он тяжело

вздохнул. Потом обернулся ко мне и спросил:

— Как у вас там?

— Ничего, — ответил я. — Мы решили занять перешеек за мельницей. А где Тимонин со своими отрядами? — спросил я Тряпицина.

— Не знаю, — просто ответил он. — Наверно, отошли на Кыштым. От Мрачковского было распоряжение немедленно отступать, — добавил он с поспешностью.

— Куда? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Тряпицин. — Мы пойдем тоже к вам на перешеек, а там решим вместе, куда нам отступать.

Дорогой, пытаясь оправдаться передо мной, почему он потребовал сдать оружие, Тряпицин сказал:

— Боялся я, что они уйдут с оружием и оно попадет к противнику.

За мельницей на опушке соснового бора нас встретил комиссар 1-го отряда Димитрин. Видя, что людей пришло мало, он, недоумевая, спросил Тряпицина:

— А где ваши люди, Иван Васильевич?

Тряпицин безнадежно махнул рукой в сторону Тютняр и, стараясь казаться спокойным, заявил:

— Ушли защищать свои огороды.

Димитрин, увидев на телеге кучу винтовок, все понял и не стал больше расспрашивать.

НЕОЖИДАННЫЙ ОТХОД

Уже начало темнеть, когда оба Рождественских отряда собрались на узком перешейке озер у опушки соснового бора.

Исчезновение отрядов Тимонина и неясность обстановки поставили нас в трудное положение. После долгих споров все согласились, что Тютняры придется оставить. Решили объединить первый и второй отряды в один и следовать на Кыштым, где соединиться с другими частями екатеринбургского направления.

Наступила темная, непроглядная ночь, все небо заволокло черными, грозовыми тучами. Тьма хоть глаз выколи. Слышались раскаты грома, и небо бороздили молнии. Вспышки их, хотя и короткие, помогали нам ориентироваться в темноте. Путь до Кыштыма пролегал по грудной лесной дороге, изрезанной ухабами, пересеченной выступавшими корнями сосен; часто встречались вязкие болотистые низины, где с трудом проходил наш обоз.

На рассвете, усталые и голодные, мы подошли к Кыштыму. Каждый из нас думал, что здесь сможет немного отдохнуть и подкрепиться. Но не успели мы войти в Кыштым, как нас ошеломила неожиданная новость: станцию Кыштым еще вчера вечером заняли чехи, Занята и дорога на Касли. Путь на соединение с частями екатеринбургского направления был окончательно отрезан. Оставался единственный путь — идти через Уральский хребет на соединение со златоустовскими отрядами. С помощью разведки мы установили, что станция узкоколейной железной дороги Кыштым — Карабаш еще не занята чехами. Мы решили захватить ее и, так как путь на Златоуст лежал через Карабаш, часть нашего громоздкого обоза отправить по узкоколейке на Карабаш. Таким образом, избавившись от громоздкого обоза, мы сделали отряд более боеспособным и подвижным.

Расстояние от Кыштыма до Карабаша (около 30 километров) прошли спокойно. Чехи нас не преследовали. К концу дня мы подошли к Карабашу. Разведка донесла, что хотя Карабаш и не занят противником, но Совета там уже нет, он, видимо, эвакуировался, а управляющий заводом Рихтер организует отряд из военнопленных в помощь чехам.

Посоветовавшись, решили в Карабаше не останавливаться, а сделать ночлег в лесу между Карабашем и Рассыпухой. Вперед были посланы опытные, хорошо знающие местность квартирьеры.

По Карабашу прошли в сомкнутом строю, стараясь показать, что мы еще не разбиты. Население реагировало по-разному: одни

смотрели на нас с тоской, другие — как злые псы из-под подворотни, готовые растерзать каждого из нас.

В районе озера Гардяш, где раньше прятались раскольники в своих скитах, мы устроили первый за двое суток похода отдых. Часть партизан разместилась в землянках лесорубов, некоторые наскоро построили себе шалаши из еловых веток. Здесь мы сделали первую проверку личному составу. В сводном отряде у нас осталось не больше двухсот человек, но народ подобрался надежный, смелый и преданный. Отсюда от нас ушел всего один человек, Афонька Лебедок. Он был другом моего детства, и я долго его уговаривал, но Афонька, видимо, не верил в наше дело и при первой неудаче спасовал.

Ночь прошла в тяжелых думах. Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть. Возникали в памяти картины безрадостного детства, тяжелые годы юности. Вспоминалось, как батрачил у тютнярских толстосумов, работая от зари до зари, получая за это три рубля в месяц и пуд прогорклой муки для голодной семьи отца. Вспомнилась работа на Карабашском заводе, где я гнул спину больше пяти лет.

Проснулся рано, но почти все люди были уже на ногах. Кто готовил завтрак, кто пил чай, а большинство возилось у верховых лошадей.

Наш отряд как-то незаметно превратился из пешего в конный, почти каждый подобрал себе лошаденку. Труднее было с седлами, и тот, кто имел седло, считался счастливцем, а большинство вместо седел привязывали подушки. В шутку такую кавалерию называли «деревянной кавалерией».

Недолгие сборы были закончены, и наш отряд двинулся дальше в глубь Урала, держа направление через Уральский хребет на Златоуст.

На четвертый день нашего похода перевалили Уральский хребет (гору Юрма) и вскоре подошли к селению Александровскому. Никакой власти мы там не обнаружили, Совет уже эвакуировался в Златоуст. Другая власть, может быть, и была, но при нас она не проявляла себя. Устроили большой привал: надо было запастись продовольствием и фуражом. Средств в отряде не было, поэтому решили вскрыть ящик, захваченный еще во время набега на деревню Мухамед-Кулуева. В ящике оказалось 90 000 рублей керенками. Сумма вполне приличная! Из этих денег выдали жалование партизанам, по 200 рублей каждому, и решили закупить фураж и продовольствие для отряда. Но сделать это даже при наличии денег было нелегко: ходить по дворам и закупать — дело капительное, собрать сход — тоже не было времени, да и рискованно. Поэтому собрали самых богатых и

влиятельных в селе жителей и в порядке военной поставки предложили им не позднее чем через два часа доставить в штаб отряда 200 пудов овса и 20 пудов печеного хлеба. Требуемое вскоре было доставлено. Рассчитавшись с жителями Александровского, мы двинулись на Златоуст.

В ЗЛАТОУСТЕ У МАЛЫШЕВА

В Златоуст прибыли к концу того же дня. Поручив Тряпицину расквартировывать отряд, я вместе с Димитриным отправился в штаб златоуст-челябинского направления, который размещался на станции в служебном вагоне. Комиссар златоуст-челябинского направления Иван Михайлович Малышев[1] принял нас приветливо. После того как я кратко рассказал ему о том, как мы попали в Златоуст и доложил о состоянии отряда, Малышев поздравил нас с удачным походом, расспросил о настроении людей, осведомился, имеется ли в отряде продовольствие, удобно ли расквартировались. Отпуская нас, он ласково сказал:

— Отдыхайте пока, а через пару дней я вас позову.

Впервые за эту неделю похода мы могли спокойно и хорошо отдохнуть. Партизаны, оторванные от своих семей, почувствовали здесь заботу, немного повеселели и успокоились.

Член Уральского Совета Иван Михайлович Малышев

Через два дня Иван Михайлович, как и обещал, вызвал нас с Димитриным в штаб. На этот раз он был чем-то озабочен. Поздоровавшись, осведомился о настроении людей в отряде,

потом ознакомил нас с создавшейся обстановкой и, глядя на карту, задумчиво произнес:

— Екатеринбургское и златоустовское направления оторваны друг от друга, противник без помех может перебрасывать силы с одного направления на другое, а мы даже и знать не будем. — И, оживляясь, добавил: — Хорошо бы в треугольнике Екатеринбург — Челябинск — Златоуст иметь подвижную группу, которая бы сообщала о всех передвижениях противника.

— А где должна базироваться эта группа? — спросил я, чувствуя, что этот разговор чем-то касается нас.

Малышев внимательно посмотрел на карту и ответил:

— Удобнее всего в районе Карабаша и Кыштыма. Вот что-то ваших Тютняр я не нахожу? — удивился он. — Ведь они также должны быть где-то здесь.

— Вы и не найдете их, — вмешался Димитрин. — Это для народа Тютняры, а официальное название села — Рождественское.

— Но это дела не меняет — Тютняры или Рождественское, а место удобное, — сказал Малышев. — Вот там бы где-нибудь и расположиться.

Меня охватило волнение, и сердце радостно забилось при одном только упоминании о Тютнярах.

— Если разрешите, я подберу ребят, которые охотно пойдут на это дело, — сказал я, волнуясь.

— Разрешите и мне тоже принять участие, — присоединился Димитрин.

— Хорошо. Я согласен, — ответил Малышев. — Даю вам день сроку, чтобы подобрать отряд, человек десять — пятнадцать, и наметить маршрут.

И мы ушли готовиться к походу.

Недостатка в желающих не было, многие хотели пойти в рейд. Но мы с Димитриным отбирали самых надежных, главным образом взяли тех, кто участвовал в налете на деревню Мухамед-Кулуева и неплохо показал себя: Ершова Василия, Зимина Валентина, братьев Кауровых, братьев Пичуговых, Ивана Маркина, Александра Мучкина, Стрихова, Денисова и других — всего 13 человек. Каждый из них дал клятву товарищам, что, если попадет в руки врага, не выдаст остальных. Подобрали себе лучших лошадей, наполнили переметные сумки патронами и продовольствием. Следовать мы должны были скрытно, малопроезжими дорогами и тропами, поэтому подвод с собой брать не могли. Весь обоз наш состоял из двух запасных коней, которые также были навьючены боеприпасами и неприкосновенным запасом.

Накануне выступления вечером я доложил Малышеву о готовности отряда и получил от него последние указания. Перед нами были поставлены следующие задачи: вести разведку тылов противника; следить за его продвижением; выявлять настроения войск и населения; держать связь между двумя направлениями — екатеринбургским и златоустовским.

В тылу врага мы должны были оставаться столько, сколько это будет возможно.

В ТЫЛ ВРАГА

Рано утром, еще до восхода солнца, наш маленький отряд покинул Златоуст. На душе у каждого было и радостно и тревожно. Ехали в родные, знакомые с детства места. Нам хотелось скорее увидеть или хотя бы услышать, как там, что сейчас делается, что стало с нашими семьями. Мы ехали в тыл врага и должны были рассчитывать лишь на себя и на свою находчивость. Единственным нашим убежищем будет дремучий уральский лес, который поможет в случае беды укрыться от врага. Мы знали, что найдем сочувствие у крестьян-бедняков, но они даже снабдить нас хлебом не смогут, потому что у них его нет. Сознание того, что мы едем выполнять важное задание, придавало нам сил и бодрости.

Размышляя таким образом, мы почти незаметно подъехали к знакомой уже нам Александровке, где несколько дней назад заготовляли фураж и продовольствие. Мы знали, что население враждебно к нам настроено, миновать же это село не могли: не было других дорог, вернее мы их не знали. Установить, занято ли оно противником, не удалось. Решено было тихо подъехать к селу и на бешеном галопе проскочить его.

Когда мы мчались по селу, к нашему удивлению, не встретили на улицах ни одного человека. Селение казалось вымершим.

Поравнявшись с церковью, увидели странную для себя картину: от церкви в сторону леса в панике бежали жители, а вместе с ними поспешал батюшка.

Мы остановились и решили узнать, что тут происходит. Из расспросов не успевших скрыться нескольких дряхлых старичков выяснили, что тут был молебен за здравие чехословаков, которые идут спасать их от большевиков. Старички, видя, что мы не погнались за молельщиками и спокойно с ними разговариваем, приняли нас за «своих» и доверительно сообщили, что перед молебном был митинг, на котором выступали кулацкие посланцы с Кусинского завода и предлагали всем молодым и здоровым записываться в отряд и пойти на помощь чехам спасать Россию от большевиков. Задерживаться и отвлекаться мы не могли. Приняв к сведению полученные сообщения, двинулись дальше.

В тот же день к вечеру, перевалив Уральский хребет в обратном направлении, мы подъехали к Рассыпухе, где были углеобжигательные печи. Заведующий печами Егоров, сочувствовавший Советской власти, сообщил нам важные сведения о положении в Карабаше. Он рассказал, что туда прибыл

отряд чехов и, кроме того, там сформировался местный отряд из служивой интеллигенции, куда вошла и часть завербованных военнопленных.

Подкрепившись и немного отдохнув, мы двинулись в путь. Карабаш обошли стороной, и, идя форсированным маршем, уже к полудню подошли к месту нашего назначения — Красному Камню, что в двенадцати километрах северо-западнее Тютняр. Тут в сосновом бору, между скал, в густом кустарнике расположили свой лагерь. Лошадей первое время треножили и пасли в стороне от лагеря, чтобы не навлекать на себя подозрения.

На второй или третий день эти лошади пропали, и мы не могли их найти. Нас очень обеспокоило, что лошади могли выдать наше присутствие. Они, видимо, ушли в Тютняры, к своим старым хозяевам.

В первую же ночь отправили в Тютняры пятерых разведчиков: Ершова Василия, Каурова Владимира, Пичугова Петра, Каурова Леонида и сына кузнецкого портного Журавкина (который из разведки не вернулся).

На следующее утро вернувшиеся из Тютняр разведчики доставили ценные сведения. Они могли представлять большой интерес для Малышева, и я тут же решил отправить в Златоуст Александра Мучкина, который добровольно вызвался доставить эти сведения.

У КРАСНОГО КАМНЯ

Прошло несколько дней после отъезда Мучкина. За это время наши разведчики еще несколько раз побывали в Тютнярах и Карабаше, и мы прекрасно были осведомлены о том, что там делается. Но наше пребывание у Красного Камня не осталось незамеченным. В Тютнярах о нашем появлении поползли самые разнообразные слухи. Одних эти слухи радовали, других они беспокоили и пугали. Местные кулаки донесли военному начальству о появлении у Красного Камня отряда красных, и оно послало казачий карательный отряд для ликвидации невесть откуда появившихся красных. К этому отряду присоединилась большая группа добровольцев из числа кулаков и торговцев: Трубачевы, Зимины, Архиповы, Пряхины и прочие. Таким образом, собрался отряд сотни в полторы. Отряд этот возглавил казачий офицер Козлевский. Вояки были полны решимости разгромить ненавистных им красных. Перед выступлением отслужили молебен о даровании победы христолюбивому воинству. Поп Александр Киселев, жирный, как мясник, кропил святой водой карателей и благословлял их на подвиг, а поп Михаил Христолюбов произнес длинную проповедь. Закатывая глаза и поднимая над головой крест, он кричал:

— Крест господен победит богоотступников — большевиков! — и всенародно предавал нас анафеме.

Все подробности этой комедии стали известны нам в тот же день от наших разведчиков. Кроме них, к нам пробралась учительница Катя Истокская. Оставаться в Тютнярах ей было нельзя: за ней тоже охотились каратели, так как она сочувствовала Советам и помогала нам. Предупрежденная родителями своих учеников, Истокская успела скрыться и пробралась в наш лагерь незадолго до прихода карателей. Не желая подвергать Катю опасности, я решил отправить ее в Уфалей; вместе с ней отправлялись братья Кауровы, которые должны были отвезти в штаб собранные нами сведения.

Когда мы уже прощались с нашими посланцами и давали им последние советы, на опушке леса послышались первые выстрелы карателей.

Мы знали, что их сотни полторы. В нашем же отряде осталось всего восемь человек: Ершов, Зимин, Маркин, Денисов, Димитрин, Пичугов П., Пичугов Г. и я. Вот и все наше «войско».

Услышав выстрелы, партизаны тоже защелкали затворами, но я категорически приказал не стрелять. Ребята не поняли приказа и с удивлением посмотрели на меня.

— Стрелять не надо. Не будем обнаруживать себя, — разъяснил я свое приказание. — Если мы себя обнаружим, нас окружат и переловят, как курят. Надо замаскироваться и зорко наблюдать за ними, потом видно будет, что надо делать.

Каратели еще немного постреляли и осторожно двинулись по береговой дорожке в глубь леса, в сторону дома лесника, который находился недалеко от скалистого берега, отвесно спускавшегося к озеру Увильды. Этот высокий обрыв назывался Красным Камнем за свой красноватый цвет. Дом лесника, или, как его называли местные жители, кордон, добротный рубленый пятистенник, был обнесен высоким тесовым забором. В заборе имелось двое ворот, передние и задние. Задние всегда были закрыты на внутренний засов, передние закрывались редко.

Не доехав метров четыреста до кордона, каратели рассыпали свой отряд в цепь и повели наступление с соблюдением всех правил военной тактики, окружая постепенно кордон. Когда кольцо было замкнуто, каратели с криком «ура» побежали к дому и ворвались в него. Они надеялись, что схватят здесь красных, но не нашли там никого, кроме лесника и его семьи. Озлобленные неудачей, они стали пороть шомполами ни в чем не повинного лесника.

День клонился к вечеру, начало темнеть. Каратели решили разделить свой отряд на две части: половину оставили в захваченном кордоне, а вторая половина двинулась в сторону рыбачьих избушек, расположенных на берегу озера километрах в пяти от дома лесника. Вероятно, они надеялись, что там найдут нас.

Как только эта часть отряда скрылась из виду, мы приняли смелое решение напасть на оставшуюся часть. Когда совсем стемнело, мы незаметно подползли вплотную к кордону и увидели, что у раскрытых ворот стоят двое часовых. В доме горел свет, но никакого движения не было заметно. Мы даже сумели разглядеть, что во дворе стоят подводы, а у забора привязанные лошади спокойно жевали свой корм. Было ясно, что «победители» не ожидают нападения. Это придало нам смелости. Решили бесшумно связать часовых, а потом напасть на спящих карателей и уничтожить всех, кто не будет сдаваться. Так и сделали. Неожиданно набросились на часовых и стали вязать их, но один из них успел крикнуть:

— Караул! Красные!

Этого было достаточно, чтобы каратели кто в чем был повыскакивали из дома и в панике бросились из кордона через задние ворота, оставив нам свой обоз, верховых лошадей, часть оружия и связанных часовых.

Теперь надо было уходить, так как, оправившись, каратели вместе со второй частью отряда легко могли окружить нас. Одни и пешком мы легко могли бы уйти лесом, но нам не хотелось бросать трофеи: продовольствие, боеприпасы, оружие и верховых лошадей. Увезти же все это было невозможно, так как дорогу могла преградить вторая половина отряда, которая вот-вот должна была вернуться. Ребята начали уже беспокоиться и поговаривать, что мы сами можем попасть в такое же положение, и каком только что были каратели. Все торопили меня скорее покинуть кордон. Один даже (Денисов) не выдержал, сел на трофейную лошадь и, не дождавшись остальных, ускакал. Чтобы вывезти трофеи и обоз, я пошел на небольшую хитрость. Собрал ребят и сказал им:

— Каратели не знают нашей численности, попытаемся их перехитрить. Все вы будете командирами рот и разных команд. Каждый из вас должен будет громко подавать команды своим ротам. Поняли? — спросил я.

— Не совсем, — отвечали командиры.

— Ершов! — позвал я. — Ты будешь начальником пешей разведки и должен командовать во всю глотку своей разведке, после того как я подам общую команду. Понял?

— Точно так! — ответил он. — Командовать громко, чтобы белые перепугались.

— Да, чтобы белые подумали, что нас здесь много, — добавил я.

— Зимин! Ты будешь командовать первой ротой, Маркин — второй, Петр — третьей, Ганя — конной разведкой, а Стрижов — заведывать обозом. Забирай пленных и выводи подводы на дорогу. Командиры, на коней! — приказал я.

Потом я тоже сел на трофейную лошадь и, выехав на возвышенность, начал громко подавать команды:

— Команде пеших разведчиков и первой роте прочесать лес и выловить разбежавшихся карателей! Команде конных разведчиков и второй роте немедленно двинуться на рыбачьи избушки и окружить их.

После этого мои мнимые командиры начали подавать всевозможные команды, стараясь перекричать друг друга. Один кричал:

— Первая рота, становись! Равняйсь!

Другой, не уступая ему, вторил:

— Пешая разведка, за мной! Шагом марш!

Третий командовал что есть силы:

— Конная разведка, по коням!

По лесу поднялся такой гвалт, что, слушая его со стороны,

можно было подумать, что здесь черт знает сколько войска.

Потом, обращаясь к своим расшумевшимся командирам, я сказал негромко:

— А теперь давайте удирать, пока не поздно.

И мы, забрав трофеи и пленных, двинулись по дороге к Косому Мосту. Хитрость, как видно, удалась: мы безнаказанно ушли, не встретив никого на своем пути.

Пройдя по дороге километров десять, увернули в сторону и, углубившись на километр в лес, остановились в зарослях густого кустарника. Здесь было решено устроить временную стоянку.

Прежде всего надо было решить, что делать с пленными? Не таскать же их за собой? Один из них был сыном кузнецкого кулака, второй — из бедняков, служившим когда-то стражником. Звали его в Тютнярах не по фамилии, а по кличке — Васька Ширинка. Все согласись на том, что пленных надо отпустить, но Василий Ершов, озорно блеснув глазами, сделал веревочную петлю и закинул ее на толстый сук сосны.

— Что ты собираешься делать? — спросил его Зимин.

— Да вот, пленных надо повесить, — с самым серьезным видом отвечал Ершов. — Вот только не знаю, которого наперед?

Услышав это, Ширинка взвыл и повалялся в ноги Ершову, прося не губить его жизнь. Второй пленник остолбенел от ужаса и только испуганно моргал глазами, не в силах произнести ни слова. Желая прекратить эту неприятную комедию, я сказал:

— Ладно! Не будем пачкать своих рук. Идите, но помните, что мы скоро вернемся и, если кто хоть пальцем тронет наши семьи, тогда сами готовьте себе веревки.

Пленники не верили такому неожиданному для них исходу и, озираясь по сторонам, старались по лицам партизан угадать, шутка это или правда.

— Вам же говорят — идите! — зло крикнул Ершов.

Пленники сначала нерешительно попятились, потом повернулись и, трусливо оглядываясь назад, пошли медленно прочь и вдруг побежали бегом.

— Держи их! — озорно крикнул Ершов, и пленные, как будто их кто-то подхлестнул, побежали еще быстрее.

— Держи-и-и-и! Держи их! — заразительно смеясь, кричали партизаны.

Что же стало с карателями?

Напуганные до смерти, они на следующее утро приходили в Тютняры поодиночке и небольшими группами и рассказывали разные небылицы о красных. Поручик Козлевский, чтобы скрыть свой позор, вынужден был также преувеличить наши силы — не мог же он сказать, что бежал со своим карательным отрядом

неизвестно от кого.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ТЫЛУ У БЕЛЫХ

Наша семерка в представлении белых выросла до отряда больших размеров, да еще и с пулеметами. Паника в Тютнярах была так велика, что командование белых вынуждено было послать туда подкрепление. На всех дорогах, идущих из Тютняр в сторону Урала, появились сторожевые заставы, и проезд мужикам туда был запрещен. Труднее стало и нашим разведчикам проникать в Тютняры. Доставка питания оттуда совсем прекратилась. Продовольствия, захваченного у Красного Камня, хватило всего лишь на несколько дней, потом хлеб стал плесневеть, а продукты испортились. Попытки проникнуть в Тютняры все чаще оканчивались неудачей. Правда, моему брату Петру один раз все же удалось пробраться в село по берегу озера Увильды. Когда мать увидела его вечером около дома, то страшно испугалась и стала просить, чтобы он скорее уходил. Она сунула ему в руки калач и, пугливо оглядываясь по сторонам, рассказала, что в Тютнярах свирепствуют каратели, вымещая на спинах крестьян свою неудачу у Красного Камня.

— У многих обыски были. Приезжали и к нам, перевернули все вверх дном, забрали ваши фотографии и обещали выпороть отца, если ее скажет, где скрываются сыновья, — говорила она.

Мы поняли, что в Тютнярах появляться больше нельзя. Послали Ершова и Ганю в Карабаш, чтобы разжиться каким-нибудь продовольствием. На что уж Ершов смелый и ловкий человек, но и тот ее смог пробраться в Карабаш. Всюду рыскали разъезды белых, все дороги были перехвачены. Гане с трудом удалось достать в лесу у лесоруба дяди Миши небольшой каравай хлеба, которого нам хватило всего лишь на один раз.

Питаться стало нечем. Правда, один раз Валентину Зимину удалось подстрелить дикую козу. Ребята за это готовы были его расцеловать. Но козы хватило, конечно, ненадолго. С питанием стало совсем плохо, поэтому решено было отправиться на старую стоянку, где у нас осталось немного сухарей и боеприпасы.

Пошли я и Стрижов. Взяли с собой верховую лошадь, чтобы привезти на ней эти запасы. Долго пробирались лесом. Дорогами идти было нельзя, потому что по ним все время шныряли разъезды белых. Шли уже не один час, но никак не могли попасть на место старой стоянки. Мы поняли, что заблудились… Тогда, привязав лошадь к дереву на длинную веревку, чтобы она могла пастись, решили продолжать поиски отдельно — один пошел в одну сторону, другой — в другую, — договорившись сойтись на этом месте к концу дня.

Пробродив безрезультатно несколько часов, к вечеру я вернулся к тому месту, где была привязана лошадь, но не нашел ни лошади, ни Стрижова. На дереве, за которое была привязана лошадь, белел небольшой клочок бумаги. Я снял его и прочел:

> «Известие Стрижова. Я потерял надежду увидеть тебя и на лошади уехал в Тютняры».

Признаться, я никак не ожидал такой подлости. Крепко выругался и в отчаянии пошел искать дорогу, чтобы выйти к остаткам своего отряда.

Долго еще пришлось мне бродить по лесу, прежде чем наткнулся на какую-то дорогу. Что это была за дорога, я не знал. В какую сторону идти? Я окончательно потерял всякую ориентировку. Голова кружилась от голода и усталости. Пошел наугад. Вскоре мне показалось, что иду не в ту сторону, и пошел обратно. Но это не рассеяло моих сомнений. Стало совсем темно. Голодный и измученный, я свалился у какого-то пня близ дороги и уснул.

Утром стало припекать солнце, и я проснулся. Со сна не мог понять, где я, но, оглядевшись кругом, вспомнил вчерашний день и понял, что нужно продолжать поиски. Затянув потуже ремень, двинулся лесом, не теряя из виду дороги. Вскоре увидел: по дороге навстречу мне идут три человека. Я спрятался за дерево и стал ждать. Каково же было мое удивление и радость, когда я узнал в них Ершова, Ганю и Петра. Я выскочил из-за дерева и бросился им навстречу.

От них узнал, что вчера вечером в отряде произошел спор: одни говорили, что я удрал с отрядными деньгами, а Ершов и брат Петр доказывали, что этого быть не может. И как только рассвело, они отправились меня разыскивать.

Дорогой я рассказал им о поступке Стрижова, они возмутились не меньше меня.

Неудачи преследовали нас одна за другой. Когда подошли к тому месту, где я оставил накануне отряд, то, к нашему удивлению, никого не обнаружили. Среди трофейного оружия нашли записку, написанную Димитриным, из которой было видно, что Зимин, Димитрин и Маркин, потеряв веру, что я вернусь, отправились на Рассыпуху. Нашему возмущению не было предела.

Я понял, что под влиянием голода и неудач отряд начал разваливаться и потерял боеспособность. Но нужно было спрятать в надежное место оружие и боеприпасы. Поэтому мы решили догнать беглецов, спрятать трофеи и после этого всем вместе пробираться на Рассыпуху.

Выйдя на дорогу, мы встретили попутную подводу и бросились догонять на ней беглецов. Вскоре заметили Зимина, Димитрина и Маркина, спокойно топавших по дороге. Еще издали Ершов стал кричать, чтобы они остановились, сопровождая свое требование довольно крепкими выражениями. Оглянувшись, наши беглецы стали как вкопанные, ожидая, когда мы подъедем. Смущенные, они пытались оправдать свой уход, на что Ершов и Петр отвечали самыми отборными ругательствами. Чтобы положить конец ссоре, я приказал кончить все разговоры и немедленно возвращаться назад.

Вернувшись к тому месту, где лежало трофейное оружие, мы спрятали его вместе с боеприпасами в надежном месте среди скал и в тот же день двинулись на Рассыпуху.

Впоследствии это оружие и боеприпасы были использованы моим братом Петром для вооружения партизанского отряда, который он организовал в 1919 году.

На Рассыпуху пришли в первых числах июля. Здесь от Егорова узнали о падении Златоуста. Кроме того, он высказал предположение, что златоустовские отряды отходят в сторону Уфалея. Мы решили двинуться туда же. Но прежде чем отправиться в дальнейший путь, захотели попариться в бане.

Оставив Ершова часовым, все остальные отправились в баню, которую истопила гостеприимная хозяйка. Мылись долго, каждый старался не только хорошенько попариться, но и выстирать белье. Некоторые уже успели высушить выстиранное и начали одеваться. Одевшись раньше других, я вышел из бани и увидел вооруженного всадника, что-то расспрашивавшего соседку наших хозяев. В этот момент из ворот дома, где мы остановились, вышел Ершов. Увидев всадника, он спросил его:

— Чего тебе?

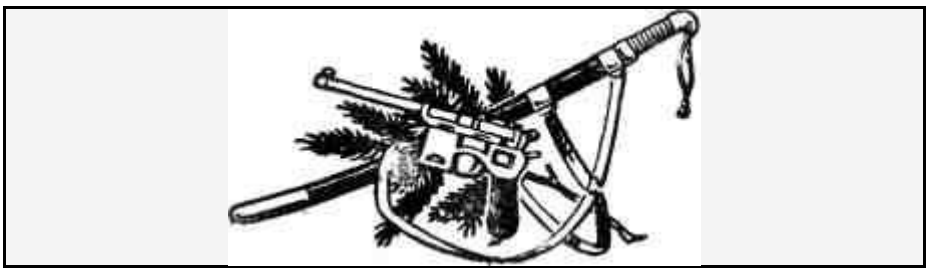
Тот, не отвечая, быстро повернул коня и пустился наутек. Ершов вскинул винтовку и сделал по нему несколько выстрелов, но промахнулся. Я понял, что это вражеский разведчик, и, крикнув ребятам, которые все еще возились в бане: «В ружье!» — бросился в дом, чтобы захватить винтовки и патроны. Вместе с Ершовым мы забрали оружие и побежали в баню навстречу товарищам. Одни выскакивали из бани уже одетые и брали у нас винтовки, другие же, надевая на ходу недосушенную одежду, бежали вслед за нами на небольшую возвышенность, где мы решили встретить противника. Вбежав на пригорок, мы увидели вдали конный отряд белых, с полсотни всадников, который держал направление к нашей бане. Мы залегли и, выждав, когда он поравняется с нами (мы оказались у него с фланга), дали несколько залпов. Часть отряда спешилась и цепью повела

наступление на наш пригорок, а остальная, большая часть, двинулась в обход в конном строю. Мы дали еще несколько залпов и, чтобы не попасть в окружение, прячась за деревьями, стали уходить в глубь леса, держа направление на Куватал.

Дальше наш путь на Уфалей протекал без особых приключений, если не считать встречи в районе Куватала с отрядом Файки Наседкина, с которым мы не стали ввязываться в драку, а прошли тихо, стороной, потому что у него было не меньше 300 человек, как нам сказали углежоги Куватала.

Наконец в первой половине июля мы добрались до Нижнего Уфалея, куда в это время стекались все отряды златоустовского направления.

Здесь мы узнали о трагической гибели Ивана Михайловича Малышева. Скорбь сжала наши сердца. Это он послал нас в тыл к белым, но отчитаться ему о выполнении задания нам уже ее пришлось.



Часть вторая
1-й ГОРНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПОЛК

СМОТР ОТРЯДОВ В НИЖНЕМ УФАЛЕЕ

В июле 1918 года, когда советские добровольческие отряды после поражения под Златоустом стекались в Нижний Уфалей, обстановка на Урале была тяжелой. Под прикрытием обманутых солдат чехословацкого корпуса контрреволюционная буржуазия начала быстро создавать свою армию. Костяком этой армии явилось многочисленное реакционное офицерство и зажиточная часть крестьянства, озлобленная продразверсткой и поверившая кулацко-эсеровской агитации.

Части же Красной Армии на Урале в это время были еще очень слабы: плохо обучены, слабо вооружены, а главное плохо организованы. Они в большинстве своем состояли из добровольческих рабочих дружин и партизанских отрядов, возникших из деревенской бедноты и батраков. По своей структуре и численности они были очень разнородны.

Первые боевые неудачи на екатеринбург-челябинском направлении (между Кыштымом и Аргаяшем), гибель комиссара златоуст-челябинского направления Малышева, поражение руководимых им отрядов под Златоустом и поспешный отход их на Нижний Уфалей — все это заставило наше командование в срочном порядке приступить к слиянию раздробленных сил в более крупные и стройные части и по возможности однотипные (полки, бригады, дивизии).

В середине июля в Нижний Уфалей прибыл уполномоченный штаба Северо-Урало-Сибирского фронта Васько Богдан с заданием сформировать из всех отрядов, которые собрались в Нижнем Уфалее, полк.

Вскоре после своего прибытия Богдан назначил смотр войскам. По его приказу они выстроились на площади, недалеко от заводской ограды.

Узнав, что на площади строятся отряды, многие жители поспешили туда же, и скоро вся площадь была окружена любопытными. Особенно много было ребятишек, без которых, как известно, не обходится ни одно значительное событие.

На правом фланге построился местный Уфалейский отряд, левее стоял Белорецкий рабочий отряд, затем отряд уфимских башкир, за ним — Рождественский пехотный отряд с конной группой и другие отряды; замыкала левый фланг наша семерка, вернувшаяся с Красного Камня.

Выстроенные войска имели вид весьма пестрый. Серые шинели и зеленые гимнастерки фронтовиков перемежались с черными пиджаками рабочих и домотканными зипунами крестьян.

Военные фуражки, крестьянские картузы, башкирские рахчинки и даже турецкие красные фески виднелись на головах бойцов. Сапоги, ботинки с обмотками, башкирские сарыки, попадались и лапти. Таково было обмундирование выстроенных на площади войск.

Основное вооружение отрядов состояло из винтовок разных образцов, начиная от русской трехлинейной винтовки, кончая «Гра», «Ватерли» и берданкой. Гордостью крупных отрядов был станковый пулемет «Максим», но он являлся редкостью; роскошью считался также ручной пулемет «Льюис».

Рядом со спокойным, видавшим виды фронтовиком, которого ничем не удивишь и который знает «почем фунт лиха», можно было увидеть безусого, восторженного юнца, с гордостью державшего в руках отцовский дробовик.

Обращал на себя внимание четкостью строя башкирский отряд.

Много было здесь и необстрелянных рабочих, которые не только не знали военного строя, но и винтовку держали как-то неумело в своих черных от въевшегося металла руках.

Когда отряды были построены, на площади в сопровождении своего помощника и адъютанта появился Васько Богдан. Это был человек огромного роста, с пышной черной шевелюрой, какие носили тогда художники и анархисты. Он смотрел на людей, как с колокольни, возвышаясь над всеми на целую голову.

Васько Богдан требовал, чтобы командир рапортовал четко и громко, и тут же резкой репликой, ничего и никого не стесняясь, он давал краткую, но выразительную характеристику рапортовавшему командиру: «Молодец!» или, скривив кислую мину, шипя произносил: «Шляпа!». Оценка эта зависела от того, какое впечатление на него произвел командир своей выправкой и рапортом.

Тютнярцы были представлены на смотру тремя группами: пешим отрядом под командованием Спиридона Ходова, конным под командованием Ивана Тряпицина и прибывшей с Красного Камня семеркой. Все эти группы выделились в свое время из Рождественского партизанского отряда.

Когда Васько Богдан подошел к отряду Ходова, последние вытянулся в струнку и громко отрапортовал:

— Пехотный Рождественский отряд красных партизан. Командир отряда бывший унтер-офицер Ходов.

— Молодец! — сказал Васько, любуясь его стройной фигурой, туго затянутой в ремни.

Ходов любил щегольнуть внешностью: несмотря на жару, он был одет в черную кожаную куртку, на нем висел маузер в

деревянной кобуре, карабин, шашка, бинокль, офицерская фляга и еще что-то. Одним словом, он был увешан, как шаман. За эту любовь увешивать себя разным оружием и побрякушками бойцы прозвали его «иконостасом».

Ходов стоял перед Богданом как изваяние, не дрогнув ни одним мускулом, и «ел глазами» начальство.

— Явишься ко мне в штаб после смотра, — сказал Васько Богдан, обращаясь к Ходову.

— Слушаюсь! — подчеркнуто громко ответил Ходов, взяв лихо под козырек и звякнув шпорами.

— Тянется, — сказал Ершов, наблюдавший за Ходовым, и добавил: — Метит на полк.

Василий Ершов, лихой разведчик, не терпел показной храбрости и вообще фальши и никогда не задерживался с высказыванием резких, но справедливых суждений.

А Васько Богдан был уже у другого отряда.

Обходя фронт отрядов, Васько старался произвести впечатление на людей своим импозантным видом и огромным ростом. Видно было, что он немного рисовался.

Наконец он подошел к нашей семерке.

На головах у некоторых наших ребят были одеты красные фески, которые они незадолго до этого купили в нижнеуфалейском магазине, чтобы пооригинальничать.

Любитель военной выправки и щегольства, Васько Богдан, посмотрев на наших «турок», недовольно сказал:

— А это еще что за пираты?

Вначале я хотел было обидеться, а потом не долго думая в тон ему ответил:

— Отряд «Красная шапочка».

— Это что, герои Красного Камня? — быстро спросил он и, получив утвердительный ответ, заметил:

— Слыхал о вашей отваге. Молодцы!

И наши «турки», готовые минуту назад провалиться сквозь землю, гордо подняли головы.

В Нижнем Уфалее, еще до нашего прихода туда, ходили целые легенды о разгроме карательного отряда белых у Красного Камня. Поэтому, когда наша семерка появилась в Уфалее, нас встретили как героев. Бойцы других отрядов и жители Уфалея расспрашивали наших ребят, как это они сумели разогнать такой большой отряд карателей, в котором, говорят, было не меньше ста человек. Наши «герои» с большим удовольствием рассказывали о своих боевых делах и, польщенные вниманием и восхищением охающих слушателей, не прочь были кое-что и присочинить.

Смотром нашей семерки и кончился обход отрядов. После короткого митинга, на котором было объявлено о формировании 1-го Горного Советского полка, отряды с песнями разошлись по квартирам.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА

На следующий день был объявлен приказ уполномоченного Северо-Урало-Сибирского фронта за подписью Васько Богдана. В приказе говорилось, что из всех собравшихся в Нижнем Уфалее отрядов формируется 1-й Горный Советский полк.

Почему «горный», нам не объяснили, но, надо полагать, потому, что отряды, из которых формировался полк, были созданы из жителей горного Урала.

В этом же приказе было объявлено, что командиром полка назначается Спиридон Ходов (как и предсказывал накануне Василий Ершов). Показная сторона Ходова, видимо, произвела на уполномоченного должное впечатление.

Ходов как метеор носился от штаба формируемого полка до штаба уполномоченного, утрясая и согласовывая назначение остального командного состава полка.

Бывший комиссар 1-го Рождественского партизанского отряда П. Я. Димитрин неожиданно для всех был назначен адъютантом полка. Когда мы спросили, почему комиссар и вдруг назначен адъютантом, Ходов, не задумываясь, ответил:

— Он же был писарем в штабе полка царской армии. Кто же другой может занять должность адъютанта? А комиссара у нас не будет! — сообщил он ликующим голосом.

В полку намечено было на первое время иметь четыре строевые роты, пулеметную команду и команду пеших разведчиков. Все конники, а их было порядочно, были сведены в кавалерийский эскадрон. Командиром эскадрона был назначен И. В. Тряпицин, именовавший себя в то время левым эсером, так же как и командир полка Ходов. Таким образом, руководство полком оказалось в руках эсеров. Этому вольно или невольно помог Васько Богдан. Кто был он сам, не знаю, но на большевика не походил.

Формирование полка шло полным ходом. Уже обозначились роты и некоторые команды. Нижне-Уфалейский отряд был переименован в 1-ю роту. Командиром ее утвердили командира отряда Калинина Николая Петровича, комвзводами назначили Филиппова М. Н., Артемова Н. В. и Наливайко П. А.

2-я рота оказалась сводной: ее составили несколько мелких отрядов. Командиром ее был назначен кыштымец Гузынин Константин Владимирович, помощником — Артемов В. И., комвзводами — Иванов И. А. и Рябухин В. Б.

3-я рота была сформирована из отряда уфимских башкир. Командиром ее был назначен Моргунов Петр Семенович,

помощником его — украинец Яковенко Ефим Николаевич, взводными командирами — Каранин С. Е., Ильмурзин Бикмурза и Саликов Селай.

4-я рота была создана на базе Белорецкого отряда; в нее вошли также мои земляки и один взвод интернационалистов. Командовал ротой белорецкий рабочий Косоротов Василий Васильевич, помощником у него был тютнярец Иван Кочетков, взводными — Андрей Савельев, Иван Абакумов, Шекунов и интернационалист Феликс Ярошенко.

Пулеметную команду возглавил златоустовский железнодорожник Александр Пурнов, помощником его был Гулин П. Я.; пулеметчики были собраны со всех отрядов.

Командой пеших разведчиков руководил Напоров И. А., помощником у него был Пименов В. Ф. Первыми разведчиками были зачислены уфалейцы Филиппов А. П., Горин А. И.

Наскоро была создана хозяйственная часть и обоз. Завхозом полка назначили Трокова Ивана Яковлевича, а начальником обоза — Грязнова Андрея Макарьевича. Из Екатеринбурга прибыло недостающее вооружение, обмундирование и амуниция; получено было несколько пулеметов, седла для эскадрона. Удалось даже получить одну трехдюймовую пушку. Ее принял вновь назначенный командир батареи тютнярец Захар Михайлович Беспалов. Нашлись в полку и артиллеристы: бомбардир-наводчик Богданов Сергей, Акалов Иван, Бабенко, Верчинов Андрей и другие. В артиллерию был зачислен и Ваня Башир, глухонемой из нашего села. Он обладал огромной физической силой, и артиллеристы шутя говорили:

— Нам теперь можно обойтись и без лошадей: Башир унесет пушку на плече.

В Тютнярах Башир жил и кормился тем, что показывал свою силищу в базарные дни. За папироску он мог поднять лошадь, отрывая ее на пол-аршина от земли, или опрокинуть груженую телегу, поднять вместе с дрожками сорокаведерную бочку с водой. Такой силач для артиллерии был сущей находкой, и помогал он батарейцам не за страх, а за совесть.

Вначале в полку был только один батальон. Командовать им было поручено мне. Позднее полк развернулся в два батальона, и тогда 1-м батальоном стал командовать командир 1-й роты Калинин, а я — 2-м.

Характерно, что в составе нашего полка не было ни одного офицера; все командные должности заняли бывшие унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые фронтовики, тогда как у нашего противника офицеров девать было некуда: формировались специальные офицерские роты, а полками командовали

полковники и даже генералы. Правда, иногда они нас бивали, и мы несли немало напрасных жертв, но все же воевали мы неплохо и их все-таки в конце концов побили.

В связи с этим мне хочется подробнее рассказать о некоторых наших командирах и прежде всего о командире полка Ходове. Он был тоже унтер-офицером, как и абсолютное большинство комсостава полка, но унтер-офицером запасного полка.

На фронте Ходов не был и боевого опыта не имел. Главная ошибка Васько Богдана состояла в том, что он выбрал командира полка по внешнему виду, не узнав о нем поподробнее.

Полной противоположностью Ходову был командир 1-й роты Калинин. Рабочий Нижне-Уфалейского завода, он всю империалистическую войну провел на фронте, за боевые отличия был награжден несколькими георгиевскими крестами и произведен в подпрапорщики. При этом он имел и опыт командования: командовал ротой в старой армии. Калинин в боевой обстановке чувствовал себя спокойно, свободно и уверенно. Кроме того, он обладал прекрасным характером, веселым и общительным. С людьми был прост, отечески добр и заботлив. Бойцы его любили, как отца родного, но в то же время боялись как огня. Он был добр, но крут, разгильдяев не терпел и спуску им не давал. Дисциплина у него в роте была образцовой, можно было позавидовать.

Командир роты Николай Петрович Калинин

Многие командиры задавали себе вопрос: как ему удалось создать такую дисциплину? И когда спрашивали Калинина, он, улыбаясь, говорил:

— Мудрость тут невелика: надо быть справедливым и знать хорошо своих людей.

И Калинин действительно хорошо знал своих людей и командовал ими без крика и суетливости. Он знал, что Горновых Ивану Александровичу, правофланговому его роты, можно доверить любое дело — и он его выполнит. Калинин верил в своих бойцов.

Командиром 3-й роты, после Моргунова, которого вскоре назначили заведующим оружием полка, стал Яковенко, тоже унтер-офицер старой армии, но не фронтовик. Строевую службу Яковенко знал хорошо, устав — назубок, но людей понимал плохо, и рота его, несмотря на хороший людской состав, считалась в полку далеко не передовой. К людям он подходил по-казенному и душа подчиненных ему была недоступна. Но

командир полка Ходов считал Яковенко одним из лучших командиров, потому что Яковенко, как говорил Ходов, имеет хорошую военную выправку, к людям очень требователен и его рота лучше всех ходит в строю. Я не разделял этого мнения, и мне казалось, что Яковенко не скоро станет настоящим командиром.

Полной противоположностью Яковенко был Косоротов, командир 4-й роты. Рабочий Белорецкого завода, фронтовик, младший унтер-офицер, он не блистал военной выправкой. Даже, скажу больше, у него не было никакой выправки. Одет он был всегда небрежно, ворот рубахи расстегнут, пистолет болтался и свисал на бок, отчего фигура Косоротова казалась кособокой. За строевой выправкой роты он тоже не особенно следил. Все это было его большим недостатком. Но он был хорошо политически развит, и в его роте господствовала сознательная дисциплина. Он пользовался любовью и уважением своих бойцов. С людьми обращался просто, но при всем этом умел держаться так с подчиненными, что не допускал панибратства, которое проявлялось у многих командиров того времени и сильно вредило дисциплине.

Формирование и сколачивание полка шло ускоренными темпами, так как противник не ждал, когда мы приведем себя в порядок.

В строевых подразделениях начали проводить занятия. Правда, они велись только с теми, кто никогда не проходил военной подготовки. Старые же солдаты, особенно фронтовики, не хотели заниматься, да еще на плацу. Ходов пытался заставить заниматься и их, но ему ответили:

— Учи тех, кто ничего не знает. Нас учить нечего: ученого учить только портить.

Первое время старые солдаты еще находили занятие: подгоняли полученное обмундирование, чистили оружие, помогали комплектовать взводы и отделения. Конники пригоняли амуницию, артиллеристы и пулеметчики изучали материальную часть. Потом и это кончилось. Люди стали скучать. Начали от скуки поигрывать в карты, появились пьяные. Правда, пьяных немедленно сажали под арест, но выпивки не прекращались. Тогда Богдан приказал найти «корень зла» — поймать тех, кто варит самогон. Общими усилиями, с помощью местных властей, самогонщики были найдены. Один из них оказался местным кулаком, второй, его помощник, — кулацким подпевалой.

Привели их в штаб уполномоченного. Васько придумал для них необычную кару: приказал дать им выпить по стакану касторки, повесить на грудь и спину плакаты с надписью «Я варил

самогон» и провести их по всем улицам Нижнего Уфалея в сопровождении двух скрипачей из военнопленных австрийцев, которые должны были все время играть, что им бог на душу положит.

Народ отнесся к этому по-разному. Одни были удивлены и возмущены варварской расправой, а другие, наоборот, были довольны и говорили:

— Так им и надо, не будут портить хлеб на самогон.

Я понимал, что борьбу с самогонщиками надо вести, и самую беспощадную, но эта экзекуция была противна и непонятна. Мне казалось, что такой способ расправы не годился даже для того бурного времени. Я понимал, что большевики должны бороться с этим злом, но как-то иначе.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Белогвардейцы, опьяненные победой под Златоустом, начали быстро продвигаться по Западно-Уральской железной дороге на Нязепетровск.

В Нязепетровске в это время находился крупный советский отряд под командованием, кажется, Зомберга; отряд имел своей основной задачей защитить дальние подступы к Екатеринбургу с юго-запада и не дать возможности белым продвинуться по Западно-Уральской железной дороге.

В этот период наступательные действия белых развивались главным образом по линиям железных дорог и война велась, как говорили, «на колесах».

Нижний Уфалей, где формировался 1-й Горный Советский полк, находился в стороне от железных дорог, вернее между двумя дорогами, он был как бы вне военных действий, и мы могли сравнительно спокойно и без помех продолжать нашу работу по сколачиванию полка. Хотя, если взглянуть на карту, можно заметить, что Нижний Уфалей далеко выступал вперед по отношению к другим нашим пунктам обороны. Когда белые начали сильно наседать на Нязепетровск и Зомбергу стало трудно их сдерживать, 1-й Горный полк получил приказ уполномоченного Васько Богдана ударить на станцию Ункурда Западно-Уральской железной дороги, где была база белых, наступавших на Нязепетровск. Цель этой операции заключалась в том, чтобы расстроить наступление белых на отряд Зомберга и тем самым помочь ему.

Станция Ункурда находилась в 25—30 километрах юго-восточнее Нижнего Уфалея, в лесной, труднодоступной глуши. Руководство операцией было поручено опытному боевому командиру уфалейцу Н. П. Калинину, хорошо знавшему эту местность. Для нанесения удара были выделены 1-я рота и отдельный кавалерийский эскадрон.

Калинин, знавший все тропинки и лесные дороги родных мест, скрытно подвел свой отряд к станции и внезапно напал на базу противника. Белые от неожиданности растерялись и в панике разбежались по лесу. Захватив значительные трофеи и пленных, «горцы», окрыленные победой, вернулись в Уфалей.

Белые, получив удар по своему тылу, на некоторое время вынуждены были приостановить наступление на Нязепетровск.

Это была первая боевая операция молодого, еще не обстрелянного полка, она сильно воодушевила «горцев», пробудила в них уверенность в свои силы и помогла окрепнуть

полку как боевой единице. Я, как солдат-фронтовик, по личному опыту знал, что дальнейшее поведение любого подразделения или части во многом зависит от того, удачно или неудачно проведен первый бой, первое боевое крещение. Если первый бой удачен, у бойцов и командиров появляется вера в свои силы, в свою мощь, часть становится более боеспособной и стойкой. Так было и в 1-м Горном полку. Традиции в армии имеют большое значение. На хороших традициях воспитываются молодые бойцы. Хорошее боевое прошлое помогает командному составу поддерживать боевой дух солдат.

ОТХОД ИЗ НИЖНЕГО УФАЛЕЯ

В середине июля, имея численный перевес, белые перешли к активным наступательным действиям на всем Северо-Урало-Сибирском фронте и в короткий промежуток времени заняли ряд городов: Ялуторовск, Курган, Шадринск, Тюмень, Камышлов и другие.

В это же время и на екатеринбург-челябинском направлении белые, подтянув резервы, вновь перешли в наступление на Нязепетровск и, заняв его, начали быстро продвигаться к станции Кузино, угрожая окружением столице Урала — Екатеринбургу.

Разбитые части отряда Зомберга в беспорядке отошли на запад.

Наш полк получил приказ оставить Нижний Уфалей и занять линию обороны у Полевского завода.

Не успели мы окопаться на своей позиции, как на следующее утро получили новое указание: отойти дальше на запад и занять позицию по обе стороны железной дороги, у 77-го разъезда и деревни Косой Брод.

Здесь мы, как и большинство частей того времени, «оседлали» железную дорогу, и все наше хозяйство перешло на колеса.

В эти дни наш полк немного пополнился за счет советских и партийных работников Полевского завода и кособродцев. Среди них было много кавалеристов и даже артиллеристов. Именно тогда в нашу батарею пришел Иван Акалов.

Прошло не более двух — трех дней. Не успели мы как следует войти в соприкосновение с противником, как снова поступило приказание отойти на линию станции Мраморская и завода Мраморскйй. Это были уже ближайшие подступы к Екатеринбургу. Отступали мы без боев, даже не видя белых. «Горцы» начинали возмущаться.

— Что это, измена или трусость? — спрашивали бойцы.

Трудно было убедить людей, что это ни то и ни другое, потому что командный состав и сам не знал хорошо о причинах отхода, так как связь с командованием не была постоянной. Бойцы видели, что белые ничуть не сильнее их, а они без боя все дальше и дальше уходят от своих родных мест.

— Не иначе как измена, — ворчали многие. — Так мы псе отдадим белым, и опять богатеи сядут нам на шею.

И вот в это тревожное время, 19 или 20 июля, до нас дошла весть, что по решению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов в Екатеринбурге расстрелян Николай II,

последний российский император. Весть эта была очень кстати, она подняла настроение у бойцов и частично развеяла закравшееся в них сомнение и недоверие к руководству. Красноармейцы рассуждали тогда просто: если большевики не испугались расстрелять царя, значит, все в порядке, значит, они сильны и им можно верить.

ПОД ЕКАТЕРИНБУРГОМ

Утром 25 июля полк получил приказ: погрузиться в вагоны и немедленно следовать на станцию Крутиха, что на железной дороге Екатеринбург — Тавда, где занять новую позицию, обращенную фронтом на Екатеринбург.

Такой приказ показался нам более чем странным.

«Почему же фронтом именно на Екатеринбург?» — недоумевали многие. Но приказ есть приказ: его надо выполнять, и мы ехали в Екатеринбург, не подозревая ничего плохого. Нам и в голову не могло прийти, что он уже занят противником.

К полудню наш эшелон прибыл на станцию Екатеринбург 2-й.

Некоторые ребята хотели сбегать в город купить курева, но командир полка приказал пока никого не отпускать.

— Отпустим с третьего Екатеринбурга, — пообещал он.

При попытке продвинуть эшелон на Екатеринбург 3-й, откуда мы должны были следовать на Крутиху, наш состав был неожиданно обстрелян ружейным и пулеметным огнем со стороны Сибирского тракта и восточной окраины города.

— Что это такое? — недоуменно спрашивали мы друг друга.

Людей пришлось срочно вывести из вагонов и рассыпать в цепь вокруг эшелона. На Екатеринбург 3-й была послана пешая разведка. Разведчики обратно не вернулись. Мы решили, что они погибли, и через несколько дней их исключили из списков полка. Но спустя неделю, уже в Крутихе, разведчики вдруг явились в полк. Оказалось, что они не могли пробиться к нам через густо наступающие цепи противника и отходили от Екатеринбурга 3-го с каким-то бронепоездом, который, как они рассказывали, сначала их обстрелял, а потом, опознав, что это свои, взял с собой. «Горцы» очень обрадовались возвращению своих товарищей. Сколько было расспросов и рассказов! Разведчики чувствовали себя чуть ли не героями. По полку был издан приказ № 27, где говорилось:

> «Исключенных с 26/VII с. г. красноармейцев пешей разведки без вести пропавших во время боя на станции Екатеринбург 2-й: 1) Горина Александра, 2) Шарова Ивана, 3) Семенова Михаила, 4) Ларионова Василия, 5) Ларионова Николая, 6) Баранова Николая, 7) Антонова Виктора вновь зачислить в списки полка и на все виды довольствия».

Пробиться на станцию Екатеринбург 3-й так и не удалось.

Эшелон наш был уже охвачен с трех сторон густыми цепями противника, и мы попали под перекрестный огонь, который с каждой минутой все более усиливался. Появились раненые и убитые. Командир полка Спиридон Ходов, очень энергичный на учебном плацу, под огнем противника окончательно растерялся, ползал, как крот, между рельсов, прятался за шпалы, и никаких указаний от него добиться было невозможно.

Мы попали в мешок, и оставался только один выход: пока нас не завязали в этом мешке, уходить на восток, в сторону станции Богдановичи. Но оказалось, что машинист и помощник его, воспользовавшись сумятицей, сбежали с паровоза. Остался один кочегар, который поезда вести не мог.

Что делать? Мы уже готовы были бросить эшелон и все хозяйство полка, чтобы спасти хотя бы людей. Но, к нашему счастью, начальник пулеметной команды златоустовец Пурнов оказался железнодорожным машинистом. Он заявил, что выведет состав. Передав командование пулеметчиками своему помощнику, Пурнов побежал к паровозу с двумя бойцами своей команды, и спустя несколько минут паровоз, пыхтя и шипя, сделал рывок и медленно потянул состав в сторону Богдановичей. Цепи «горцев», отстреливаясь, начали отходить вслед за эшелоном.

Белые, видя, что нам удается ускользнуть из мешка, усилили огонь, особенно по паровозу. Пурнов был тяжело ранен в грудь навылет, но, истекая кровью, поддерживаемый двумя красноармейцами, он продолжал вести эшелон до тех пор, пока не потерял сознание. Кочегару и двум бойцам из его команды кое-как удалось дотянуть состав до станции Косулино. Пурнова в бессознательном состоянии сняли с паровоза и передали в санитарную летучку. Не знаю, остался ли жив Пурнов, но мне очень хотелось бы, чтобы он долго жил и чтобы дошли до него мои слова глубокого уважения и признательности; благодаря его мужеству был спасен полк.

На станции Косулино мы похоронили убитых под Екатеринбургом: командира 2-й роты кыштымца Гузынина Константина Владимировича, уфалейского разведчика Гришу Ефремова и еще несколько человек, фамилии которых не сохранились в моей памяти. Но не уныние овладело нами, а жгучая ненависть к врагам. «Горцы» поклялись отомстить за смерть товарищей, отдавших свои жизни за дело революции.

ВСТРЕЧА С ЖЕБЕНЕВЫМ

На станции Косулино мы встретили отряд Жебенева, который действовал до этого по тракту Екатеринбург — Челябинск и отошел сюда из села Арамиля. Отряд у Жебенева был большой. В него входило много разных мелких отрядов и отрядиков и даже целый полк, кажется, 3-й или 4-й Екатеринбургский. О Жебеневе и его отряде я слышал еще под Аргаяшем, но встретился с ним только здесь. Вообще о Жебеневе ходило много всяких разговоров, о чудачествах его рассказывали целые легенды, говорили, что он, как анархист, не признает никаких законов, приказов и постановлений, а поступает как ему вздумается. Хотя по образованию Жебенев являлся юристом и до революции был присяжным поверенным, но молва утверждала, что он обирает кассы, а деньги складывает к себе в вещевой мешок, который носит за плечами. Рассказывали, что с деньгами он обращается очень просто: раздает их направо и налево и ссужает другие отряды.

С деньгами в нашем полку было плохо, поэтому мы с Ходовым отправились к Жебеневу, надеясь получить у него некоторую сумму.

Застали Жебенева на лужайке, недалеко от станции. Он ходил среди своих бойцов, держа в руках, как палку, русский карабин. Жебенев был среднего роста, лет тридцати пяти. Босой, с закатанными по колено штанами, он был одет в черную кожаную куртку, за плечами у него действительно виднелся туго набитый солдатский мешок; голова была не покрыта, да он, видно, и не особенно нуждался в головном уборе: густые, черные волосы доходили ему почти до плеч.

Когда нас представили Жебеневу, он пригласил сесть тут же на лужайке и спросил, велик ли наш отряд. Ходов ответил, что у нас не отряд, а полк. Он скривил лицо в гримасу, как будто у него заболел зуб. Потом спросил:

— Как вашему полку понравился прием в Екатеринбурге?

Мы поняли, что Жебенев знал обстановку на фронте лучше нас. Мы ответили Жебеневу, что нам ничего не было известно об оставлении Екатеринбурга.

— Плохо же вас информирует ваше начальство, умеет только приказы издавать, — с ехидством продолжал Жебенев.

Он, видно, хотел подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к приказам, как анархист. Мы решили не ввязываться с ним в «идейный» спор, и Ходов без всякого вступления перешел к делу:

— Мы зашли попросить денег на выдачу жалования нашим людям.

— А что у меня казначейство, что ли? — довольно улыбаясь, спросил Жебенев.

— Где теперь искать это казначейство, когда там уже белые, — сказал Ходов, показав в сторону Екатеринбурга.

Помолчав, Жебенев заявил:

— Ваши люди заслужили, чтобы им выдали жалование. Сколько вам надо? У вас ведь полк! — добавил он, делая ударение на слове «полк».

— Хотя бы тысяч пятьдесят, — несмело сказал Ходов.

Жебенев слегка улыбнулся, снял со спины вещевой мешок, развязал его, отсчитал несколько пачек «керенок», туго связанных шпагатом, и подал их Ходову. Тот засуетился, вынул полевую книжку и начал писать расписку. Жебенев заметил это и спокойно сказал:

— Никаких мне расписок не надо. Я их сам никому не даю. — Потом, как бы завидуя, добавил: — А вы все-таки молодцы, что вырвались из такого мешка.

В РЕЖЕ

В Косулине мы получили новое распоряжение: следовать на Режевский завод, где разместиться по квартирам и ждать дальнейших указаний.

В Реж мы попали окружным путем, через узловые станции Богдановичи и Егоршино.

Режевляне приняли нас по-разному. Семьи рабочих, где оставались только женщины, старики и дети, встретили просто, как своих близких людей, потому что почти из каждой такой семьи ушли добровольцы в Красную Армию защищать Советскую власть. Зажиточная часть населения Режа относилась к нам с опаской, боязнью и затаенной злобой. Многие просто попрятались по домам, закрыли двери, задернули занавески на окнах, а некоторые прикрыли даже ставни.

Штаб нашего полка разместился в большом двухэтажном доме местного богача Замятина. Хозяин был особенно услужлив, юлил возле командира полка Ходова, стараясь угодить чем только мог, но хозяйка была угрюма и молчалива, нервничала, особенно когда кто-нибудь из бойцов проходил в их сад.

Самый молодой наш красноармеец Генка Сенокосов заметил, что хозяйка часто ходит в сад. Ему показалось это подозрительным. Он стал следить за хозяйкой и однажды вечером заметил, что она взяла какой-то узелок и, боязливо озираясь кругом, пошла в сад. Домой вернулась уже без узелка.

«Что у ней было в узелке? — думал Генка. — Уж не золото ли она там прячет?». Эта мысль не давала ему спокойно спать.

На следующее утро он рассказал друзьям Петру и Гане Пичуговым о своих наблюдениях, и они все вместе решили обследовать сад.

Долго ходили по саду, тыкая шашками в разные места, надеясь найти клад. И вдруг, к их великой радости, в одном месте шашка во что-то уперлась. Решили узнать, что это такое. Быстро достали необходимый инструмент: кирку, лопату, лом — и работа закипела. Сняли первый слой земли и увидели половые доски. Нетерпение «кладоискателей» усилилось. Торопясь добраться до клада, они стали выворачивать эти доски, но каково же было их удивление и разочарование, когда под досками оказалась довольно большая яма. На дне ее виднелась постель, на которой валялся китель с офицерскими погонами. В углу ямы, прижавшись к стенке, сидел на корточках бледный и трясущийся сам господин офицер.

Приунывшие было кладоискатели, обнаружив офицера,

воспрянули духом и повели его в штаб.

Собравшиеся вокруг ямы бойцы шутили:

— Вот так находка! Золото-то, золото, только мелко молото.

Как оказалось, этот офицер в чине поручика был сыном режевского богача Замятина. Боясь, как бы его не мобилизовали красные, он спрятался в яму, надеясь дождаться там прихода белых.

После этого открытия у Петра Пичугова появился вкус к розыску. Он проник на квартиру одного режевского богача, выдав себя за офицера белой армии, прибывшего из Екатеринбурга. Богач обрадовался «своему» человеку, хорошо угостил его. При этом мнимый белый офицер изрядно подвыпил и наговорил лишнего. Старый богач понял, что он спровоцирован и пошел на попятный. Тогда Петр объявил его арестованным и потянул в штаб. При этом ступал он весьма нетвердо и, грозя старику наганом, так громко кричал, что на улице стала собираться толпа.

Проходя случайно мимо, я оказался свидетелем этой сцены. Петра пришлось немедленно арестовать и посадить в кутузку, а старика передать местным властям.

Были у нас и еще случаи выпивки среди бойцов, но это делалось тайком, чтобы не показаться на глаза, так как даже самые большие «друзья бутылки» — а их в полку было немного — все же дорожили честью своего полка.

Когда мы стояли в Реже, по настоянию бойцов и особенно коммунистов было созвано общее собрание полка.

Конечно, мне трудно было бы восстановить в памяти это интересное собрание, но, к счастью, в Центральном архиве Советской Армии удалось обнаружить подробный протокол его.

Собрание проходило 29 июля. Повестка составлялась прямо на собрании. Получился огромный список вопросов, и если бы их обсуждать все, то это заняло бы несколько дней. Поэтому после большого и жаркого спора в повестке осталось только шесть вопросов:

1. Хозяйственный вопрос.
2. Отдых полка.
3. Картежная игра.
4. Отношение штаба к красноармейцам.
5. Выборы политического комиссара.
6. Выборы полкового каптенармуса.

Собрание протекало очень бурно. Конечно, самым животрепещущим вопросом был первый — хозяйственный (вернее продовольственный).

После ряда горячих выступлений и жарких споров бойцы,

понимая тяжелое положение страны с продовольствием, приняли такое решение:

> «Ввиду остроты продовольствия, постановили получать хлеба согласно приказу по полтора фунта, без различия, как начальствующим лицам, так и красноармейцам, выдавать такой же паек».

И добавили к этому же пункту:

> «Все товарищи должны нести боевую службу равно».

Это добавление вызвало новое предложение, которое единогласно приняли и записали:

> «Продукты выдавать начальствующим лицам не лучшего качества, а красноармейцам не худшего, а равного».

Интересное решение было принято по второму вопросу — об отдыхе полка. Никто из выступающих не жаловался на усталость и трудности. В этом вопросе бойцы и командиры проявили высокую сознательность и большой патриотический и революционный порыв. Все выступающие говорили не о том, что хотят отдыха, а о том, что они клеймят позором тех, кто смалодушничал и дезертировал из наших рядов, кто при отступлении остался дома, надеясь отсидеться и остаться в стороне. При отступлении у нас были такие, которые, смалодушничав, убегали домой. Например, таким оказался И. П. Калинин, брат нашего лучшего комбата Николая Петровича Калинина. Николай очень тяжело переживал это. (Правда, позднее И. П. Калинин загладил свою вину: в 1919 году он вступил в Красную Армию и храбро сражался в ее рядах). В то же время удрал Ельтинских П. В. и увел с собой целую группу бойцов. И вот, клеймя позором таких трусов, «горцы» приняли следующее решение:

> «Мы, красноармейцы 1-го Горного полка, будем защищать Советскую власть до тех пор, пока хватит наших сил. О смене полка на отдых будем ждать распоряжения центра».

И дальше по единогласному решению добавили:

> «Шлем проклятие всем перебежчикам на сторону противника».

Вопрос о картежной игре «горцы» постановили с повестки дня снять и условились, что играть на деньги больше не будут.

Четвертый вопрос — об отношении штаба к красноармейцам — обсуждался очень горячо. Красноармейцы высказали немало нелестных замечаний в адрес командира полка Ходова. Вызвано это было тем, что Ходов не прочь был форсануть, и, находясь со штабом в Реже, вдали от передовой, окружил себя вестовыми, ординарцами, конюхами и даже завел личную охрану. Многим это не понравилось.

«Чем он лучше нас? Ишь какой свитой обзавелся!» — недовольно говорили бойцы.

На собрании Ходов дал слово, что он будет настоящим пролетарским командиром, но ему все-таки не поверили, а записали так:

> «Оставить командиру полка старика конюха и одного мальчика как посыльного».

Вопрос о выборе политического комиссара был поставлен по предложению коммунистов, но эсеры (а они были в полку, эсером считал себя и Ходов) чувствовали, что выбрать комиссаром могут коммуниста, и постарались разными махинациями провалить этот вопрос. Ходов и особенно его дружок Тряпицин ввели в заблуждение собрание, заявив, что есть якобы приказ, запрещающий выбирать комиссаров, и добились по этому пункту такого решения:

> «Не выбирать».

Последний вопрос собрания — о выборе полкового каптенармуса, — несмотря на большую усталость собравшихся, вызвал также горячие споры: каждое подразделение хотело провести в полковые каптенармусы своего человека. В конце концов было принято решение:

> «Выбрать по одному представителю от каждой роты, команды для выбора из них полкового каптенармуса».

На этом и закончилось общее собрание полка, но долго еще бойцы не могли успокоиться, обсуждая вопросы, которые не вошли в повестку. Равнодушных не было, все понимали, что идет столкновение двух миров, строится новая жизнь, Красная Армия должна быть иной, новой, от силы ее зависит исход борьбы.

Как-то раз Ходов пригласил меня поехать с ним на митинг в деревню Глинки, недалеко от Режа. На митинге комполка

собирался выступить с речью, призывающей крестьян вступить в Красную Армию.

Когда мы приехали, народ уже собрался и митинг шел полным ходом.

Предоставили слово Ходову. Он начал издалека: рассказал, что он крестьянин, учился за меру картошки, а вот при Советской власти вышел в люди — командует полком. Призывая вступить в Красную Армию, он заявил:

— Вот у нас в Красной Армии не то, что в старой, царской армии, по мордам не бьют и матерно не ругают. — Но, вспомнив, видимо, о своей всегдашней привычке, поспешил поправиться: — Ох, виноват, ругают.

Собрание захохотало. Кто-то спросил язвительно:

— А может, и по мордам бьют?

— Нет, по мордам не бьют, — поспешно ответил Ходов. — Я социалист-революционер, каша партия стоит за крестьян, землю мы вам дали. Это мы добились! — кричал он, ударяя себя в грудь.

Сначала мужики слушали его спокойно, но потом начали шуметь, слышны были выкрики против продразверстки:

— Землю-то дали, а хлеб забирают весь.

Но объяснить мужикам, зачем нужна продразверстка, Ходов так и не смог, да вряд ли они поняли бы его. К тому времени беднота и батраки из деревни давно ушли на фронт, кулак снова распоясался и потянул недовольного продразверсткой середняка за собой. Ходов пытался еще что-то говорить, но его уже не слушали. Мужики шумели, как пчелиный рой. Комполка юркнул с импровизированной трибуны вниз и направился к лошади. Не солоно хлебавши мы уехали в Реж.

После неудачного митинга в Глинках я, вернувшись в Реж, зашел в ревком, где встретил руководителя режевских большевиков товарища Кривых.

Я рассказал ему о митинге в Глинках и поделился своими опасениями по поводу настроения крестьян. На это Кривых ответил, что вообще в деревнях около Режа, да и в самом Реже весьма неспокойно, а людей надежных осталось очень мало, так как из Режа и его окрестностей все лучшее ушло на фронт.

Во время нашего разговора к нему подошел мальчик лет двенадцати и, протягивая какую-то бумагу, спросил:

— Дядя Митя! А кому это передать?

Кривых что-то тихо ответил ему, а когда мальчик ушел, сказал мне, улыбаясь:

— Это сын моего старого друга Николая Щербакова, который вот уже второй раз уехал на фронт; сначала ездил на подавление дутовского мятежа, а теперь на чехов ушел. Мы с ним вместе

германскую мыкали. Он, можно сказать, не только мой друг, но и наставник, идейный большевик. Такие, как он, все на фронте.

БОИ ПОД КРУТИХОЙ. СМЕРТЬ ХОХРЯКОВА

На третий или четвертый день пребывания в Реже поступило распоряжение: послать одну роту на станцию Крутиха в помощь отряду матроса Хохрякова[2]. Послана была 1-я рота. Хохряков вместе с блиндированным поездом и частью своего отряда направил ее с Крутихи на станцию Монетная с задачей занять последнюю. Этой операцией руководил помощник Хохрякова Матвеев. После жаркого встречного боя и занятия станции Матвеев вернулся со своими людьми на Крутиху, оставив на занятой станции 1-ю роту и блиндированный поезд.

В это время в Реже было получено новое распоряжение, согласно которому я тоже, вместе с 4-й ротой своего батальона, отправился в Крутиху в распоряжение Хохрякова. До этого с Хохряковым мне встречаться не приходилось, но я знал, что он член Уральского совдепа (Уральского областного исполнительного комитета) и пользуется среди своих бойцов любовью и непререкаемым авторитетом.

Член Уральского Совета Павел Данилович Хохряков

К моему приезду Хохряков получил от командира 1-й роты

нашего полка очень тревожное донесение, из которого трудно было понять, что там делается. Хохряков дал мне паровоз и приказал ехать немедленно на станцию Монетная, чтобы все выяснить на месте.

Начало уже темнеть, когда я выехал из Крутихи. Машинист с трудом вел паровоз, жалуясь все время на темноту. Со мной на паровозе было несколько красноармейцев из 4-й роты и медицинская сестра Катя со своей неизменной санитарной сумкой.

Отъехав от Крутихи не больше десятка километров, мы услышали в стороне какие-то выкрики и стрельбу, но не придали им значения и продолжали ехать дальше. Через некоторое время снова услышали стрельбу и крики в стороне от дороги. На этот раз я приказал машинисту остановить паровоз, чтобы выяснить обстановку. Вскоре к паровозу подбежало несколько человек с винтовками. Это были красноармейцы 1-й роты. Они бессвязно рассказали о том, что белые, разобрав железнодорожный путь, окружили 1-ю роту и блиндированный поезд, и лишь немногим удалось вырваться из их кольца.

Посадив людей в тендер, я приказал машинисту следовать обратно на станцию Крутиха.

Когда я доложил Хохрякову о результатах своей поездки, он решил немедленно двинуть на выручку 1-й роты часть своего отряда и 4-ю роту моего батальона.

Высланная разведка уже на пятом километре от Крутихи наткнулась на блиндированный поезд, который обстрелял ее. Нам стало ясно, что 1-я рота погибла почти целиком, а блиндированный поезд попал в руки белых. Тогда Хохряков дал указание немедленно занять линию обороны в районе станции Крутиха.

Местность от Крутихи в сторону Монетной была малопригодна для обороны: к обеим сторонам железной дороги почти вплотную подступал густой сосновый лес, который сильно ухудшал обзор. Наступающий противник мог подойти незамеченным и также незаметно обойти наши фланги. В двух километрах перед Крутихой линия железной дороги проходила в глубокой выемке. Хохряков дал команду разобрать в этом месте рельсы и столкнуть туда два товарных вагона, загрузив их предварительно разным барахлом, чтобы преградить путь блиндированному поезду белых.

За ночь к нам на Крутиху пришло еще несколько бойцов 1-й роты, выскользнувших из окружения. Позднее мы узнали, что другим бойцам 1-й роты удалось выйти прямо в Реж, но их было немного.

В боях под Монетной мы потеряли много хороших бойцов. Здесь погибли: пулеметчики Ефремов Сергей Гаврилович, Агафонов Константин Иванович, Агафонов Иван Михайлович, Кириллов Михаил Васильевич, Михайлов Петр Степанович и Бахтиков Константин; там же погибли конные разведчики Зубарев Николай Григорьевич, Гардополов Павел Ефимович и другие бойцы, в том числе и команда поезда.

В большинстве своем это были нижне-уфалейские рабочие, добровольцы, рядовые бойцы революции, отдавшие жизни за счастье детей и внуков своих, за светлое будущее Родины.

Готовясь к бою, наша 4-я рота заняла позицию справа от железной дороги, упершись своим правым флангом в болото, которое хорошо обеспечивало нас от возможного обхода противника. Слева от насыпи занял позицию отряд Хохрякова. Так как левее уже никого не было, то фланг этот являлся наиболее уязвимым местом нашей обороны и легко мог подвергнуться обходу белых. Чтобы в какой-то степени обезопасить себя от этого, Хохряков выделил значительный резерв и расположил его за своим левым флангом.

На рассвете 16 августа белые повели наступление на станцию Крутиха, но, встретив с нашей стороны дружный отпор, отошли.

Подтянув резервы, к полудню они вновь пошли в наступление, пытаясь обойти наш левый фланг, но Хохряков выдвинул из своего резерва часть сил и удачно парировал обходное движение белых.

В этом бою приняла участие и наша артиллерия.

В отряде Хохрякова была батарея, которой командовал некий Курцман (его все считали французом). Батарея располагалась вблизи передовых позиций и своей меткой стрельбой помогла ликвидировать вторую атаку белых.

Ночь прошла сравнительно спокойно. На станции Крутиха штаб отряда Хохрякова и штаб моего батальона размещались вместе в большой комнате пристанционного барака, и я имел возможность наблюдать, как такой большой по тому времени человек, член уральского областного правительства, управлял людьми своего отряда.

В отряде Хохрякова была преимущественно пылкая, но неопытная молодежь. Принцип построения его был мне неясен. Бойцы шли к Хохрякову со всеми, даже самыми мелкими вопросами, и он их принимал и старался сам разрешать всю уйму этих вопросов. Он терпеливо выслушивал каждого, потом утешал или спокойно объяснял, и так продолжалось почти до утра. Спал он урывками, ел на ходу. Я удивлялся, когда он успевал обдумывать основные вопросы предстоящей боевой операции.

Вспоминается такая картина.

— Товарищ Хохряков! — крикнула, вбегая в штаб, запыхавшаяся пулеметчица. — Сенька отобрал у меня запасную ленту, — чуть не плача доложила она.

— Пусть отдаст. Скажи ему, что я велел, а если не отдаст, пускай явится ко мне, — спокойно говорит Хохряков.

Девушка сразу повеселела и ушла.

Спустя несколько минут в штаб ввалился детина в матросской форме, увешанный пулеметными лентами. Хохряков спокойно спрашивает его:

— Чего же ты обидел девушку? Отдай сейчас же!

Матрос проворчал что-то себе под нос, потом сказал:

— Ладно, — и вышел.

Утром чуть свет Хохряков уже носился по передовой, беседовал с бойцами, шутил и опять на ходу разрешал множество вопросов.

Когда уже совсем рассвело, к нам прибыло подкрепление — батальон Алапаевского полка под командованием Пионтковского, бывшего военнопленного австрийской армии. Батальон был сформирован недавно и еще ни в одном бою не участвовал.

К полудню белые, возобновив наступление, направили свой главный удар на наш левый фланг и начали его обходить. Хохряков, чтобы не допустить обхода фланга, двинул туда алапаевцев. На фланге разгорелся встречный бой. Алапаевцы, не выдержав напора белых, дрогнули и начали отходить, оголяя наш левый фланг.

Хохряков в это время находился правее линии железной дороги, на наблюдательном пункте 4-й роты, устроенном на крыше дровяного сарая, откуда хорошо было видно почти все поле боя. Увидев отходящих алапаевцев, он соскочил с крыши и, выхватив из деревянной кобуры маузер, бросился навстречу отступающим алапаевцам, чтобы вернуть их на позицию. Я побежал за ним следом. Поднявшись на насыпь железнодорожного полотна, размахивая маузером, он зычно закричал: «Вперед!», пересыпая приказания крепкими матросскими словечками. Вдруг он как-то неловко и резко повернулся и, хватая ртом воздух, упал на линию между рельсов. Я понял, что он ранен, и, громко крикнув по цепи: «Санитара!» — пополз к Хохрякову, чтобы помочь ему.

Хохряков лежал вниз лицом, широко раскинув руки, как будто хотел удержать бегущих. Я еще раз крикнул: «Санитара скорее!» — и начал осторожно его переворачивать. Хохряков открыл на минуту глаза, вопросительно посмотрел на меня, попытался что-то сказать, но не мог. Он выдохнул лишь: «Не

надо…». Взор его помутился, и сознание померкло. В это время к насыпи подбежал запыхавшийся фельдшер. Он подполз к нам, быстро расстегнул на Хохрякове кожанку и разорвал на нем нательную рубашку. На груди у Хохрякова с левой стороны виднелось небольшое пулевое отверстие, крови почти не было. Фельдшер попытался прощупать пульс, но потом выпустил безжизненную руку Хохрякова и тихо, упавшим голосом произнес: «Убит!».

По цепи хохряковского отряда с быстротой молний разнесся слух о гибели любимого командира. Тело Хохрякова снесли вниз, за полотно железной дороги, где уже начали скапливаться в большом количестве бойцы его отряда.

Несколько человек подняли тело своего командира на руки, другие окружили их плотным кольцом, и вся эта скорбная процессия двинулась к эшелону, который стоял под парами недалеко от станции. По дороге к ней присоединились другие хохряковцы, и, погрузившись в эшелон, отряд уехал в Реж.

Я был удивлен тем, что хохряковский отряд самовольно покинул позиции и не нашлось ни одного командира в отряде, который бы принял команду на себя и удержал бойцов.

Алапаевцы было залегли, но потом, увидев, что хохряковцы бросили свои позиции, опять начали отходить на своем участке. Таким образом, вся левая сторона от железной дороги начала отход. «Горцы», занимавшие позицию справа от железной дороги, не знали о случившемся и продолжали вести бой с наседавшим с фронта противником.

Белые, столкнув алапаевцев, зашли уже далеко, и 4-й роте угрожала опасность быть отрезанной и окруженной. Тогда я послал командиру роты Косоротову распоряжение: загнуть свой фланг и начать постепенный отход в сторону Режа.

В Крутихе после ухода отряда Хохрякова и бегства алапаевцев оставался очень небольшой резерв «горцев», около взвода. Выдвинув его на линию железной дороги, мы попытались помешать противнику обойти нашу 4-ю роту, но сдержать его были не в силах и тоже начали постепенно отходить за Крутиху. К нашему счастью, на путях за Крутихой мы увидели отходящий блиндированный поезд. Я послал бойцов задержать его. На кем оказалась только паровозная прислуга. Подойдя к поезду, я спросил:

— Кто командир поезда?

— Я! — задорно ответил машинист.

— А где команда? — спросил я, видя, что на блиндированных платформах никого нет.

— Разбежалась! — последовал ответ. — Вместе с

начальником.

— Ты будешь начальником, подчиняться только мне, — сказал я машинисту.

На поезде оказались два пулемета и трехдюймовая пушка. Пулеметчик среди нас один нашелся, а артиллеристов не оказалось ни одного. Быстро перетащив пулеметы с задней площадки на переднюю, мы начали обстреливать наступающих цепями белых. Противник залег, а потом стал отползать назад. Пулеметных патронов оказалось мало, и я приказал их экономить. На передней платформе стояла пушка. Снарядов около нее было много, но стрелять никто не умел. Общими усилиями мы пытались открыть затвор орудия, но долго не могли этого сделать, пока случайно кто-то не нажал сверху на рукоятку и затвор открылся. Тогда мы решили выстрелить из пушки. Прицелом пользоваться тоже не умели. Решили наводить стволом. Заложили первый снаряд, закрыли затвор, и я приготовился дернуть за веревочку, предварительно сказав ребятам, чтобы они открыли рты. Когда я был еще мальчонком, то слыхал от своего дяди Григория, который служил в артиллерии, что при выстреле надо открыть рот, а то оглохнешь.

Первый выстрел произведен; пушка подпрыгнула на платформу и, откатившись назад, снова стала на свое место. Ребята, опережая один другого, бросились открывать затвор, при этом чуть не учинили драку — каждому хотелось открывать затвор, заряжать и дергать за веревочку. Чтобы избежать неразберихи, я распределил обязанности между ними: кто открывает затвор, кто заряжает и кто производит выстрел, то есть дергает за веревочку. И новоявленные «артиллеристы» открыли такой огонь, что можно было подумать, что это стреляет целая батарея.

Не знаю, что задержало белых — наша ли стрельба из пушки или наступление ночи, но их движение с фронта было приостановлено. Можно было ожидать, что, встретив отпор с фронта, белые начнут обходное движение с флангов, поэтому я выделил нескольких бойцов следить за флангами. Патронов уже осталось мало, поэтому я приказал стрелять только наверняка, подпустив белых поближе.

Сумерки сгущались все больше и больше. Боец, наблюдавший за правым флангом, нервно протер глаза, вглядываясь в темноту, и шепотом сообщил:

— Идут!

— Где? — спросил я.

— Вон справа, из леса, — ответил он и показал рукой на опушку темного леса.

Все устремили свой взор туда, а пулеметчик, резко повернув свой пулемет вправо, стал прицеливаться.

— Без команды не стрелять, — сказал я, стараясь разглядеть темные силуэты, появившиеся на опушке леса.

— Ребята, — удивленно сказал наблюдатель, — их ведет женщина.

— Да это наша четвертая рота, а впереди идет Катя, — закричал Петеня (так звали моего брата) и, соскочив с платформы, устремился навстречу идущим.

— Наши, наши! — закричали наперебой ребята и бросились вслед за ним.

Радость встречи невозможно описать словами. Смех, восклицания, объятия.

— Не будь Кати, мы, дураки, расстреляли бы вас, только по ней и догадались, что это вы, — заявили ребята бойцам 4-й роты.

Расспросам и рассказам не было конца. До самого утра никто не заснул: все переживали события только что прошедшего дня и, перебивая друг друга, рассказывали истории одну невероятнее другой. Мы узнали о том, как 4-я рота оказалась отрезанной, как ей грозило окружение, как она вышла из него, пройдя через зыбкое болото.

Новоявленные «артиллеристы» торопились похвастаться друзьям о своих познаниях в артиллерии и о достижениях в артиллерийской стрельбе. Петеня уверял, что он первый открыл затвор и, если бы не он, пушка бы молчала.

К утру к нам подошел на помощь Калинин со своим 1-м батальоном, и опять начались бесконечные рассказы о пережитом за эти сутки.

На следующий день наш полк сменили «волынцы». Здесь я впервые встретился с Федоровским, командиром Волынского полка. Мне сразу бросилось в глаза его отношение к красноармейцам. Держал он себя с ними просто, по-товарищески, любил пошутить, и они, обращаясь к нему, называли его не по должности, как было принято, а просто по фамилии. Но чувствовалось, что дисциплина в полку крепкая.

В РАЙОНЕ СТАНЦИИ ЕГОРШИНО

После смены нашего полка волынцами мы отправились, не заезжая в Реж, прямо на станцию Егоршино в распоряжение штаба Сводно-Уральской дивизии. Туда прибыли на следующий день к обеду. В Егоршино нас встретил комбриг Сводно-Уральской дивизии Васильев Макар Васильевич. Здесь мы узнали, что наш полк войдет в состав его бригады. До этого я с Васильевым нигде не встречался и не был с ним знаком. Он пришел в Егоршино с частями тюменского направления, где руководил Камышловекой группой, а до этого был председателем Камышловского Совета. Наружность Васильева сильно напоминала сказочного русского богатыря Илью Муромца. Немного выше среднего роста, он был широк в плечах, взгляд его темно-карих добрых глаз выражал одновременно и строгость и теплоту. Говорил не спеша, как бы взвешивая каждое слово. В его лице и манере обращения было много обаяния, которое располагало к нему с первой же встречи, внушало теплое чувство и безграничное доверие.

Комбриг Макар Васильевич Васильев

Когда я зашел в штаб бригады, мне бросилась в глаза одна особенность: все люди в штабе, разговаривая с ним, инстинктивно

вставали в положение «смирно», хотя он этого и не требовал.

В Егоршино с помощью Васильева нам удалось получить немного пополнения. В первую очередь укомплектовали 1-ю роту, которая понесла большие потери в Монетной. Командиром этой роты, вместо Филиппова, убитого под Крутихой и с почестями похороненного в Реже, был назначен кто-то из уфалейцев.

В Егоршино к нам прислан был Муравьев Иван Иванович — первый комиссар нашего полка. Ходов назначение комиссара принял как оказанное ему недоверие и отнесся к нему неприязненно, но Муравьев сделал вид, что не замечает этого. Он начал быстро осваиваться, вникать в жизнь полка и вскоре стал в полку своим человеком. В штабе он бывал редко, предпочитая находиться среди людей в ротах.

Здесь же в Егоршине я впервые встретил легендарного командира полка «Красных орлов» Филиппа Акулова[3], или Филю, как его часто называли. Интересная произошла встреча Акулова с Ходовым, командиром нашего полка. Филя проходил мимо нашего эшелона, и Ходов, желая познакомиться с ним, преградил ему путь; щегольски брякнув шпорами, он взял лихо под козырек и начал перечислять свой длинный «титул». Акулов, сделав испуганный вид, сжался в комок и, хитро прищурив глаза, стал внимательно рассматривать затянутую в ремни и увешанную множеством оружия фигуру Ходова. Потом, подергав его за ремень сабли, как будто вспомнив что-то, произнес скороговоркой:

Командир полка «Красных орлов» Филипп Егорович Акулов

— У меня тесак есть, которым ребята дрова колют. Я пришлю его тебе. — Сказав это, он снова сощурил глаза и, сделав выжидательную позу, посмотрел на Ходова. Тот опешил от неожиданности и не знал, что ему делать, смеяться или сердиться. Кисло улыбнувшись, а затем сделав суровое лицо, Ходов заговорил сердито:

— Во-первых, не «тыкай». Я с тобой на брудершафт не пил…

— Мы неграмотные, — перебил его Акулов. — Рога сшибать белым — это наше дело, а пить на какую-то «будершаву» и прочие манеры, мы этому не учились… — закончил он скороговоркой и, смачно сплюнув, пошел дальше.

Отойдя немного, он оглянулся и озорно крикнул:

— Прислать тесак-то?

Через неделю я вновь встретил Акулова у села Покровского, где он шел в конном строю в атаку со своей конной разведкой. Филипп из худенького, немного сутуловатого, небольшого роста, заурядного на вид человека преобразился в горного орла: глаза его горели как угли, казалось, он сросся со своим конем и составлял с ним одно целое. Он мчался бешеным галопом впереди своих конников, увлекая их за собой.

— За мной, орлы! — кричал он пронзительным голосом. — Сшибем рога белым!

Отступавшие в панике бойцы, увидев мчавшегося на бешеном галопе своего командира, сначала остановились, а потом, увлеченные его безумной храбростью, бросились за ним и начали занимать свои окопы. Положение, минуту назад казавшееся безвыходным, вновь было восстановлено.

Во второй половине августа подступы к узловой станции Егоршино обороняли полки 1-й бригады Сводно-Уральской дивизии: «волынцы» занимали позицию между Режем и Покровским, «Красные орлы» оседлали железную дорогу Богдановичи — Егоршино, Камышловский полк — Тавдинскую ветку, занимая позицию у Ирбитского завода.

Командир Камышловского полка врач Кангелари с тревогой доносил комбригу Васильеву, что тавдинская группа белых, обтекая его левый фланг и делая глубокий обход, заняла деревни Лебедкино, Костромино и Сарафаново. Положение создавалось серьезное: выход мощной тавдинской группы белых в район станции Егоршино угрожал отрезать всю 1-ю бригаду Сводно-Уральской дивизии. На ликвидацию этого обхода был брошен 1-й Горный полк. Комбриг Васильев, отдавая приказание нашему полку, сказал:

— Это вам экзамен. Вы должны в первую очередь занять деревни Сарафаново и Лебедкино. В последней, являющейся узлом проселочных дорог, закрепиться и ждать дальнейших указаний. Желаю вам победы, храбрые «горцы».

Васильев еще не знал нашего полка, и, думаю, он не был уверен полностью в нашей силе, поэтому «храбрые горцы» было сказано авансом, чтобы подбодрить и вселить в нас уверенность.

1-й батальон был двинут на село Шогрыш, 2-й батальон — на деревню Сарафаново. Подходя к Сарафанову, мы встретили сильный ружейный огонь — деревня, по-видимому, была занята большим пехотным отрядом.

Тогда, чтобы отвлечь на себя внимание противника, 3-я рота Абакумова начала демонстрировать наступление с фронта, а 4-я рота, под командованием Косоротова, направилась во фланг противнику, чтобы ударить с тыла и отрезать ему путь к отступлению.

Но противник скоро разгадал этот маневр и начал отступать к деревне Костромищино.

4-я рота, следуя по пятам за отступавшим противником, после короткого боя, в котором приняла участие и батарея Захара Михайловича Беспалова, заняла деревню, здесь мы обнаружили, что все население ее насильно угнано казаками, остались только больные, дряхлые старики да один умалишенный.

«Горцы» в первую очередь потушили пожар, возникший от

обстрела нашей артиллерией. Подошедшая вскоре 3-я рота была немедленно направлена на деревню Лебедкино, чтобы поддержать наступление 1-го батальона. Противник подтягивал резервы. Он, видимо, решил оказать серьезное сопротивление, намереваясь удержать за собой Лебедкино. Мы также подтянули свои силы. В бой включились и наши артиллеристы. Захар посылал снаряд за снарядом в подходящие резервы противника, и стройные ряды подразделений вмиг превращались в беспорядочные толпы людей.

— Так ее, эту гидру проклятую! — кричали удовлетворенно «горцы». — Поддай им еще жару, Захар Михайлович, — просили они, любуясь его меткостью.

Захар, стоя во весь рост и сдвинув на затылок фуражку, спокойно наблюдал в бинокль за результатами стрельбы и четко командовал наводчику Сергею Богданову:

— Прицел два, трубка пять, — и, выждав несколько секунд, повелительно кричал: — Огонь!

Тем временем 2-й батальон двинулся в обход Лебедкино с востока, намереваясь отрезать тыловую дорогу белых на деревни Неустроево, Осипцево. Комрот 3 Абакумов провел свою роту незаметно лесом и ударил на Лебедкино с тыла. Белые не ожидали этого и в панике начали отступать на деревню Неустроево.

Задача, поставленная комбригом Васильевым, была выполнена: деревню Лебедкино «горцы» заняли. Но когда мы познакомились с подступами к этой деревне, то пришли к выводу, что в Лебедкине организовать оборону невозможно. Во-первых, она была расположена в котловине, во-вторых, северо-восточная окраина ее вплотную подходила к лесу. Об этом мы донесли комбригу и просили разрешить нам занять деревню Неустроево или даже Осинцево.

Комбриг одобрил наше решение. На рассвете мы продолжили наступление и к концу дня заняли деревню Осинцево. С занятием этой деревни нависла угроза группировке белых, действовавшей против Камышловского полка. Белые должны были или отвести свои войска по линии железной дороги, или отбросить «горцев» назад к деревне Лебедкино. Они предприняли последнее и, подтянув свежие силы, перешли в контрнаступление. Разгорелся жаркий бой. Занимаемая нашим полком позиция проходила впереди деревни Осинцево и сильно возвышалась над окружающей местностью, что давало нам большое преимущество. Яростные атаки белых отбивались с большими для них потерями. К концу дня поле боя было усеяно трупами белых. На рассвете следующего дня противник, подобрав убитых и раненых и

подтянув свежие силы, вновь перешел в наступление. Яростными атаками белые пытались опрокинуть «горцев», но и этот день не принес им успеха: атаки белых снова окончились безрезультатно. У нас, по сравнению с противником, были незначительные потери. Погибли конный разведчик любимец полка Григорий Сапунов, Петр Филиппович Беспалов — мой земляк, Александр Кононов — нижнеуфалейский рабочий и другие.

Ночью белые подобрали трупы убитых и всех раненых.

Утром третьего дня было тихо. «Горцы» удивлялись: «Почему контрики больше не лезут? Или насытились, или не нравятся им наши гостинцы?»

Когда совсем рассвело и стали хорошо видны не только окопы, но и люди, со стороны белых вдруг раздался артиллерийский выстрел, и за линией наших окопов вырос, как исполинский куст, разрыв первого снаряда. За первым снарядом последовали еще и еще. Одни снаряды не долетали до линии наших окопов, другие перелетали их. Нам стало ясно, что противник подбросил сюда значительную артиллерийскую часть и ведет пристрелку по нашим окопам.

— Да, нашей одной трехдюймовочке туговато придется… — говорили бойцы.

Окопы наши, сделанные наскоро, неглубокие и в большинстве случаев одиночные, без ходов сообщения, не могли надежно защитить бойцов от сильного артиллерийского огня.

Что делать? Не лучше ли, пока не поздно, спасти людей, увести их из-под губительного огня противника? Командира полка с нами не было. Ходов вообще предпочитал держаться подальше от передовой линии, он всегда находил случай исчезнуть куда-нибудь перед боем: или уехать для связи в один из соседних полков, или в штаб бригады, а иногда и просто в обоз.

2-й батальон занимал позицию по опушке леса, левее деревни. Я немедленно вызвал командиров рот своего батальона и дал установку: в случае сильного обстрела артиллерией противника наших окопов незаметно отводить людей в безопасное место, в глубь леса, а как только прекратится артобстрел, вновь вернуться в окопы. 1-й батальон не мог сделать такого маневра, так как он размещался справа от деревни, где было чистое поле. Единственно, что можно было сделать, — глубже закопаться в землю. Калинин дал такое указание.

Пристрелка подходила к своему финалу: снаряды падали по всей линии нашей обороны, близко от цепи и даже прямо в окопы. Противник перешел на беглую стрельбу. К этому времени 2-й батальон уже был отведен в лес, в безопасное место, а бойцы

1-го батальона лихорадочно работали лопатами, вгрызаясь в землю; несмотря на эти усилия, в первом батальоне появились раненые и убитые. Настроение бойцов ухудшалось, а артстрельба все усиливалась и, наконец, достигла такого предела, что все смешалось и гудело. В довершение всего белые выскочили из окопов, дико завыли (видимо, были пьяные) и повалили густыми цепями в атаку. Бойцы 1-го батальона не выдержали: выскакивая из окопов они качали быстро отходить, не принимая атаки. Остановить их в это время было невозможно. Белые, увидев бегущих, устремились преследовать их. В это время роты 2-го батальона, выйдя из леса, ударили во фланг преследователям. Получилась свалка. Артиллерия белых вынуждена была прекратить огонь. Белые от неожиданности пришли в замешательство и пустились сами наутек. Но в это время со стороны окопов противника появились свежие цепи, а на фланге замаячила конная лава. 2-й батальон «горцев» вынужден был отходить вслед за 1-м, чтобы сохранить живую силу. Этот бой особенно ярко показал роль и значение артиллерии. Наша единственная пушка заслуживала большой похвалы, но она не могла противостоять превосходящей ее в несколько раз артиллерии противника.

На возвышенности, расположенной северо-восточнее деревни Лебедкино, мы задержались и начали срочно строить окопы. Линия фронта проходила по опушке леса.

1-й батальон занял участок слева, упираясь своим левым флангом в дорогу, идущую из Лебедкина на село Шогрыш. Дальше правее расположился 2-й батальон, имея за своим правым флангом большое непроходимое болото, тянувшееся на несколько километров.

Противник, дойдя до деревни Лебедкино, остановился и начал сосредоточиваться на противоположной окраине ее. Таким образом, деревня оказалась между двух позиций. Многие жители, предвидя боевые действия, поспешно уходили в лес, бросая свое хозяйство на произвол судьбы, некоторые попрятались в погреба и подполья.

Разведчики с обеих сторон шныряли по деревне, старались подкараулить друг друга, чтобы поймать языка. Это была очень рискованная и опасная работа, так как всякий попавший в плен не мог рассчитывать на дарование ему жизни.

В первый период гражданской войны, когда обе стороны имели добровольческие армии, классовая ненависть была так сильна, что пленных редко оставляли в живых.

Правда, командование Красной Армии категорически запрещало убивать пленных, но бойцы иногда в силу жгучей

ненависти пристреливали их, не доводя до штаба, ссылаясь при этом на то, что пленный пытался убежать.

Что же касается командования белой армии, то оно не только не запрещало убивать красных пленных, но и поощряло это дело, часто само принимая в расстрелах активное участие.

Всех бойцов Красной Армии белые считали коммунистами, а коммунистов они уничтожали без всякого суда и следствия.

Несмотря на это, бесстрашные и неутомимые разведчики Напоров, Пименов, Горин, Шаров, Дорофеев, Ларионов, Кауров, братья Пичуговы и другие почти весь день с самого утра не вылезали из Лебедкина, не приходили в полк даже поесть.

ТРУСЫ ИЛИ ГЕРОИ?

Под Лебедкином, казалось, наступило равновесие сил. Артиллерия противника пока не проявляла себя. С наступлением белые что-то медлили. От комбрига Васильева мы получили указание удерживать занятые позиции. Наш сосед справа, Камышловский полк, тоже держал свои позиции впереди Ирбитского завода. На участках других полков 1-й бригады шли бои с переменным успехом.

«Горцы», испытав под Осинцевом губительный огонь артиллерии, усердно рыли новые окопы, особенно старался первый батальон. Противник подозрительно молчал. Разведка доносила, что на юго-западной окраине Лебедкина наблюдается скопление конницы. Ходов дал приказание Беспалову обстрелять шрапнелью этот квадрат. После короткого артиллерийского обстрела никакого движения замечено не было. Ходов сделал выговор адъютанту Моргунову за то, что тот неправильно информировал его о скоплении конницы.

Пока командир с адъютантом выясняли, кто из них ошибся, противник неожиданно, без предварительной пристрелки, обрушил на участок полка лавину артиллерийского огня. В это же время в нашем тылу затрещали ружейные и пулеметные выстрелы и вскоре загремело победное «ура».

— Что это? Что? Откуда там противник? — спрашивал Ходов, бледнея и мечась как угорелый. Потом вскочил на лошадь, метнулся к батарее и закричал паническим голосом: — На передки, за мной галопом марш! — и помчался по дороге на село Шогрыш.

Артиллерия противника продолжала обстреливать наши позиции, не давая возможности высунуть носа из окопов. Хотя огонь был не меткий, но очень частый. В довершение всего в это время из тыла показались бегущие в беспорядке наши обозники:

— Окружили! Окружили казаки и рубают наших! — кричали они в исступлении с искаженными от ужаса лицами.

Паническое слово «окружили» вмиг облетело линию фронта полка и со страхом отдалось в сердце каждого бойца. А тут еще не смолкал гул артиллерии, и бойцы, поддавшись чувству безнадежности, в панике бросились бежать. Но куда бежать? Впереди противник. Сзади противник. Кругом белые.

Единственное место, где не было противника, — это болото за правым флангом полка. Туда и устремилась вся масса обезумевших людей.

Побежал туда и я. Что мной руководило в тот момент, не

знаю: чувство ли стадности, страха или просто боязнь остаться одному. Когда я прибежал к болоту, то увидел на самом краю его большую безвольную толпу. Мне показалось, что эти люди, загнанные сюда страхом, ищут выхода из этого тупика и не находят его. Они готовы были лезть в зыбкое болото и утонуть в нем, лишь бы не попасть в руки врагу. На лицах был написан ужас и полная беспомощность. Большинство людей прибежали сюда с оружием, и лишь незначительная часть побросала все. Не знаю, в порыве ли отчаяния или в порыве злости я закричал страшным, пронизывающим душу голосом:

— Становись!

Голос мой был таким резким и диким, что толпа как-то сразу смолкла и замерла.

— Командиры рот! Ко мне! — приказал я уже более уверенно и спокойно, обретая в себе силу. И в глазах людей можно было уже заметить проблеск надежды. Я видел, что эти люди готовы уже повиноваться и идти, куда бы я их ни повел.

Командиры рот обоих батальонов быстро явились и, вытянувшись, чего я раньше никогда не замечал, ожидали моего приказания.

— Немедленно разобраться и построить роты! — повелительно скомандовал я. Затем, обращаясь уже к комбату Калинину, добавил: — Ты с первым батальоном будешь прикрывать отход полка. Занимайте немедленно позицию.

— Товарищ Косоротов! — приказал я командиру 4-й роты, который уже собирал и строил свою роту. — Немедленно очистить дорогу от казаков. Отходить будем в сторону Ирбитского завода, на Тепловский кордон.

— Слушаюсь! — ответил Косоротов и, делая какие-то указания, начал рассыпать свою роту в цепь.

Совершилось чудо, которого я и сам не ожидал: люди, представлявшие несколько минут тому назад беспомощную толпу, объятую страхом и безнадежностью, вновь обрели силу, преобразились в боеспособную часть, готовую на любой трудный и опасный подвиг. Проходя перед «горцами», я видел в их потупленных взорах мучительный стыд за проявленную ими слабость и в то же время радостное волнение и гордость за то, что они вновь обрели силу.

Косоротов, продвигаясь со своей ротой к кордону, не встречал сопротивления противника. Казаки, напавшие на наш обоз, пограбили его и, как только увидели движущуюся цепь 4-й роты, поспешно удалились, не приняв боя.

Пехота противника дальше наших окопов почему-то не пошла. Думаю, что на ночь она не хотела забираться в лес.

Отойдя до линии кордона, мы заняли новую позицию. Здесь за ночь полк привел себя в порядок.

Ходов не появлялся. Комиссар полка Муравьев обязал меня продолжать временно командовать полком. Я начал отказываться, но Муравьев пригрозил мне и обещал «поставить к стенке». Подействовала на меня не угроза Муравьева — ее я принял скорее за шутку, — мне было больно за людей полка, и после мучительных колебаний и сомнений в своих силах я согласился.

На рассвете следующего дня мы перешли в наступление и вновь заняли свои прежние позиции, которые вчера так позорно оставили.

Ходов утром прислал в полк казначея Шпренгера с целью выявить настроение людей.

«Горцы» оказали ходовскому послу:

— Пусть он к нам больше не показывается. Обойдемся без него как-нибудь.

— Скажите Ходову, — заявил комбат Калинин, — на фронте нужны не парадные командиры, а настоящие, которые не прячутся от пули за кочку и не бросают людей в трудную минуту. — И в заключение добавил: — Товарищ он не плохой, да только в тылу.

Ходов, получив такую информацию, не решился приехать в полк и на другой день уехал в штаб бригады. Там уже знали о поведении Ходова из донесения Муравьева и послали его военным комендантом на какую-то станцию.

Комиссар не любил Ходова за его малодушие и был очень доволен, когда тот ушел из полка.

— Ты думаешь, мне легко было с ним работать? — сказал как-то Муравьев. — Я должен был поддерживать его авторитет как командира, а он его заваливал. Человек он, может быть, и не плохой, но не для фронта.

БЕЛЫЕ ПРИМЕНИЛИ ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА

«Горцы», наученные горьким опытом, как только вновь заняли свои окопы под Лебедкином, начали их сразу углублять. Многие старые солдаты делали в окопах «лисьи норы», которые хорошо защищали от осколков и шрапнели. Кроме того, прорыли в лес ходы сообщения, чтобы можно было во время сильного артогня незаметно уводить людей в укрытия. Все эти меры сильно повысили нашу обороноспособность. После этого все атаки противника наталкивались на упорное сопротивление «горцев» и успеха не имели. Даже шквальный артиллерийский огонь уже не помогал противнику, потому что «горцы» приспособились и к нему.

— Ребята! Быстро в лес! — приказывал комбат Косоротов (после того как я принял полк, он стал командовать 2-м батальоном). — Пусть они месят окопы, починим, — смеялся он, когда белые начинали артиллерийскую подготовку к очередной атаке.

И люди спокойно и незаметно уходили по ходам сообщения в безопасное место, где сидели, пока не прекращалась артподготовка. Когда стихал огонь, все быстро возвращались в окопы и спокойно встречали идущую в атаку пехоту противника, а подпустив ее поближе, внезапно обрушивали на нее всю силу своего огня.

— Что же вы бежите, контрики? — кричали вслед убегавшим белякам бойцы. — Али вам не нравится наше угощение? — Некоторые, сложив рупором руки, кричали вдогонку: — Холуи несчастные, за кого воюете? Так вашу мать… За офицеров, которые вам за это морду бьют и последнюю коровенку со двора уводят?

Так пытались «горцы» агитировать обманутых крестьян.

— Они не поймут нас сейчас, — говорил ворчливо Косоротов, прислушиваясь к выкрикам бойцов. — Они верят еще эсерам, которые обещают им золотые горы. Вот когда они увидят сами, что эти золотые горы превратились в пепел, тогда их не надо будет агитировать, сами узнают, на чьей стороне правда.

— Окопы, окопы приводите в порядок. Хороший окоп — это дом родной, — отечески наставлял комбат 1 своих бойцов на другом конце обороны.

Ночь тянулась очень медленно. Изредка слышалась перестрелка разведчиков, или вдруг рассыпался дробью какой-

нибудь пулеметчик, которому в темноте показалось, что движутся неприятельские цепи.

Наутро, как только рассвело, белые снова начали артиллерийский обстрел. Но стрельба на этот раз велась как-то вяло, нерешительно, снаряды падали не по окопам, а за окопами в лесу. Разрывы и цвет дыма не были похожими на прежние.

— Товарищ Пичугов! Чуете, как пахнет черемухой? — спросил меня телефонист Питерский.

— Черемуха цветет в мае, а сейчас сентябрь, — сказал я, не вникнув в смысл вопроса Питерского, занятый разбором оперативной сводки, полученной из штаба бригады. Питерский, оставив за себя напарника, не говоря больше ни слова, вышел из шалаша, в котором размещался штаб полка, и пошел к тому месту, где недавно разорвался снаряд. Вскоре он вернулся и заявил, что черемухой пахнет от разрыва неприятельского снаряда. Спустя немного его стало тошнить и появилась рвота.

— Нанюхался! — ворчал на него товарищ.

Тут же позвонил комбат Калинин и, ругаясь на чем свет стоит, сообщил, что белые обстреливают отравляющими снарядами и у него в батальоне уже несколько человек отравилось. Вслед за ним о том же сообщил и комбат 2 Косоротов. Противогазов у нас не было совсем, и вероломство белых застигло нас врасплох. Я, откровенно говоря, растерялся и не знал, что делать. Отвести полк? Но куда? В тылу поблизости у нас не было подходящих рубежей. Позвонил Калинину, чтобы посоветоваться с ним.

— Что будем делать? — спросил я.

— Чепуха! — кричит он в ответ. — Мочим портянки, полотенца и носовые платки, у кого есть. Что твои противогазы. Фронтовики научили.

— Черт возьми, как это мне не пришло в голову, — крикнул я, обрадованный. Ведь в начале мировой войны у нас тоже были марлевые повязки, которые заменяли противогазы и защищали нас от некоторых газов. Я сейчас же дал указание сообщить об опыте 1-го батальона всем подразделениям.

Бойцы 1-го Горного полка (слева направо): Чернушкин, Акалов, Бабенко, Богданов

Благодаря догадке старых солдат калининского батальона и своевременно принятым мерам потери от отравляющих веществ были невелики, но все же человек двадцать в разной степени получили отравление.

Спустя некоторое время обстрел прекратился. Белые, видимо, решили, что мы валяемся, как тараканы, вверх ногами. Подождав, когда развеются совсем газы, чтобы не отравляться самим, белые осторожно, без всякого шума пошли на наши позиции, надеясь

беспрепятственно перешагнуть через наши «бездыханные трупы».

Мы решили отплатить белым за их вероломство. Наши окопы как вымерли, и противник уже шел без особой предосторожности. «Горцы» с трудом сдерживались, их лихорадило от нетерпения. Все было готово — кольца с гранат сняты, ленты заправлены и патроны досланы, все ждали только сигнала. И когда противник был почти уже у самых окопов, взлетела сигнальная ракета, и тут же полетели десятки гранат на головы самоуверенных беляков, а с обоих флангов и из середины рванул по цепи ливень смертоносного свинца из станковых пулеметов. Цепь белых как-то осела и потом повалилась, словно подкошенная. Часть белых метнулась назад, но из них мало кто ушел. Преследовать было некого. Удар был так внезапен и силен, что от наступающих цепей белых ничего, кроме трупов, почти не осталось.

«Горцы» не только хорошо дрались с противником, но умели и повеселиться на досуге. Почти в каждом подразделении были свои доморощенные шутники, песенники и плясуны.

Артиллерийская батарея особенно отличалась хорошими песенниками. Командир батареи Захар Михайлович, как звали его в полку, сам любил песни и привил к ним любовь своим артиллеристам. Батарейцы знали много песен и исполняли их с большим искусством. Сам Захар пел хорошо, у него был высокий лирический тенор. Когда артиллеристы пели песню про Ермака, Захар звонко и красиво вел свою партию и при словах: «…И беспрерывно гром гремел…» так высоко выводил, что дух захватывало. Батарейцы пели и старые революционные песни: «Вихри враждебные», «Смело, товарищи, в ногу» и другие. Любили и старые солдатские песни: залихватские «Соловей, соловей, пташечка», «То ли дело под шатрами в поле лагерем стоять». Много пели чудесных и задушевных украинских песен. Хором руководил всегда сам Захар Михайлович, и он славился на весь полк. Когда батарейцы пели песни, то многие приходили послушать их.

Захар Михайлович Беспалов отличался не только страстной любовью к пению и хорошим голосом. Это был человек высокой внутренней культуры, хотя окончил всего только сельскую школу; уж в его-то батарее бойцы никогда не употребляли крепких выражений.

Если батарейцы славились хором, то 1-й батальон — гармонистами и плясунами. Командир 1-го батальона Калинин сам играл на гармошке, и были случаи, когда в походе или даже в бою, чтобы подбодрить уставших или приунывших людей, он появлялся с гармошкой и поднимал настроение бойцов.

ПОД АЛАПАЕВСКОМ

Когда «горцы» после успешно отраженной газовой атаки готовились перейти в наступление, из бригады поступил приказ: немедленно отходить к Алапаевску, куда в это время из Егоршина уже перебрался штаб нашей бригады.

Положение на участке Сводно-Уральской дивизии, куда входила наша бригада, в конце сентября было тяжелым. Противник, сосредоточив большие силы, напирал с Невьянска на Нижний Тагил, угрожая занять узловую станцию Сан-Донато, что возле Нижнего Тагила, и отрезать 1-ю бригаду в районе Егоршино — Алапаевск.

Железная дорога Алапаевск — Нижний Тагил тянулась вдоль новой линии фронта и стала рокадной дорогой, отдельные участки ее находились в непосредственной близости от линии огня. Каждую минуту можно было ожидать, что противник где-нибудь ее перережет, но этого, к нашему счастью, не произошло. Князь Голицын, командовавший частями белых на этом участке фронта, направил свой главный удар на Алапаевск, стремясь, видимо, спасти великих князей, которые там находились. Но великих князей, по слухам, ввиду приближения белых алапаевцы расстреляли.

Белые особенно напирали на нас из района Шайтанки, желая, видимо, перерезать железную дорогу, чтобы не дать возможности вывезти из Алапаевска все «великие» остатки прошлого.

Но нас беспокоили не князья, а главным образом заготовленные запасы зерна и имевшиеся там боеприпасы. Их надо было успеть вывезти из Алапаевска через Нижний Тагил в Кушву.

В разгар хлебозаготовок кулачество все больше свирепело и увлекало за собой обиженных середняков. В нашем тылу часто вспыхивали кулацкие восстания, они являлись большой помехой для нас; силы нашего врага росли и увеличивались, а у нас, наоборот, слабели. Мобилизованные крестьяне под влиянием кулацкой агитации переходили пачками к белым. Помню, когда мы еще дрались под Лебедкином, до нас дошли слухи о восстании в Реже. Одни говорили, что восстали режевляне, другие утверждали, что покровские мужики. Но так или иначе, а от этого восстания сильно пострадали волынцы, которые в то время были под Режем.

Попытка мобилизовать служилую интеллигенцию, зараженную эсеровщиной и меньшевизмом, тоже не давала положительных результатов.

В районе Алапаевска и Синячихи инженеру Ф. А. Масленникову было поручено сформировать инженерный полк из местных заводских инженеров (Алапаевска, Синячихи и других заводов).

Полк формировался в Алапаевске. В это время к Синячихе с севера уже подошли белые. Масленников получил указание штадива выдвинуть часть полка, чтобы задержать движение белых. Он развернулся и занял указанный ему штадивом рубеж, но, как только белые приблизились к этому рубежу, все мобилизованные инженеры тут же перешли на их сторону, и Масленников еле унес ноги.

НЕВОЛЬНЫЕ ГЕРОИ

Фронт 1-го Горного полка под Алапаевском был очень растянут. В любую минуту можно было ожидать, что белые пройдут где-нибудь лесными тропинками и ударят с тыла.

Калинин со своим батальоном занимал деревню Мостовую, а правее его, верстах в пяти, в деревне Ключи расположился Косоротов со 2-м батальоном. Мы с комиссаром Муравьевым и адъютантом полка Моргуновым кочевали из одного батальона в другой, не имея постоянного места для штаба.

К этому времени в полку хотя и числилось два батальона, но насчитывалось не больше четырехсот штыков. Упорные бои в Ирбитском уезде окончательно обессилили «горцев», но, несмотря на малочисленность, держались они стойко, прикрывая правый фланг Сводно-Уральской дивизии и железнодорожную магистраль, идущую от Алапаевска на Тагил.

Как-то утром меня вызвали в штаб бригады на станцию Алапаевск.

— Ну как дела, товарищ Пичугов? — встречая, спросил Васильев.

— Плохо, товарищ комбриг, — ответил я, — людей мало, а фронт слишком велик и скверный: кругом лес, не знаешь, откуда ждать беляков.

— Держись, дружище, вся надежда на тебя! Людей я тебе добавлю, это мы сейчас устроим.

Он распорядился, чтобы позвонили в запасный полк, который стоял еще в Алапаевске.

— Там с роту наберется? — спросил он начальника штаба.

— Вряд ли, — отвечал тот.

— Ну, сколько есть, пусть всех присылают сюда, — приказал Васильев. Потом стал информировать меня о положении на участке бригады.

Через некоторое время доложили, что пополнение в количестве ста человек прибыло и ждет возле вагона.

— Ну, вот, — обратился комбриг ко мне. — Забирай и вали, только, смотри, не подкачай.

Был уже полдень, когда я со своим пополнением прибыл в Мостовую, где стоял 1-й батальон.

— Добавка? — встречая нас, весело спросил Калинин.

— Да, — ответил я.

— Мне давайте, товарищ командир! У Косоротова больше людей, а у меня только сотни полторы осталось.

— У тебя участок лучше, — вмешался Моргунов, — а у

Косоротова вплотную лес подходит.

— А у меня-то что… Кругом трущоба какая-то, — продолжал Калинин. — Посмотрите, посмотрите, — разводя руками, показывал он во все стороны.

В это время впереди деревни, где была застава, послышались ружейные выстрелы. Пополнение нервно задвигалось на месте и начало жаться в кучу.

— Ничего, ничего, — успокаивал Калинин. — Это ерунда.

Стрельба усиливалась.

— Я сейчас узнаю, в чем дело, — закидывая за спину карабин, сказал Калинин. — Должно быть, разведчики, — и он направился к заставе.

Моргунов тут же побежал во двор, где стояли верховые лошади, и через минуту выскочил верхом с «Льюисом» за плечами и поскакал вслед за Калининым. Пополнение немного оживилось, молодые бойцы начали переглядываться и постепенно успокаиваться. Перестрелка длилась недолго. Не прошло и пяти минут, как все стихло. Вскоре показался Калинин. Не доходя до нас, он закричал:

— Нащупывают… Разведка… Удрали, сволочи!..

В это время мы увидели, как со стороны деревни Ключи к нам мчится карьером всадник. Лошадь тяжело дышала, широко раздувая ноздри; видно было, что она напрягает последние силы, а всадник то и дело понукал и вертел ей бока шпорами. Подскакав к нам, он круто осадил коня и, уставившись в упор на меня полными тревоги глазами, что-то искал рукой в кармане брюк.

— Донесение из второго батальона, товарищ Пичугов! — сказал он, найдя наконец то, что искал.

— Что у вас там? — спросил я строго, желая предупредить паническое настроение.

— Белые окружают! — выпалил он.

— Панику разводишь, — заворчал на него Калинин. — Вас все окружают.

Я прочел донесение.

Косоротов доносил, что белые обходят его с обоих флангов большими силами и, если не будет сейчас же послана помощь, он вынужден будет отойти, чтобы не попасть с батальоном в окружение.

Долго размышлять было некогда. Забираю пополнение — единственный резерв в полку, две подводы с пулеметами и двигаюсь ближайшим путем на деревню Ключи с таким расчетом, чтобы ударить во фланг белым. К этой экспедиции присоединился и комиссар Муравьев.

Войско мое двигалось медленно, озираясь по сторонам и прислушиваясь ко всякому шороху. Высланные вперед разведчики то и дело оглядывались назад, как бы боясь оторваться и потерять из виду свою колонну.

Не доходя версты две до деревни Ключи, мы услышали ружейную и пулеметную стрельбу, которая с каждой секундой возрастала, и наконец до нас донеслись крики «ура». Через минуту все смолкло. Жуткая тишина. Колонна моя встала как вкопанная и замерла на месте.

Кто стрелял? Кто кричал «ура» — белые или красные? Неизвестно.

Высланные вперед разведчики скоро вернулись гурьбой обратно.

— В чем дело? — опрашиваю разведчиков.

— Пленного, товарищ командир, поймали.

— Откуда он?

— В связь, говорит, его послали.

— Ну, а вы зачем все идете? Мог бы один привести.

Молчат, жмутся…

— Ну, валите вперед! Еще ловите. Их, наверное, здесь много разбежалось.

— Он, товарищ командир, говорит, что наши разбежались, а они деревню заняли… — сказал робко кто-то из разведчиков.

— Врет он, сукин сын! — закричал я. — Давайте его сюда, я ему покажу, как врать!

Пленный перепугался и начал всенародно отказываться от своих слов.

Я отвел его в сторону и допросил.

Выяснилось, что 2-й батальон выбит из деревни Ключи и она занята отрядом белых силою около 250 штыков. Одновременно другой отряд белых пошел в наступление на деревню Мостовая. Пленный уверял, что и Мостовая наверняка занята.

«Дело дрянь! — думаю. — Я со своим пополнением попал в тиски. Медлить нельзя».

Посылаю к Калинину ординарца, чтобы предупредить о наступлении на него белых; этому же ординарцу поручаю доставить окружным путем (через 1-й батальон) приказание Косоротову, чтобы тот немедленно перешел в контрнаступление на деревню Ключи, сообщив ему, что я ударю по белым с тыла.

Отправив ординарца, начинаю обрабатывать свое пополнение. Пленному приказал под страхом смерти говорить, что белых в деревне немного и что они сидят без патронов. Он, разинув рот, недоумевающе смотрит на меня, не понимая, почему нужно так говорить.

— Товарищи! — крикнул я, подходя к колонне. — В деревне Ключи сейчас белые, но их меньше, чем нас. Патронов у них нет, все расстреляли. Об этом вам может рассказать и пленный.

— Да, да. Верно, верно, — закивал тот головой.

— Второй батальон будет наступать на них сейчас с той стороны деревни, — сказал я, — а мы ударим им в тыл, откуда они нас совсем не ждут.

— А может, он врет, товарищ командир? — показывая па пленного, спрашивали мои вояки.

— Зачем ему врать?

— Да, да, конечно, зачем я буду врать, — залепетал пленный, поглядывая на меня.

В это время со стороны деревни Мостовая донесся конский топот. Я решил, что это скачет Моргунов, с которым мы расстались в 1-м батальоне. Но когда всадник выехал на поляну, я узнал в нем посланного мной ординарца. «Что-то неладно, — подумал я. — Уж очень скоро вернулся» — и, не дожидаясь, когда он подъедет, поспешил ему навстречу.

— В Мостовой белые, товарищ командир! — переведя дух, произнес он. — Первого батальона там нет. Меня чуть-чуть не схватили, еле удрал.

— Поезжай к бойцам, — приказал я ординарцу, — и скажи, что все благополучно: первый батальон стоит в Мостовой, а второму батальону, мол, послано распоряжение наступать на Ключи с другой стороны.

От удивления ординарец даже рот раскрыл.

— Ты понимаешь, мы попали в мешок, — продолжал я. — Отступать нам некуда, кругом белые. У нас осталось только одно спасение: пробиться с боем через деревню Ключи. Или нас всех переловят, как зайцев, и расстреляют. Правду сказать этим молодцам нельзя: они не обстреляны, испугаются и разбегутся, тогда нам конец. Ты старый «горец», — убеждал я его. — Помнишь, из каких переделок мы выходили невредимыми, когда действовали дружно?

— Помню, товарищ командир, помню, — оживляясь, ответил он.

— Так вот, брат, вали и расскажи им, как я тебе велел.

Красноармейцы столпились вокруг ординарца, который, размахивая руками, что-то рассказывал им.

— Становись! — скомандовал я. — Сейчас пойдем занимать деревню Ключи, где можно будет пообедать. Второй батальон будет наступать на нее с фронта, а мы должны ударить с тыла, чтобы захватить белых живьем. Понятно? — спросил я, стараясь быть спокойным. — Идти нужно без шума, без разговоров. Важно

захватить их врасплох, а для этого нужно соблюдать тишину и полный порядок.

Все стояли и слушали, никто не проронил ни слова.

— В цепь, — скомандовал я.

Бойцы, путаясь, начали рассыпаться.

— Главное не разрываться, держать тесную связь, в атаку идти дружно, — подбадривал я свое войско. — Без команды огня не открывать, а то можно спугнуть белых и все дело испортить.

Цепь рассыпалась и начала медленно продвигаться к деревне. Тихо кругом. Только кое-где похрустывали ветки под ногами бойцов да ветер своими порывами будоражил лес.

Бойцы, затаив дыхание, неслышно скользили среди деревьев.

Подходим к деревне. Тишина. На опушке леса цепь залегла. Лес так близко подходил к деревне, что простым глазом было хорошо видно, что там делается. Деревня как будто вымерла: ни один житель на улице не показывался. Только победители изредка шныряли из одной избы в другую, по-видимому, в поисках молока и прочей еды.

Сердце при виде противника забилось сильнее. Меня начинало знобить от нетерпения. Я думал: как будут драться мои новички; ни я их, ни они меня не знали. Страшна неизвестность. Комиссар Муравьев держался от меня недалеко. Его присутствие, единственного знакомого человека, ободряло.

Решаю начать. Передаю по цепи приказание приготовиться к атаке. Для подъема духа приказываю выпустить очередь из пулемета.

Минута напряженного ожидания, и пулемет сердито застрочил. Белые от неожиданности заметались в разные стороны: кто лезет во двор, кто прыгает в окно, кто бросился бежать.

Я вскакиваю и кричу что есть силы:

— Ура!.. Ура!.. Вперед в атаку… Ура!..

Но мой крик, одинокий и жалкий, повис в воздухе. Цепь — ни с места, лежит как приморожeнная. Только Муравьев, обгоняя меня, как сумасшедший, мчится к деревне.

— Вперед, негодяи!.. — закричал я не своим голосом, оборачиваясь к цепи.

Все лежат как убитые. Никто не сделал и попытки подняться. «Измена!» — подумал я и при этой мысли пришел в ярость. Не помня себя выхватил револьвер и начал стрелять по цепи.

— Расстреляю всех на месте, — кричал я диким голосом.

Цепь нервно вздрогнула и начала медленно подниматься, сначала нерешительно, по одному, а потом, как волна, вздыбилась и лавиной хлынула на деревню.

— Ура!.. Ура-а-а!.. — загремело раскатами, и лес отозвался громким эхом, как будто там было еще столько же бойцов.

Белые, застигнутые врасплох, бросились бежать, не оказав никакого сопротивления. Бежали врассыпную, кто куда. Мои новички ловили их в одиночку и пачками.

Когда кончился бой и стали подсчитывать трофеи и пленных, то оказалось, что пленных больше, чем победителей. В качестве трофеев были захвачены станковый пулемет и много винтовок — на каждого победителя приходилось больше чем по одной винтовке.

— Вот это дело, — кричали расхрабрившиеся новички, собравшись возле трофеев. — Во как мы!

— А знаете, сколько их тут было? — кричал один раскрасневшийся паренек, утирая рукавом шинели лоб. — Их, говорят, триста человек было.

— Ого-го, — весело загоготали красноармейцы. — Хороши вояки, коль от сотни удрали.

Эта удачная операция вселила огромную уверенность в наших новичков, они почувствовали свою силу. Мне не хотелось их разъединять и посылать на пополнение в роты. Поэтому, посоветовавшись с комиссаром, решил оставить их самостоятельным подразделением — 5-й ротой. Командиром этой роты был назначен товарищ Костин. Вскоре эту роту мы доукомплектовали влившимися в наш полк верхнесалдинскими коммунистами и другими добровольцами, и она стала очень хорошей и боеспособной ротой.

Но что же стало с 1-м и 2-м батальонами, выбитыми белыми из занимаемых ими деревень?

Как только с новым пополнением мне удалось занять деревню Ключи, я послал связных в сторону Салдинских заводов, чтобы выяснить, где «горцы» заняли новую линию обороны. Оказалось, что, выбитые из своих деревень, они отошли немного и окопались на новой позиции за рекой.

К этому времени все, что можно было вывезти из Алапаевска, было отправлено по железной дороге через Нижнюю Салду и Нижний Тагил в Кушву. Туда же срочно перебрался штаб дивизии и штаб нашей 1-й бригады.

Поэтому вскоре я получил распоряжение отходить к Нижне-Салдинекому заводу и занять новый рубеж обороны западнее Нижней Салды.

Оставив в арьергарде Калинина с его 1-м батальоном, полк направился в указанный ему пункт.

Белые, заняв Синячиху и Алапаевск, увлеклись мародерством и розыском князей. Преследовать нас им было некогда, поэтому

мы ушли спокойно, без драки.

ОТ САЛДЫ К КУШВЕ

Заняв новый рубеж обороны западнее Нижней Салды, мы занялись приведением в порядок своих рядов. Тут мы, как я уже упоминал, пополнились за счет местных коммунистов и рабочих, в том числе получили одного бывшего офицера коммуниста Нестерова, который сразу же был назначен адъютантом полка.

«Горцы», услышав, что у нас в полку появился бывший офицер, специально заходили в штаб, чтобы посмотреть на него как на диковинку.

Раньше Нестеров работал учителем в местной школе, отличался хорошим развитием и трудолюбием, поэтому как нельзя лучше подходил на должность адъютанта. Сам он взялся за это дело с большой охотой и знанием. Прежний адъютант Петр Моргунов был выдвинут на должность помощника командира полка. Он страшно был доволен, что освободился от штабной работы, от «писанины», как он говорил, радовался, что теперь не будет сидеть в штабе, а сможет больше бывать на передовой. Как военный специалист Моргунов не выделялся среди других командиров, но он был большой энтузиаст, смелый и решительный человек и, несмотря на свою молодость, пользовался уважением и авторитетом среди командного состава полка. Бойцы же любили его за смелость, инициативу и решительность. Ни одна серьезная или рискованная операция или хотя бы крупная разведка не обходились без его участия. Высокий, немного сутуловатый, с узкими плечами, едва заметным пушком над верхней губой, в серой солдатской шинели, еле доходившей ему до колен, он ловко справлялся с ручным пулеметом «Льюис», с которым никогда не расставался, даже если ел или спал. Действуя во главе разведки полка, Моргунов сумел установить, что значительная часть белых, наступавшая на Алапаевск, перебрасывается в район Нижнего Тагила и только небольшая часть направилась на север, по направлению к городу Верхотурье.

Эти данные говорили о том, что противник собирается нанести свой главный удар по Тагилу.

Но самонадеянный комбриг 2, который оборонял со своей бригадой Нижний Тагил, занят был, видимо, какими-то другими делами и не сумел вникнуть в создавшуюся под Тагилом обстановку и правильно оценить ее.

Противник, сосредоточив под Тагилом около двух дивизий — 4-ю под командованием Войцеховского и значительную часть 7-й дивизии князя Голицына, перешел в решительное наступление,

опрокинул части 2-й бригады и в первых числах октября занял Нижний Тагил и узловую станцию Сан-Донато, в результате чего на участке железной дороги Алапаевск — Тагил оказались отрезанными два полка 1-й бригады: 1-й Крестьянский в районе станции Салка и наш 1-й Горный на станции Верхняя Салда.

Положение отрезанных полков казалось безвыходным: с запада, юга и востока подковой расположились части противника, а с северо-запада, замыкая концы подковы, преграждала путь река Тагил с ее лесисто-болотистыми долинами. За этой рекой и огромным плесом болот, тянувшимся на десятки километров, была Кушва, куда успели отступить по железной дороге части нашей дивизии и штабы, когда Тагил еще не был занят белыми.

Пробиваться нам теперь через Нижний Тагил было немыслимо, так как идти двумя полками против двух дивизий белых (4-й и 7-й) значило вести людей на явную гибель. Сдаваться на милость победителей — такой мысли и допустить не мог тогда никто. У всех было одно желание — уйти, как бы это трудно ни было, уйти через топкие болота, ползком, но уйти обязательно.

Но прежде чем уйти надо было ликвидировать все ценное, чтобы оно не досталось врагу. В Нижней Салде скопилось несколько эшелонов с боеприпасами, продовольствием и заводским оборудованием. Решено было все это уничтожить. Запасы продовольствия, вернее муки, которую мы не могли увезти с собой, решили раздать населению, о чем и сообщили жителям Салды. И вот на станцию за мукой потянулись мужчины, женщины, старики, дети. Кто с тачкой, кто с тележкой, кто с носилками, а кто просто тянул мешок за углы. Дорога от станции напоминала муравейник. Тут были и радость и слезы. Бойцы, видя беспомощность стариков и женщин, старались помочь им.

Эшелоны с оборудованием и другим имуществом решили спустить в реку, взорвав предварительно мост. Разгоняя на полных парах паровозы, пускали эшелон за эшелоном, нагромождая в реке горы разбитых вагонов. Эшелоны с боеприпасами решено было облить керосином и поджечь в самый последний момент, когда будет отходить арьергард.

Эта задача была поручена 5-й роте и конной разведке, которые, прикрывая наш отход, уходили последними. Особенную расторопность проявил командир отделения уфалеец Павел Балагуров со своими бойцами. Он не только поджег все вагоны с боеприпасами, но и ухитрился взорвать само здание станции, что было, пожалуй, лишним.

Когда полк был уже километрах в десяти от станции, в тылу у нас началась адская канонада и путь наш осветило зарево. Это

взрывались снаряды, подожженные Балагуровым и его товарищами на станции Салда.

Нижняя Салда нашим арьергардом была оставлена 7 октября в 17 часов 30 минут.

Немного позднее, после взрывов на станции Салда, мы услышали такую же канонаду и увидели огромное зарево в районе станции Салка. Это жгли составы и взрывали боеприпасы наши соседи из 1-го Крестьянского полка, которым командовал Филипп Акулов.

Перед нами стояла трудная задача — переправиться через реку Тагил и совершить пятидесятикилометровый марш, чтобы выйти на соединение со своей дивизией, находившейся в районе Кушвы.

Средств переправы никаких не нашлось, а строить плоты не было времени. Разведка нашла брод, через который можно было переправить артиллерию, обозы, да и то с грехом пополам. Но как быть с пехотой? Вода в октябре уже настолько холодна, что вброд вести людей невозможно. Но делать было нечего. Больных и наиболее слабых переправляли на подводах, а здоровым людям пришлось идти вброд по пояс в ледяной воде. На противоположном берегу реки развели костры, у которых мокрые и продрогшие люди обсушивались и обогревались.

Нам повезло — противник почему-то не преследовал нас. Или он считал, что мы и так погибнем, завязнув в болоте, или он сам боялся лезть в это болото. Некоторые считали, что белым «некогда»: заняв новые пункты, они занимаются грабежом и пьянством.

К утру 8 октября мы достигли деревни Прянишниково. Это был единственный населенный пункт на всем нашем пути до Кушвы. Здесь решено было устроить большой привал и в походных кухнях сварить болтушку, или, как называют ее на Урале, «саламату». Это просто заправленная мукой горячая вода, она заменяла нам и хлеб, и горячую пищу.

В Прянишникове мы встретили авангард 1-го Крестьянского полка. В ожидании прихода всего Крестьянского полка деревню пришлось поделить на две части. Одну половину заняли «горцы», а другую оставили акуловцам, которые подходили со стороны станции Салка.

Интересная у меня здесь произошла встреча с командиром Крестьянского полка Акуловым. До этого мы знали друг друга мало — понаслышке, по приказам, сводкам, мимолетным встречам. Акулов прислал ко мне своего ординарца с приказом явиться к нему. Форма, в которой было передано приказание, была необычная.

— Кто тут командир Горного? — спросил, входя в избу, в которой размещался штаб нашего полка, ординарец Акулова.

— В чем дело? — спросил я ординарца.

— Тебе Филипп велел к нему явиться на носках.

— Кто это такой Филипп? — спросил я иронически.

— Ты что, не знаешь Филиппа Акулова? — удивился он. — Наш командир полка, Первого Крестьянского коммунистического…

Тон и развязность посланника Акулова меня возмутили, и я, потеряв хладнокровие, резко ответил ординарцу:

— Передай своему командиру, если я ему нужен, пусть зайдет сам. Дорогу ты ему покажешь. Понял? — спросил я строго ординарца.

Посланец недовольно хмыкнул носом и исчез.

Я уже раньше кое-что слышал о крутом и диком нраве Филиппа и поэтому готовился к «бою».

Не прошло и десяти минут, как я увидел в окно мчавшегося по улице на лихом коне Филиппа Акулова. У ворот нашего штаба он круто осадил коня, передал поводья ординарцу, обтер ноги и, шумно раскрыв дверь, не вошел, а влетел в избу. Я сделал вид, что не замечаю ничего и углубился в лежавшую на столе карту.

— Здравствуй! — сказал коротко Акулов, подходя к столу.

Я не спеша повернулся к нему и спокойно ответил:

— Здравствуй, товарищ Акулов!

— Табак есть? — скороговоркой спросил Акулов.

— Есть, — ответил я в том же тоне.

— Давай покурим, — уже более дружески произнес он.

— Давай! — ответил я, вынимая кисет с самосадом, который достали ребята в Салде.

— Э! Сколько у тебя табаку-то, — удивился он, увидав мой кисет, наполненный самосадом.

Закурив, мы сразу перешли на дружеский тон. Я отсыпал ему табачку. Тут же обменялись взаимной информацией, из которой установили, что действовали хотя и порознь и не договариваясь, а поступали почти одинаково: железнодорожные составы они уничтожили, как и мы, боеприпасы тоже подожгли в вагонах. Дальше на Кушву у нас была только одна дорога, и поэтому мы договорились, что впереди будет следовать его полк, а мой полк прикрывать отход.

До Кушвы оставалось два с половиной десятка километров, но дорога была настолько скверной и трудной, что бойцам все время приходилось вытаскивать из грязи артиллерию и обозы. Люди измучились и от усталости валились с ног. Питались очень плохо: кроме болтушки, ничего не имели. Наиболее слабых

приходилось вести под руки или подсаживать на подводы, которых было очень мало, да и те перегружены. Двигались со скоростью черепахи. Это был очень тяжелый марш. Ослоповский, командовавший в то время 3-м батальоном 1-го Коммунистического полка, в своих воспоминаниях сравнивает этот поход с походом Таманской армии, описанным Серафимовичем в «Железном потоке».

К концу вторых суток мы кое-как добрались до Кушвы. Здесь нас встретили, как выходцев с того света: ни штаб дивизии, ни штаб бригады не рассчитывали, что мы вырвемся из окружения и пройдем через эти ужасные топи. Нас разместили по квартирам и позаботились о том, чтобы мы хорошо питались; варили суп из селедки и даже выдали по одной банке абрикосовых консервов, неизвестно как попавших в Кушву. М. В. Васильев, наш комбриг, восхищался подвигом прибывших полков и заботился, чтобы мы хорошо отдохнули. К нашему приходу он стал начальником Сводно-Уральской дивизии, которая несколько позднее, в ноябре месяце, была переименована в 29-ю стрелковую дивизию.

Комбригом 1 был назначен командир 1-го Крестьянского полка Филипп Акулов, а его место занял Ослоповский.

В Кушве полк пополнился свежими силами — к нам влился Висимо-Шайтанский батальон. Здесь же мы получили немного полушубков, которые выдали в первую очередь конникам. Начальник команды конных разведчиков Чернушкин сиял от удовольствия:

— Посылайте нас, товарищ Пичугов, хоть к черту на рога, хоть в самое пекло, — в восторге заявил он, — выполним любую задачу.

Как немного надо было людям, чтобы поднять их настроение, сбросить усталость, забыть трудности и невзгоды, которые они только что перенесли.

ПОД ВЕРХОТУРЬЕМ

Однако в Кушве нам не дали как следует отдохнуть. Числа 15 октября я был вызван в штаб дивизии. Начдив еще на пороге встретил вопросом:

— Как чувствуют себя «горцы», товарищ Пичугов?

— Ничего, отдышались помаленьку, — ответил я.

— Ну вот и хорошо! — радостно сказал он. — Есть срочное дело для вас. Поедете в Верхотурье поклониться мощам Симеона праведного, — смеясь заявил Васильев. Потом, переходя на серьезный тон, Макар подвел меня к стене, отдернул старую простыню, которой была прикрыта оперативная карта, и я увидел раскрашенную цветными карандашами двухверстку.

Вверху, километрах в ста от Кушвы на северо-восток, синим карандашом было закрашено Верхотурье с его знаменитым монастырем.

— Вот видишь, — показал начдив на синее пятно, — здесь сейчас находится командир инжбата. Он сообщил, что местный отряд, руководимый, кажется, эсером Волковым, арестовал всех коммунистов, в том числе старую большевичку товарища Кирсанову, жену Емельяна Ярославского, а сам переметнулся к белым. Грузи свой полк и поезжай немедленно. Попытайтесь занять город, хотя в оперативном отношении он ничего не представляет: город в лесу, как в мышеловке, да еще за рекой. Посмотри сам, на месте виднее, — закончил он. — Ну счастливо тебе. Торопись, надо в первую очередь занять железнодорожный мост через Туру, — добавил он на прощанье.

Чтобы не затягивать время, я сначала погрузил 1-й батальон и команду конных разведчиков и с ними поспешно отправился в Верхотурье, а оставшуюся часть полка поручил погрузить Моргунову и прибыть туда со вторым эшелоном.

Первый эшелон мчался на всех парах к Верхотурью. Железная дорога узкой лентой прорезала лесной массив, где чередовались могучие ели с густыми зарослями березы и осинника. Миновав станции Платина, Выя и другие и под самым почти городом станцию Ванюшино с небольшим лесопильным заводом, мы к концу дня прибыли в Верхотурье и выгрузились из вагонов.

Город находился в нескольких километрах от станции. Окруженный могучим лесом, он хранил зловещее молчание.

Проведенная нами рекогносцировка его окрестностей показала, что для обороны город совершенно непригоден. Эти сведения подтвердил командир инженерного батальона Масленников. Он рассказал, что после измены Волкова отряд

последнего распался на две части: одна часть вместе с ним переметнулась к белым, а другая вместе с комиссаром отряда Ковзелем осталась верной Советской власти, и с ее помощью Масленникову удалось освободить всех арестованных.

Связавшись с начдивом по телефону, я рассказал ему о результатах рекогносцировки и получил распоряжение организовать оборону на правом берегу реки Тура; мост пока не взрывать, а взять его под наблюдение и организовать перекрестный обстрел в случае попытки белых использовать его.

Вскоре нашему полку был придан китайский батальон, которым командовал Ли Хун-чан, а комиссаром был Погорелов. Батальон этот вместе с остатками Верхотурского отряда действовал по тракту, идущему от Верхотурья на заводы Нижняя и Верхняя Тура. Этот участок фронта оказался очень активным. Белые намеревались именно здесь прорваться, но китайцы оказывали им упорное сопротивление. Они и здесь проявили свои национальные черты: упорство, выносливость, беззаветное мужество и редкую храбрость. Героизм китайцев приводил в изумление даже видавших виды «горцев».

— Вот это да, вот это вояки, — восхищались они отвагой китайских бойцов.

— Куш, куш много — война много, — говорили китайские бойцы. Под этим надо было понимать: «Дайте нам поесть хорошенько, будем крепко бить белых».

Наблюдая в бою за поведением китайских товарищей, я думал: если бы обучить их хотя бы самым элементарным правилам наступательного боя, из них получились бы лучшие ударные части, перед которыми немногие бы устояли.

— Патрон нет — война нет, — говорили они, когда иссякали патроны.

Когда же им представлялась возможность пополниться патронами, они набивали ими не только подсумки и патронташи, но заполняли все карманы и даже накладывали за пазуху и в шапку.

— Патрон много — война много, — наивно улыбаясь, говорили они. Но, к сожалению, китайцы плохо знали тактику боя и не умели применяться к местности, они не признавали коротких перебежек. Шли в наступление во весь рост, спокойно продолжая вести стрельбу на ходу. Наступали густыми цепями или сомкнутыми шеренгами, представляя очень хорошую цель для пулеметов и артиллерии противника. Когда снаряд вырывал из их цепи целые звенья, они смыкались снова и спокойно продолжали идти вперед. Убитых и раненых они сейчас же уносили в тыл, выделяя для этого специальных людей. Такая

тактика приводила к огромным потерям, и за какие-нибудь две — три недели от китайского батальона почти ничего те осталось.

Его позиции занял прибывший из Кушвы Волынский полк, которым командовал в то время уже не Федоровский, а Фомин.

Примерно в это же время на станции Выя появился штаб 3-й бригады 29-й дивизии во главе с комбригом Вырышевым. Откуда вообще появился Вырышев, не знаю. О нем раньше я ничего не слышал. Назначение его комбригом, на мой взгляд, было неудачным. Васильев в нем ошибся. Вырышев — бывший фельдфебель запасного полка. Он умел подтягивать людей, следить за их внешним видом, и все. В оперативных же делах мало смыслил. Приказы его носили курьезный характер. Даже рядовые бойцы его быстро раскусили и иначе как фельдфебель или «сверхсрочный» не называли.

Политическим комиссаром бригады был назначен молодой, пылкий оратор Пушкарев. Он был большой энтузиаст, политически грамотный, но в военных вопросах разбирался плохо и не вникал в них. Он любил произносить зажигательные речи, и бойцы любили его за это.

Комиссар 1-го Горного полка Иван Иванович Муравьев (справа) и его ординарец Мустафин

Комиссар нашего полка Муравьев Иван Иванович получил повышение: его назначили комиссаром штаба 3-й армии. К нам прислали вместо него Бульковского. Новый комиссар полка был прекрасный парень, хороший товарищ, но в политике разбирался слабо, поэтому почти не проявлял самостоятельности, как подобает комиссару, зато был хорошим помощником и очень

исполнительным человеком. Ко мне он быстро привязался и полюбил, как он говорил, за прямоту.

К этому времени у нас в полку оформилась и начала работать партийная ячейка, секретарем ее был питерский рабочий Канутин Александр. Правда, политически он был также развит слабовато, но у него было рабочее чутье и практическая смекалка. Он понимал, что коммунисты должны, как ведущая часть, показывать во всем пример, сам являлся образцом большевика и этого требовал от других членов партии. Эсерам он просто сказал:

— Давайте начистоту: или вы отказываетесь от ваших продажных вожаков и личным примером докажете свою преданность Советской власти — тогда мы примем вас к себе в партию, или у нас с вами все кончено. В прятки играть больше не будем, шабаш!

Многим нравилась эта прямота и откровенность. Другие считали, что он слишком крут и даже забирает «вправо», хочет ввести старый режим. Эти другие страшно боялись дисциплины и путали ее со старым режимом. Всякий порядок, всякую дисциплину, всякое требование службы они немедленно сводили к старому режиму, к контрреволюции. Эти люди считали себя архиреволюционерами, а на самом деле были просто демагогами и разгильдяями. При малейших трудностях они впадали в уныние и готовы были сложить оружие перед врагом. Они называли себя «левыми» коммунистами, а на самом деле недалеко уходили в своих действиях от левых эсеров, которые старались предательски воткнуть нож в спину рабочему классу.

Представителем таких «левых» коммунистов у нас был некто Степкин, присланный в полк агитатором из политотдела армии. За его демагогию «горцы» называли его не агитатором, а провокатором. Бойцы говорили:

— За что он будет нас агитировать? За Советскую власть? Так мы и дом оставили потому, что за Советскую власть пошли биться добровольно.

Услышав как-то, что его прозвали провокатором, Степкин страшно возмутился и настрочил немедленно донесение, в котором постарался изобразить «горцев» чуть ли не самыми отъявленными контрреволюционерами, а потом вскоре исчез из полка, и мы его больше не видели.

Горный полк в основном состоял из добровольцев, и поэтому в нем царил дух высокой революционной сознательности. Один из примеров этого — товарищеские суды, которые сыграли большую роль в укреплении дисциплины и порядка в полку. Это важное и ответственное дело было начато еще в июле месяце, в период формирования полка, по инициативе бойцов 4-й роты,

состоявшей преимущественно из белорецких рабочих. В протоколе общего собрания бойцов 4-й роты от 6 июля 1918 года записано:

> «Избрать товарищеский суд, который необходим для товарищеской дисциплины».

В состав товарищеского суда 4-й роты вошли: командир взвода Савельев Андрей Павлович, красноармеец Веденеев Парфен и боец взвода интернационалистов Стругаш Франц.

Командование полка поддержало это ценное начинание 4-й роты, и 1 августа был издан приказ № 13, в котором по примеру 4-й роты рекомендовалось создавать товарищеские суды во всех подразделениях. Уже 3 августа постановление об избрании ротного товарищеского суда выносят красноармейцы 2-й роты. 5 августа выборы проходят в 1-й роте, а лозже товарищеские суды были избраны во всех подразделениях.

Эти суды сыграли большую роль в борьбе с нарушителями дисциплины и порядка. Так, 16 октября Черноисточинская рота, недавно влившаяся в наш полк, по рекомендации ротного суда единогласно постановила:

> «Красноармейца Ивана Корнилова за неправильные его поступки откомандировать в какую-либо другую часть».

В другую часть мы переводить никого не собирались, а перевели его в 5-ю роту, в ту самую, которая была создана из «невольных героев», и там он быстро исправился.

В октябре начинают организовываться партийные ячейки в подразделениях полка. 20 октября ячейка организовалась в 9-й роте и в батарее Спиридонова, а позднее и в других подразделениях.

Так постепенно укреплялся наш полк не только в боевом, но и в политическом отношении. Эсеры, имевшиеся у нас в полку и пытавшиеся вначале руководить жизнью полка, незаметно сошли с арены. Последний из них, кажется, Березин П. Н. перебежал под Алапаевском к белым и, желая напакостить нам, увел с собой целую заставу, начальником которой он был.

Время шло. Наступили холода. Приближалась первая годовщина Великой Октябрьской революции. С продовольствием в частях нашей дивизии было плохо: полфунта хлеба, и то не каждый день. К празднику бойцы ждали еще что-нибудь, кроме селедки, которая в это время была основным продуктом питания.

Утром 7 ноября белые решили испортить нам праздник и

открыли беглый артиллерийский огонь, длившийся около получаса. Но пойти в атаку они не решились и ограничились только обстрелом. Как говорится, худа без добра не бывает: во время этого обстрела было убито две лошади, и «горцы», быстро освежевав их, поделили конину по ротным кухням и справили праздничный обед.

В этот день ждали белого хлеба и папирос. Табак и папиросы были привезены, но хлеба не прислали, однако «горцы» не унывали:

— Был бы табак, проживем и так, — шутили они, закуривая полученные папиросы.

Комиссар дивизии Мрачковский поздравил «горцев» с праздником. В этом же поздравлении он призывал нас перейти немедленно в наступление на белых и занять город Верхотурье.

— Какой прыткий, — сказал Моргунов, после того как была оглашена телеграмма с поздравлением и призывом Мрачковского. — Куда еще больше нам лезть, когда мы залезли и так почти в мешок, завязать только осталось!

— Э-э, Петя, настроение у тебя что-то не праздничное, — заметил шутя комбат Калинин. — Мрачковский собрался Верхотурье в подарок Троцкому поднести, а ты говоришь о каком-то мешке.

— Как бы не стало это «святое место» очень дорогим подарочком, — сердито ответил Моргунов.

Ни я, ни Моргунов, ни Калинин не хотели верить, что нам тогда прикажут лезть еще дальше в мешок и наступать на этот зловещий город.

НЕУДАВШАЯСЯ ОПЕРАЦИЯ. РАСФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА

В конце ноября на фронте 29-й дивизии было крайне тревожно и неустойчиво. Со стороны Нижнего Тагила напирали 4-я и 7-я дивизии белых, пытаясь захватить узловую станцию Гороблагодатская и тем самым отрезать и истребить далеко заброшенную на север Верхотурскую группу красных — 3-ю бригаду 29-й дивизии.

Несмотря на тяжелое положение полков 3-й бригады и оторванность их от основных частей дивизии, бригаде упрямо ставилась авантюристическая задача: занять город Верхотурье, не имевший для нас в то время ни тактического, ни оперативного значения. Задача эта была настолько нелепа, что даже тактически неграмотный комбриг 3 Вырышев и тот понял ее бессмысленность и отказался руководить этой операцией. Тогда для выполнения операции на станцию Выя прибыл командир 2-й бригады Крюков и с ним один полк из его бригады под командованием Григория Пустарнака.

На станции Выя в штабном вагоне 3-й бригады комбриг 2 созвал оперативное совещание командиров полков. Был приглашен и я. Комбриг 3 Вырышев хранил гробовое молчание на протяжении всего совещания. Он фактически был отстранен от всякого руководства полками его бригады и присутствовал как нейтральный наблюдатель. Комбриг 2 торжественно заявил, что операцией по занятию города Верхотурье будет руководить он властью, предоставленной ему свыше.

Командир Волынского полка Фомин осторожно, но с сарказмом заметил:

— Мы бы рады в рай, да грехи не пущают.

Комбриг сделал вид, что не слышал этой реплики и продолжал развивать свой план:

— Первый Горный полк, командир полка Пичугов, будет демонстрировать наступление с фронта и займет железнодорожный мост через реку Тура; Волынский полк, командир полка Фомин, с приданной ему бронемашиной будет вести наступление на город по тракту с юго-западной стороны; полк 2-й бригады, командир полка Пустарнак, сделает со своим полком глубокое обходное движение с севера, через лесной массив, и нанесет главный и внезапный удар противнику с тыла.

— Кому и зачем понадобилась эта ловушка и как мы будем оборонять Верхотурье, если нам даже удастся его захватить? —

спросил я.

Самолюбивый стратег вспыхнул и, теряя самообладание, закричал:

— Я приказываю выполнять мои распоряжения, а не рассуждать. Командованию лучше знать, что и как надо делать.

— Что же, по-вашему, мы пешки, не можем высказать своего мнения? — сказал я, возмущаясь его ответом. — Зачем же вы приглашали нас?

— Только не за тем, чтобы слушать ваши глупые замечания, — ответил комбриг и, резко вскочив, визгливо закричал: — Следуйте к полкам и потрудитесь выполнить приказ.

Пустарнак показал пример беспрекословного подчинения своему комбригу: первый вскочил, как на пружинах, четко взял под козырек и, лихо звякнув шпорами, ответил:

— Будет выполнено, товарищ комбриг! — и, повернувшись, поспешил выйти.

Мы с Фоминым тоже встали и вышли из вагона.

Ночь прошла в напряженной подготовке к предстоящему наступлению. Связь со штабом бригады поддерживалась по телефону железнодорожными проводами, которые шли от штаба бригады до штаба 1-го Горного полка. Дальше к Волынскому и 4-му Уральскому полкам связь разветвлялась уже полевым кабелем. Таким образом, связь этих двух полков шла через телефонную станцию штаба 1-го Горного полка, и все распоряжения штаба бригады и донесения полков были мне известны. Часто слушая телефонные разговоры Пустарнака с комбригом, я понял, что они являются большими друзьями и старыми приятелями.

Задолго до рассвета Пустарнак выступил со своим полком в назначенный ему глубокий обход. Он должен был пройти несколько километров, прежде чем занять исходное положение, и только после этого «горцы» должны были начать демонстрацию с фронта, а волынцы перейти в наступление с юго-запада по тракту. В это время я не отнимал телефонной трубки от уха и напряженно слушал все донесения полков и указания штабрига, которые давались полкам, уже начавшим свое движение.

Вначале все шло как будто хорошо. Я уже дал распоряжение комбату Калинину подготовиться к захвату железнодорожного моста через реку Тура, а Кочеткову, который командовал 2-м батальоном, и начальнику артиллерии начать демонстрацию по фронту, что они не замедлили сделать, открыв артиллерийскую и ружейно-пулеметную стрельбу. Когда пальба была уже в полном разгаре, я услышал тревожный голос Пустарнака: он докладывал комбригу, что полк его внезапно наткнулся на сильную засаду противника и, потеряв много убитыми и ранеными, рассеялся по

лесу. Оставшиеся бойцы, озлобленные неудачей, пытались выместить свой гнев на командире полка и крепко его поколотили. Выслушав донесение Пустарнака, комбриг пришел в ярость и начал награждать своего приятеля разными крепкими словечками. Услышав эту брань, я не выдержал и вмешался в разговор.

— Продолжать ли демонстрировать нам наступление? — спросил я комбрига.

Он смачно выругался и ничего не ответил.

«Волынцы» в это время уже начали наступление по тракту, пустив вперед бронемашину. Не знаю, потому ли, что они плохо разведали дорогу, или оттого, что было очень темно, но бронемашина заехала в придорожную канаву и свалилась вблизи окопов противника. Фомин сообщил об этом комбригу. Тот вновь разразился потоками брани и потребовал, чтобы «волынцы» вытащили бронемашину и продолжали наступать.

«Волынцы» после этого долго молчали: видимо, пытались спасти бронемашину, и, только когда совсем стало светло, Фомин сообщил, что возле броневика полегло много «волынцев», но спасти его не удалось.

К вечеру белые перешли в контрнаступление против «волынцев» и, использовав против них тот же броневик, немного потеснили Волынский полк. Это поставило под удар наш левый фланг. Правый наш фланг уже был оголен, так как полк Пустарнака отступил еще ночью. Положение «горцев» стало критическим. Я запросил штаб бригады, что думает командование о судьбе Горного полка. Комбриг упорно молчал. Тогда я попросил к телефону комбрига 3 Вырышева и спросил его, какое будет распоряжение. Вырышев пытался сослаться на то, что он не руководит операцией. Тогда я, теряя терпение, закричал:

— Надо же спасать положение, и за участок бригады отвечаете вы, а не комбриг 2.

После этого Вырышев нехотя дал согласие отвести «горцев» до станции Ванюшино, чтобы вывести из-под удара наш полк и выровнять фронт бригады.

Не успели мы как следует занять новую позицию у станции Ванюшино, как к нам прибыл отдельный паровоз. На нем приехал сотрудник особого отдела 2-й бригады. Приехавший разыскал меня и заявил:

— Вас, товарищ Пичугов, сейчас же просят явиться в штаб бригады.

Мне показалось немного странным, что меня вызвали не по телефону, а послали нарочного. Передав временно командование

своему помощнику Моргунову и сделав кой-какие указания, я отправился на том же паровозе в штаб бригады.

Прибыв на станцию Выя, я, не заходя в штаб полка, поспешил в штаб бригады. Когда вошел в вагон, там сидели два комбрига — Вырышев и Крюков. Вырышев как-то сразу смутился, глаза его стали круглыми и забегали во все стороны. Комбриг 2 имел хищный вид, глаза его блестели, казалось, что он нашел жертву.

— На каком основании, — заносчиво начал он, обращаясь ко мне, — вы оставили позицию под Верхотурьем и отступили на станцию Ванюшино?

Я недоуменно взглянул на своего комбрига, он покраснел и отвернулся. Я не вытерпел столь наглого вопроса и тоже вызывающе ответил:

— На том самом, на каком вы провалили вашу нелепую операцию под Верхотурьем, погубив при этом несколько десятков наших лучших людей.

— Молчать! — закричал он, краснея от злости. — Вы арестованы, немедленно сдайте оружие.

— Вы мне его не давали, — сказал я, невольно протянув руку к кобуре, но в это время на меня сзади навалились два дюжих парня, вырвали наган и скрутили руки.

— Увести! — повелительно сказал комбриг 2.

И меня посадили в товарный вагон с решетками. У вагона слышен был скрип снега — это ходил часовой. Меня тревожило, что никто не знает о моем аресте. На позиции считают, что я в штабе бригады, а в штабе полка полагают, что я на позиции. «Как дать знать хотя бы в штаб полка?» — думал я.

Попытался уговорить часового, но он оказался непреклонным. Оставалось только одно — ждать.

Поздно вечером, лежа на холодном полу вагона, я услышал какой-то шорох. Потом раздался тихий стук в стенку. Я догадался, что это кто-то из моих друзей. Подполз тихо к стенке и стал прислушиваться. Стук повторился. Потом услышал шепот в щель тыловой двери:

— Держись, мы сделаем все, чтобы спасти тебя.

По голосу я узнал, что это был комиссар полка Бульковский. Волнуясь от радости, я сказал ему, что хорошо бы послать кого-нибудь в штаб дивизии к Васильеву и настоять, чтобы меня затребовали в дивизию.

— Хорошо, мы это сделаем, но и без дивизии в обиду тебя не дадим. В полку все возмущаются, и они побоятся с тобой расправиться.

Как потом я узнал, дело было действительно сфабриковано. Меня обвинили в том, что я не хотел подчиниться комбригу 2 и

игнорировал его приказы о наступлении, поэтому, дескать, наступление сорвалось. В довершение всего мне ставилось в вину, что я самовольно совершил отход на новую позицию к станции Ванюшино.

Бригадная комиссия под давлением комбрига 2 вынесла решение:

> «Расстрелять Пичугова и просить начдива дать санкцию на расстрел».

Но Васильев в это время меня уже знал хорошо и, видимо, усомнился в подлинности этого дела. На запрос комбрига он ответил коротко:

> «Приговор в исполнение не приводить, Пичугова и дело направить в штадив».

Пока шли эти переговоры, прошло еще немногим больше полусуток. Режим моего содержания не изменился, меня по-прежнему держали под арестом. Вызывали еще один раз в бригадную следственную комиссию, где мне зачитали мои «преступления» и потребовали, чтобы я их подписал. Я категорически отказался. Вечером меня отправили на станцию Бисер, где размещался в это время штаб дивизии.

Ехал я в товарном вагоне под конвоем пяти человек. Зачем нужен был такой большой конвой, я не мог понять.

От станции Выя до станции Бисер расстояние не так велико, но ехали мы около двух суток.

За это время, как я узнал потом, на станцию Выя, в штаб бригады, из 1-го Горного полка прибыла делегация человек в пятьдесят с требованием немедленно освободить командира полка. Когда делегатам сказали, что командира полка нет, что он отправлен в штаб дивизии, они не поверили и потребовали немедленного моего освобождения, заявив при этом, что в противном случае они перевернут вверх колесами штабные вагоны. Комбриг 2 перепугался и сообщил в штаб дивизии, что 1-й Горный полк бунтует. Комиссар дивизии Мрачковский, не разобравшись в чем дело, тут же дал телеграфное распоряжение: весь командный состав полка арестовать, а бойцов раскассировать по другим полкам. Чем была вызвана такая странная поспешность, не знаю.

Когда я, освобожденный за отсутствием состава преступления дивизионной следственной комиссией, явился к начдиву Васильеву, он сообщил мне, что 1-й Горный полк расформирован.

— За что? — спросил я его, еле сдерживая волнение.

— За бунт, который он учинил после твоего ареста.

— Это такая же клевета, Макар Васильевич, — горячился я, — какую пытались возвести на меня.

Он молчал.

— Не сумели уничтожить командира, так уничтожим полк, — с болью и горечью произнес я.

— В твоем деле дивизионная комиссия ничего не нашла, — сказал после некоторого молчания Васильев. — Комбриг 2 погорячился. По существу надо бы его привлечь к ответственности, но сейчас не такое время, нам нужен каждый человек, тем более комбриг. Ты, Степан, поезжай пока в запасный полк. — Он впервые назвал меня по имени и этим хотел, видимо, показать свое дружеское и сочувственное отношение ко мне. — Запасный полк находится сейчас в Чусовой. Отдохни там, потом дело тебе найдем.

— Обидно за «горцев», — сказал я. Сколько там прекрасных людей, преданных революции, а их облили грязью.

— Ну, ладно, успокойся. Мне тоже неприятно. Меня самого ввели в заблуждение. Поезжай в Чусовую, возьми с собой Катю, она хороший друг и товарищ; благодари ее, она первая поняла все и встала на твою защиту. Не будь ее, мы могли бы не разобраться и тебя бы не было уже с нами. Она так горячо и убедительно доказывала, что ты не виноват, что камень и тот бы подался, — шутя закончил Васильев.

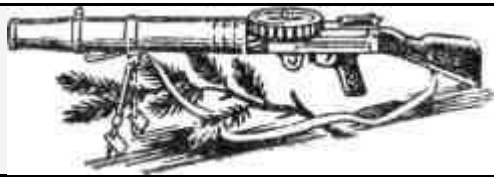
В санитарном вагоне я отыскал мою спасительницу Катюшу. Она обрадовалась, увидев меня на свободе, и угостила чаем. Фруктовый чай из земляники был так приятен и сладок, а кусочек селедки и небольшой ломтик овсяного хлеба, который ей удалось где-то достать, были дороже самых изысканных блюд.

Вечером с попутным поездом мы уехали в Чусовую, в запасный полк, командиром которого был А. Ф. Зеленцов.

Позднее, находясь в Чусовой, я узнал, что недоброе предположение Моргунова, к сожалению, сбылось. В конце ноября, используя оторванность 3-й бригады 29-й дивизии от других частей, белые окружили ее недалеко от Верхотурья в районе станции Выя. К этому времени в 3-й бригаде после расформирования 1-го Горного полка остался лишь Волынский полк и сильно обескровленный отдельный китайский батальон. Оторванная и малочисленная бригада, конечно, не смогла оказать серьезного сопротивления белым.

Я еще долго не мог примириться с мыслью, что 1-й Горный полк уже перестал существовать. До боли в сердце было обидно, что в такое тяжелое для Родины время расформирован один из лучших и вернейших революции полков, созданных из

преданнейших и честнейших людей Урала, один из первых выступивших на защиту Советской власти; полк, который перенес все трудности и лишения и с честью выходил из самых серьезнейших и опасных положений, полк, который честно прошел свой доблестный путь от Нижнего Уфалея до зловещего Верхотурья.



Часть третья
КИЗЕЛОВЦЫ И ВЕРХКАМЦЫ

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

В декабре 1918 года обстановка на участке 3-й армии была тяжелой. Белые, используя свое численное превосходство, теснили наши измотанные в боях части к Перми. Продвижение белых на Пермь было ускорено еще и тем, что им удалось в районе станции Выя (у Верхотурья) окружить 3-ю бригаду 29-й дивизии.

В это тревожное время в Чусовую пришло распоряжение начдива 29: запасному полку перебраться за Пермь на станцию Балезино, а мне принять от Зеленцова должность начальника гарнизона и ждать дальнейших приказаний.

Вскоре белые, продолжая наступление, захватили завод Лысьву и стремительным ударом перерезали Горнозаводскую линию Пермской железной дороги у станции Калина. 3-я армия оказалась в еще более тяжелом положении: левый фланг ее был отсечен, и полки, действовавшие на кушвинском направлении (4-й Уральский, 21-й Мусульманский, 22-й стрелковый), оказались отрезанными от основных сил армии, потеряв с ними всякую связь.

Не имея возможности пробиться к Перми и соединиться с основными частями, они, чтобы избежать окружения, устремляются на север по Луньевской ветке в сторону Кизела и Усолья.

Накануне прорыва белых у станции Калина я получил от начдива 29 Васильева весьма краткую телеграмму:

«Принять от Мировича 22-й полк».

Однако где находился Мирович с полком, я не знал. И только на следующий день, когда Чусовая была уже отрезана от Перми и связь с дивизией прервана, мне удалось установить, что 22-й полк, погрузившись в вагоны на станции Теплая Гора, поспешно отходит к Чусовой.

В это время в Чусовой случайно оказались мои однополчане по 1-му Горному полку: бывший адъютант полка Нестеров, честнейшей души человек, прекрасный штабной работник, и старый конник разведчик дядя Вася (так его звали все, кто знал; фамилию его я, к сожалению, не помню). Тут же в Чусовой была медсестра 1-го Горного полка Катя Истокская. Это были люди, которым можно было поручить любое дело, поэтому я и уговорил их пойти со мной в новый полк. Они охотно согласились.

Поручив обязанности начальника гарнизона «самому богу»,

так как таковой начальник в Чусовой больше не нужен был, я поспешил на станцию, надеясь разыскать там Мировича с его полком.

О 22-м полке я совершенно ничего не знал, он только что появился в нашей дивизии и был для меня загадкой.

Не помню сейчас точно, кажется на вторые сутки после получения телеграммы, 22-й полк прибыл в Чусовую. Я разыскал Мировича в штабном вагоне и предъявил ему телеграмму начдива. Взглянув на нее, он с минуту стоял молча, а потом медленно, как бы выдавливая из себя слова, сказал:

— Мне трудно вам сейчас объяснить, но я думаю, что вы, товарищ Пичугов, не согласитесь принять полк без хозчасти и обоза?

— Как без хозчасти и обоза? Куда же они девались? — спросил я, озадаченный таким заявлением.

В ответ Мирович только безнадежно махнул рукой. Со стороны фронта слышались довольно частые артиллерийские выстрелы, и отдельные снаряды противника уже рвались недалеко от станции.

— Вы один? — спросил он.

— Нет. Со мной еще три человека и лошади.

— Пусть грузят скорей, место в вагонах найдется, — торопливо сказал он. — А людей можно сюда, в штабной вагон.

Эшелон недолго стоял на станции. Вскоре он медленно двинулся в сторону Кизела. Когда благополучно миновали полосу артиллерийского обстрела, Мирович, негодуя, рассказал, как хозяйственная часть и обозы 22-го полка, подстрекаемые кулацкими элементами, переметнулись к белым.

— Проглядели, — сокрушенно закончил он. — Все хозяйство полка оказалось в руках кулаков. Вот они и сыграли с нами такую подлость. Да у нас и в строевых подразделениях неважно. — Потом, помолчав немного, Мирович добавил: — Кроме того, у меня нет пока никаких сведений о втором батальоне, который ушел другим эшелоном раньше. Говорят, что он проскочил на север к Усолью. Насколько это верно, не знаю. Так что сдавать-то пока и нечего.

Позднее мне стало известно, что этот батальон действительно добрался до Усолья и влился потом в 22-й Кизеловский полк.

Слушая рассказ Мировича об измене хозяйственной части, я ощутил неприятное чувство: «А что если кулаки и в строевых подразделениях сумеют повернуть людей на свою сторону?». Но я постарался отогнать от себя эту страшную мысль.

Полк без хозяйственной части — это не полк, да и 2-й

батальон неизвестно где. Принимать действительно было нечего. Кроме того, в условиях отступления смена командира, которого знал личный состав полка, была бы неправильным решением. Поэтому мы согласились передачу полка не производить, пока не будет восстановлена связь с дивизией. Комиссар полка Смирнов одобрил наше решение.

Когда полк добрался до станции Губаха, мы отправились с комиссаром в поселковый Совет, чтобы достать сколько-нибудь продовольствия. Председатель поссовета Чинин, выслушав нас, сказал, невесело усмехаясь:

— Мы сами за осьмушку хлеба танцевать бы пошли, как солдат танцует за письмо из дому. — И потом, посерьезнев, добавил: — Мы уж давно вместо хлеба жмыхи едим, да и то в ограниченном количестве. Это не только у нас, такое положение во всем угольном районе, вплоть до Усолья.

Вернувшись к эшелону с пустыми руками, мы передали Мировичу нашу беседу с Чининым. После этого решено было не забираться дальше на север в голодный район, а выгрузиться на Губахе и попытаться походным порядком пойти на соединение с дивизией через Прикамский хлебный район, держа направление на Добрянский завод.

Первый большой привал с ночлегом сделали в деревне Шестаки. Эта деревня действительно оказалась хлебной, и наши мужички, одетые в серые шинели, быстро нашли общий язык с хозяевами и, как видно, покушали неплохо. Но все же настроение в ротах было какое-то тревожное, непонятное.

На следующий день, еще до рассвета, полк двинулся дальше к деревне Красная, где и предполагалось сделать большой привал и, если удастся, подкормить людей.

Имея специальную подводу и находясь не у дел, я не спешил с выездом, и только спустя часа два — три после выступления полка мы тронулись из деревни Шестаки, рассчитывая догнать походную колонну в деревне Красная. Вначале мы ехали все вместе, причем Нестеров и дядя Вася на верховых лошадях, а Катя — со мной на подводе. Потом они ускакали вперед, чтобы подготовить квартиру и достать что-нибудь поесть.

Мы уже приближались к поскотине деревни Красная, когда вдруг увидели бегущего навстречу нам командира полка Мировича. Он был без шинели, в одном френче.

«Куда и зачем бежит Мирович?» — с тревогой подумал я. Поравнявшись с нами, он схватил мою винтовку с подводы и, не останавливаясь, крикнул:

— Спасайтесь! Нас предали!..

Только тогда я понял, что произошло что-то непоправимое.

Мелькнула страшная мысль, что полк сдался восставшим кулакам или сам поднял мятеж. Я крикнул возчику:

— Заворачивай!

Тот не долго думая стал заворачивать лошадь, а она, как на зло, завязла в снегу, и сани перегородили дорогу. Тут из деревни показались какие-то всадники. Они быстро приближались, громко ругаясь и крича:

— Сто-о-о-о-й! Сто-о-о-ой, командир полка! Не беги, так твою… Все равно догоним!

Когда они подскакали к нам, под одним из них я узнал лошадь дяди Васи, нашего славного разведчика, и сердце мое тоскливо сжалось. Объехать подводу они не могли, так как снег был очень глубок и их лошади вязли, Ругаясь, они соскочили с коней, ссунули наши сани с дороги в снег и снова возобновили погоню за Мировичем. Последний в это время уже скрылся за поворотом дороги. На нас они не обратили внимания, так как я и Катя были в штатском и не вызвали у них подозрения. Мы поняли, что медлить нельзя ни минуты и, оставив возчика вытаскивать лошадь из снега, пошли, сначала в сторону деревни Красная, чтобы не вызвать подозрений, а потом, видя, что за нами никто не наблюдает, свернули в лес по каком то малонаезженной дороге. Пройдя километра два по этому следу, мы уперлись в стог сена. Дальше дороги не было. Попытались пойти целиной, но снег был так глубок, что проваливались в него по грудь. Все же мы продвинулись еще с полкилометра в глубь леса. Но скоро в снегу под нами захлюпала вода. Это было незамерзшее болото. Идти дальше невозможно. Мы выбились из сил. Но и и болоте нельзя было оставаться. Кое-как выбрались на сухое место и, утрамбовав вокруг себя ногами снег, сделали что-то вроде снежного окопа, где и решили дождаться ночи.

Уже вечером, сидя в своем укрытии, мы услышали ружейные залпы, доносившиеся со стороны деревни Красная. Эти роковые выстрелы жгучей болью отдавались в наших сердцах. Мы догадались, что это расстреливают коммунистов нашего полка, наших товарищей, которые попали в грязные лапы лютых и коварных врагов. В эту предательскую западню попали лучшие наши люди: комиссар полка питерский рабочий Смирнов, коммунист учитель с Салдинского завода адъютант Нестеров и другие товарищи, имена которых остались неизвестными. Это были честные, идейные борцы за счастье народа, за светлое будущее нашей Родины. Они, как и многие тысячи других, заслужили, чтобы их имена вспоминались с благоговением и любовью. Это о них поется в старой революционной песне:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу…

Эти люди погибли из-за головотяпства отдела формирования 3-й армии. 22-й полк, созданный из мобилизованных крестьян, как и некоторые другие полки, был укомплектован без должного классового отбора. В него много вошло кулацких сынков и зажиточных крестьян, которые шли на поводу у кулачества. Командный состав подбирался в основном из мобилизованных офицеров. Многие из них еще не разобрались в событиях, а значительная часть настроена была антисоветски. Такие полки, кроме вреда, ничего не приносили. Но эти обстоятельства, видимо, мало интересовали и беспокоили и командарма 3 Лашевича и начальника формирований 3-й армии. Последний, как бывший парикмахер, по своей профессиональной привычке стриг всех под одну гребенку, не разбирая, где свои, где чужие, где «право», где «лево». На фронте же от таких формирований приходилось получать нож в спину.

К СВОИМ

Когда наступила ночь, мы вышли из своего снегового укрытия и решили пробраться обратно на станцию Губаха в надежде, что там мы еще сможем застать своих — или отходящие части, или местный советский отряд. Надежда эта и придавала нам силы. Идти по дороге было очень опасно: по ней часто двигались связные и патрули восставших. Идти лесом, прямо по снегу без лыж было совсем невозможно. Решили идти, несмотря на опасность, все-таки по дороге, рискуя каждую минуту наскочить на противника.

Намокшая в болоте обувь застыла, и ступать было тяжело. Уже ночью мы пришли в деревню. Названия ее не помню. Она находилась километрах в трех от Шестаков. Обойти ее у нас уже не было сил. В деревне сразу натолкнулись на местный патруль, и только штатская одежда, которую я приобрел в Чусовой для зимы, да и то еще, что я шел с женщиной, помогли обмануть патрульных и уверить их, что мы железнодорожники, уведенные насильно красными, и возвращаемся к себе домой. Эта выдумка спасла нас. Дальше двигаться мы совсем не могли и решили, что хоть «у черта в пасти», но немного передохнуть. С разрешения патруля стали проситься переночевать. На наш стук и просьбу пустить переночевать отвечали отказом, причем кто на что ссылался: одни говорили, что нет места, другие, что у них малые ребята, третьи отвечали, что в доме больные, иные просто отвечали сердитым ворчанием: «Ходят тут всякие». Нас начинало охватывать отчаяние. Почти вся деревня уже пройдена, а ночлег так и не был найден. И, наконец, только в крайней бедняцкой избенке, врытой наполовину в землю, пустили переночевать. Мы настолько замерзли, устали и так обрадовались, что забыли всякую осторожность. Когда сбросили с себя тяжелые намокшие шубы, хозяин обратил внимание на наши гимнастерки и, видимо, догадался, кто мы. Расспрашивать он ничего не стал, но пытался в беседе с нами высказать свое отрицательное отношение к мятежу, что он не одобряет поступка своих земляков. Чтобы как-то выразить нам свое сочувствие, он дал небольшую краюху хлеба и при этом сказал:

— Я дал бы вам больше, да у меня нет.

Хозяин дружески и заботливо отнесся к нам. Поставил наши валенки в русскую печку, чтобы высушить их. Рано утром, еще до рассвета, разбудил нас и посоветовал уйти пораньше, пока все спят, и выйти из деревни в тот момент, когда патрули будут в противоположном конце. Сам он уехал за сеном «от греха

подальше», как он сказал, видимо не желая принимать участия в мятеже.

К деревне Шестаки подошли уже на рассвете и, помня совет нашего хозяина, попытались обойти ее обходной дорогой слева, но у перекрестка, уже за деревней, натолкнулись на патруль, который, несмотря на все просьбы, не пропустил нас на Губаху. Не помогла на этот раз и ссылка на то, что мы железнодорожники. Потребовали пропуск, но когда мы сказали, что пропуска у нас нет, предложили идти в деревню и ждать, когда будет разрешение пропускать людей на Губаху. Идти в Шестаки было опасно: нас могли узнать, так как только накануне мы вместе с полком ночевали там. Но делать было нечего, и мы пошли назад к Шестакам с намерением не ждать там разрешения, а найти какой-нибудь иной путь на Губаху. Путь этот мы нашли. Обойдя деревню берегом речки, двинулись по лесу целиной в сторону Губахи. Снег был глубокий и здесь. Я шел впереди, а Катя по моему следу.

Сколько прошли мы таким образом, сказать трудно. Перевалило за полдень, а мы все шли и шли, еле передвигая ноги.

Ближе к вечеру вдруг послышались людские голоса.

«Погоня!» — с ужасом подумал я.

Спрятавшись за толстые стволы сосен, мы стали прислушиваться. Что это за люди? Говор то стихал, то вновь возникал, и в один из моментов явственно послышались женские голоса. Мы обрадовались и стали осторожно продвигаться на звуки этих голосов. Наконец сквозь чащу сосен увидели женщин с санками, на которых видны были какие-то узлы. Это были жены губахинских шахтеров, они шли в деревню, чтобы выменять для голодных детей кусок хлеба на свои последние пожитки.

Мы вышли на дорогу и, не теряя времени, двинулись на Губаху.

Было уже совсем темно, когда мы пришли на станцию Губаха. Решили идти в рабочий поселок в надежде встретить там своих.

Увидев на крылечке одного домика пожилого человека, с виду рабочего, направились к нему и попросились переночевать. Некоторое время подумав, он согласился. Когда вошли в дом, то по обстановке увидели, что хозяин дома портной, кустарь. Мы поняли, что попали не совсем удачно. Но особенно пришлось встревожиться, когда хозяин потребовал от нас документы. Конечно, документов у нас никаких не оказалось. Сначала он растерялся, а потом долго вслух размышлял:

— Как же так без документов-то? Что же теперь с вами делать? Совет сбежал, а другой власти еще нет.

Потом быстро оделся и куда-то ушел. Вернулся с каким-то

молодым человеком, видимо рабочим, и в нашем присутствии стал его спрашивать, что ему с нами делать. Парень сказал просто:

— Пусть ночуют. Что они у тебя машину потащат?

Я предложил им папиросы и закурил сам. После этого портной как будто успокоился.

Такая встреча в Губахе нас обескуражила. Мы не могли понять, кому же сочувствует наш хозяин, и поэтому не могли сказать ему, кто мы. В такой обстановке, конечно, нечего было думать об отдыхе. Поесть нам тоже ничего не удалось.

Не дождавшись рассвета, собрались в путь. Чтобы запутать следы, мы сказали своему негостеприимному хозяину, что идем в деревню Шестаки, а на самом деле направились в сторону Кизела.

Пробравшись в темноте по Губахе, вышли на линию железной дороги и пошли по шпалам на станцию Половинка. Чертовски хотелось есть, ведь двое суток почти не ели. Усталые и голодные, мы брели по линии. Вдруг вдали увидели силуэт железнодорожной будки. Кто в ней — враг или друг, мы не знали. Решили обойти ее лесом. Но стоило нам сойти с линии, как сразу завязли в глубоком снегу. Идти целиной, как мы это делали накануне, уже не было сил. Вернувшись обратно на линию, стали медленно и осторожно продвигаться к таинственной будке. Когда подошли к ней вплотную, то увидели, что будка пуста, но по всему было видно, что она недавно оставлена своими хозяевами. В подполье обнаружили кадку с солеными грибами. Находке несказанно обрадовались и, желая утолить мучивший нас голод, навалились на эти грибы. Но они не утолили голода, а только вызвали сильную жажду.

От Губахи до Половинки тащились очень долго, хотя расстояние между ними было и невелико.

По пути встретили казарму ремонтных рабочих, где, к нашему счастью, застали двух женщин. Они любезно напоили нас горячим морковным чаем, который показался нам прекраснейшим напитком. Дать что-нибудь поесть они не могли, так как им самим есть было нечего. Из разговора с ними мы узнали, что на станции Половинка должны находиться красные. Не знаю, морковный ли чай, которым нас угостили добрые хозяйки, или приятные сведения о близости своих, а скорее всего и то и другое, ободрили нас и увеличили наши силы. Даже усталость и голод, казалось, как будто пропали.

Не теряя ни минуты, мы собрались и снова двинулись в путь, к станции Половинка, как к маяку спасения. Как мы ни спешили, как ни напрягали наши последние силы, время казалось вечностью, а путь нескончаемым.

Вдруг раздался окрик:

— Стой! Кто идет? — и щелкнул затвор.

Мы остановились. Из-за куста выступил часовой, одетый в полушубок. Красная лента на его заячьей шапке сразу подсказала нам, что наконец-то попали к своим. От радости мы готовы были броситься к часовому и расцеловать его.

— Свои! Свои! — закричали мы наперебой, но часовой сделал суровое лицо и повелительно сказал:

— Пропуск!

— Пропуска мы не знаем. Веди нас к начальнику, — сказал я.

Часовой, держа ружье на изготовку, приказал поднять руки вверх и следовать впереди его на станцию, где на путях стояло несколько теплушек.

На станции Половинка находился Кизеловский отряд, командиром которого был Королев Анатолий Николаевич[4]. К нему-то мы и были доставлены. Когда я отрекомендовался, назвав себя бывшим командиром 1-го Горного Советского полка, и рассказал коротко, как мы сюда попали, он опустил голову и задумался. Видно было, что Королев колебался, верить ли тому, что я ему рассказал, тем более, что документов у нас с собой никаких не было. После некоторого раздумья он спросил, знаком ли я с командиром 21-го Мусульманского полка Федоровским? Я ответил, что хорошо знаю Федоровского, так же как и он меня.

Командир Кизеловского отряда Анатолий Николаевич Королев

Поручив нас охране, Королев отправился на телеграф для переговоров с Федоровским, который со штабом своего полка находился в это время на станции Кизел. Королев был, конечно, прав, на его месте я также не поверил бы на слово.

Штаб отряда Королева, где он нас оставил, размещался в одной из теплушек. Посредине вагона жарко топилась чугунная печурка. Возле нее возился молодой паренек, одетый в полушубок, опоясанный патронташем. Он пек картошку и тут же ел ее, но несколько штук отложил в сторону. Мы с завистью смотрели на эту картошку и еще сильнее почувствовали голод.

Прошло немногим больше получаса, когда Королев вернулся с телеграфа и, обращаясь ко мне, полушутя сказал:

— Ваше счастье, товарищ Пичугов, что у вас имеется такая хорошая примета, — и он показал на мой шрам на щеке. — Это нам быстро помогло установить вашу личность. Где это вас? — Он хотел, видимо, сказать «припечатали», но не договорил. Его лицо стало мягким и добрым. Потом, увидев у печки картошку, которая предназначалась, вероятно, для него, любезно предложил ее нам. Поблагодарив Королева, мы с радостью без всяких церемоний принялись за столь желанный и долгожданный обед. Катя повеселела и заулыбалась. Какое у меня было лицо, не знаю,

но мне кажется, что никогда в жизни ни до, ни после этого я не ел такой вкусной печеной картошки.

Вскоре прибыл отдельный паровоз, и мы на нем уехали в Кизел к Федоровскому.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ 22-го КИЗЕЛОВСКОГО ПОЛКА

Сразу же по прибытии в Кизел я встретился с командиром 21-го Мусульманского полка Федоровским, который подробно ознакомил меня с положением дел на кизеловском направлении. Он с тревогой сообщил, что у него нет никакой связи с частями 3-й армии, и поэтому, что делалось на пермском направлении, не знал.

— Надо брать на себя полную ответственность и действовать пока совершенно самостоятельно, — сказал он. — Я решил объявить себя начальником боевого участка всего кизеловского направления и срочно объединить все разрозненные отряды, которые сейчас собираются здесь под Кизелом, на станции Яйва. Ты мне должен в этом помочь. Поезжай завтра же на станцию Яйва и из всех собравшихся там отрядов начинай формировать полк. Назначаю тебя командиром полка.

— Как же я это сделаю? Меня там никто не знает, — сказал я.

— Тогда мы поедем завтра вместе, соберем совещание, и там я объявлю об этом, — подумав, сказал он.

Утром следующего дня штабной вагон Федоровского прибыл на станцию Яйва. На совещание были приглашены все командиры ближайших добровольческих отрядов, а также руководители Кизеловского района: председатель райкома Калашников, председатель исполкома Миков, председатель парткома Кесарев, военный комиссар Кизела Евлогиев, военрук Удников, представитель парткома по формированию старый солдат Южаков и другие. Народу собралось так много, что штабной вагон оказался тесен. В вагоне было тепло, но никто не раздевался. Каждый из участников совещания был вооружен, кто винтовкой, кто маузером в деревянной кобуре, а кто только наганом.

Федоровский коротко изложил обстановку на фронте и сразу перешел к тому, что теперь воевать разрозненными отрядами невозможно, что сейчас более чем когда-либо нужна организованность, дисциплина и единство действий. Он тут же заявил, что из всех разрозненных отрядов, находящихся в районе Кизела, нужно сформировать полк.

Почти никто против такой постановки вопроса не возражал. На этом же совещании было решено полк назвать 22-м Кизеловским. Кто-то из кизеловцев спросил:

— Почему двадцать второй?

Федоровский ответил:

— Как уже известно, есть двадцать первый Мусульманский полк, а следующий порядковый номер двадцать второй.

Кизеловцы удовлетворились ответом. Если бы они знали об измене 22-го стрелкового полка, думаю, что их трудно было бы убедить взять на себя этот номер.

На этом же совещании Федоровский объявил, что командиром полка он назначает меня, и начал расхваливать мои заслуги и опыт. При этом я чувствовал себя очень неловко. Меня, конечно, как нового человека, в Кизеле никто не знал, поэтому задача Федоровского была не легкой, но он вышел из этого трудного положения, предложив самим кизеловцам выдвинуть кандидатов на должность комиссара полка и помощника командира полка. Комиссаром был назначен председатель Кизеловского городского Совета М. Н. Миков, а помощником командира полка — командир Кизеловского отряда А. Н. Королев.

Таким образом, подставив мне две «подпорки», кизеловцы согласились с моим назначением, и я срочно приступил к формированию полка. В отрядах это мероприятие было встречено положительно. Одно название «полк» уже рождало у людей уверенность в своих силах. Большинство командиров отрядов, которые пользовались уважением и доверием своих бойцов, были назначены командирами рот и разных команд, а более крупные отряды переименованы в роты.

Многие командиры производили хорошее впечатление. Подкупал своей расторопностью, находчивостью и знанием дела военрук Кизеловского военкомата Удников, который стал командиром батальона. Командир Нейвинского отряда Елунин, назначенный командиром 2-й роты, отличался простотой и выдержкой. Политрук отряда Прохор Монич поражал невозмутимым спокойствием и величавой медлительностью. Приятели о нем шутя говорили: «Пока Прохор раскачается, война может кончиться». Пользовался всеобщим уважением среди бойцов и командиров старый солдат, вернее старый унтер, заботливый хлопотун Южаков Филипп Александрович, которому ранее было поручено формирование рабочих отрядов. От него я и принимал отряды, из которых создавался полк.

Политрук добровольческого отряда Прохор Монич

О комиссаре 22-го Кизеловского полка Микове могу сказать немного. Он производил впечатление человека хитрого, но хорошо умеющего скрывать свои мысли, одним словом, был хороший «дипломат», что для политработника, особенно того времени, не совсем подходило.

Знакомясь ближе с подразделениями полка, я все больше убеждался, что мой помощник Королев пользуется большой популярностью среди личного состава полка и кизеловцы его очень уважают. Ко мне же, как к новому и мало известному им человеку, относились с некоторой осторожностью. У них не было той веры в нового командира, которая заставляет людей, не задумываясь, повиноваться и, если нужно, идти на смерть. Из этих наблюдений я сделал для себя вывод, что лучше, если командиром полка будет Королев. Как раз в это время меня вызвали в штаб Федоровского. Передав командование полком Королеву, я поехал к Федоровскому. В душе у меня боролись два чувства — самолюбие и сознание того, что я поступаю правильно, как большевик и как человек. Последнее чувство побороло, и я решил, что в этот полк больше не вернусь.

Штаб Федоровского в это время переместился дальше к Усолью и стоял, кажется, на предпоследней от него станции.

Когда я прибыл к Федоровскому, он принял меня как-то особенно внимательно. И в то же время было заметно, что он почему-то медлит и не решается говорить о том, зачем меня вызвал. Наконец, не без некоторого смущения и замешательства, он сообщил цель моего вызова к нему. Начал он без мотивировок и сказал, что решил переименовать штаб боевого участка в штаб дивизии, а мне предложил занять должность помощника начальника дивизии, то есть его помощника. Я заявил, что не разделяю этой затеи, и отказался от его предложения. Попытался отговорить Федоровского от этих «преобразований», но это мне не удалось.

Сообщив ему свое решение о передаче 22-го полка Королеву, я просил его подтвердить это телеграммой или приказом. Сам же я, по договоренности с Федоровским, отправился в Дедюхино к Дидковскому, где, как нам обоим казалось, я буду нужнее.

РОЖДЕНИЕ 23-го ВЕРХКАМСКОГО ПОЛКА

На самом левом фланге 3-й армии и всего Восточного фронта, как бы замыкая и прикрывая его с севера, действовали местные добровольческие отряды под общим руководством инженера геолога члена Уральского областного Совета Дидковского Бориса Владимировича. Все эти отряды носили громкое название «Северные советские войска», а штаб Дидковского именовался штабом Северных советских войск.

Дидковский был человеком сугубо штатским. Среди его помощников также не было ни одного мало-мальски опытного военного специалиста, и поэтому он очень обрадовался моему приезду и предложил работать в его штабе военным руководителем. Я согласился.

Ознакомившись с обстановкой, я увидел, что и здесь действуют разрозненные добровольческие отряды. Большинство из них действовало самостоятельно, на свой риск и страх, не имея связи друг с другом и почти не согласовывая свои действия с соседними отрядами. Командиры отрядов в большинстве своем являлись людьми хорошими, волевыми, пользовались авторитетом и доверием у своих бойцов, но почти все они были большими любителями свободы действий. Рядовой состав в массе своей был надежный, преданный Советской власти, сравнительно много было коммунистов, членов комбедов и рабочих, но военная дисциплина хромала. Все держалось только на авторитете командира.

Первый комиссар 23-го Верхкамского полка Борис Владимирович Дидковский

Обстановка на фронте требовала более четкой организации войск и более твердой дисциплины. Раздробленность и партизанщина являлись большим злом, и ему надо было положить конец. Дидковский, хотя был и штатский человек, понимал, что воевать разрозненными отрядами невозможно, и поэтому решено было сформировать из них полк. Одно только название «полк» уже дисциплинирует бойцов и командиров — так думали многие тогда. Это показал и опыт 22-го Кизеловского полка.

В это время связи с регулярными частями у Дидковского, так же как и у Федоровского, никакой не было, и поэтому все вопросы приходилось решать самостоятельно.

Долго мы с Дидковским думали, как назвать нам свой полк. Хотелось, чтобы название было родное и близкое бойцам. Отряды, из которых формировался полк, были из разных мест: чердынские, соликамские, усольские, кизеловские и из других населенных пунктов. Но главным образом все эти отряды состояли из жителей верховьев реки Камы, поэтому и было решено полк назвать Верхкамским. Это решение удовлетворило всех. Номер взяли 23-й, следующий порядковый номер за 22-м Кизеловским полком, нашим ближайшим соседом.

Так возникли на севере два новых полка — 22-й Кизеловский и 23-й Верхкамский, два родных брата, два близнеца.

Обязанности с Дидковским мы поделили просто: я стал командиром полка, он — комиссаром. Полк имел сначала только два батальона, и в каждом батальоне — по две роты. Наиболее крупные отряды были переименованы в роты, а командиры отрядов стали комбатами и комротами. 1-й батальон возглавил командир Верхкосвинского отряда Дудырев, мой сослуживец по старой армии, которого я встретил здесь совершенно случайно и неожиданно. Как было приятно встретить старого боевого товарища и в такой обстановке. Дударев, выходец из трудовой семьи, в первую мировую войну за боевые отличия был награжден георгиевским крестом всех четырех степеней и потом получил чин офицера. Закончил войну, кажется, поручиком.

Лучшего командира батальона трудно было найти в то время. Так что 1-й батальон был в надежных руках. К тому же костяком его являлся Верхкосвинский отряд, где было много коммунистов из Кизела, Губахи и других угольных копей. Этот отряд имел уже боевой опыт, который он получил под Верхкосьвой, защищая Уральский перевал.

2-й батальон был сформирован в районе села Косы, когда мы соединились с чердынцами. Возглавлял его командир Чердынского отряда Покровский. Это был человек большой силы воли, очень развитый и хорошо грамотный по тому времени командир, но смотрел он на всех как-то свысока.

Командирами рот были назначены: Моисеев, смелый решительный командир, но в то же время большой «партизан»; Панов, командир Соликамского отряда, умный, вдумчивый человек; Соловьев, командир-самородок, пользовавшийся большой любовью своих людей; Вожаков, который потом погиб в бою под деревней Петухи, а его заменил Копылов, бывший сельский учитель. Адъютантом полка был назначен Захаров, бывший начштаба Дидковского. Начальником пешей разведки, вернее лыжной команды, был назначен Меньшиков, охотник с Севера, прекрасный лыжник и отличный стрелок. Обязанности заведующего хозяйством полка поручено было исполнять инженеру геологу Димитриеву, неугомонному изобретателю. Он пытался организовать у нас кустарное производство ручных гранат, но при случайном взрыве одной из таких гранат ему оторвало пальцы обеих рук.

Командир роты Павел Соловьев

Нужда в ручных гранатах действительно была очень большая, да и не только в гранатах. Вооружение у нас было самое разнообразное, вплоть до охотничьих ружей. На весь полк мы имели один лишь ручной пулемет системы «Льюис». Патронов тоже было мало, берегли их тщательно, расходовали в исключительных случаях. В борьбе с противником предпочитали внезапный налет и штык.

Начальником связи полка был назначен Яковкин, молодой интеллигентный паренек. Связь наша также была очень бедна — четыре полевых телефона и несколько километров трехжильного кабеля. Находчивый Яковкин использовал все способы и возможности: подводы, всадников, лыжников, охотников и даже световую связь посредством костров.

Была у нас и своя санитарная часть, начальником ее являлся старый опытный врач Копылов, уездный врач города Соликамска, самый старый человек в полку и, пожалуй, самый уважаемый.

Руководителем партийной организации был бывший ветеринарный фельдшер Петраков. Парторганизация в полку была очень большая и влиятельная, большинство комсостава

являлись членами партии. Много было коммунистов и среди бойцов.

ОТХОД

Формирование 23-го Верхкамского полка проходило в тяжелой боевой обстановке. Враг напирал со всех сторон и не давал возможности сколотить и привести в должный порядок подразделения вновь создаваемого полка. С фронта теснили хорошо вооруженные Антантой регулярные части 1-й Сибирской дивизии, а в тылу притаился с обрезом в руках кулак и ждал удобного случая, как бы стрельнуть нам в спину или, пользуясь нашими ошибками, поднять против нас восстание недовольных крестьян.

После ряда боев с превосходящими силами противника мы вынуждены были в конце декабря оставить города Усолье, Дедюхино и Соликамск и начать отход в общем направлении на Вятку. Отступая с боями по Кайгородскому тракту к Косе, мы в то же время прикрывали огромные обозы с государственным имуществом эвакуированных Советов из Соликамска, Березников, Усолья и с севера, со стороны Чердыни. Обозы тянулись длинными вереницами по всем дорогам от Чердыни до Юксеева и от Соликамска до Косы и дальше на Юм, Юрлу и Афанасьево.

Когда обозы с севера прошли Косу, мы круто повернули на юг и начали двигаться уже на Юм, Юрлу и Белоево. Все это время вели арьергардные бои с наседавшим на нас от самого Усолья 18-м Тобольским полком белых.

Каково было в это время положение на главном направлении 3-й армии и где проходила новая линия фронта, мы не знали, так как связи с частями 3-й армии у нас все еще не было. Доходили, правда, смутные слухи о том, что Пермь оставлена частями Красной Армии, но достоверно мы пока ничего не знали.

22-й Кизеловский полк начал отход из Усолья одновременно с нами, но он двигался не на запад, как мы, а на юг вниз по Каме, в направлении сел Орел, Пожва, Майкор, Купрос, к частям 3-й армии. Вследствие этого маршруты 22-го и 23-го полков с каждым днем все больше удалялись один от другого. Когда мы достигли селения Юксеево, то расстояние между нашими полками составляло около 150 километров. Какой-либо связи между нами не было. Но это еще полбеды. Главная беда заключалась в том, что мы были предоставлены самим себе, отдаленные сотнями километров от основных частей Красной Армии.

Двигались на крестьянских подводах, которые были, привлечены в порядке повинности. Многие подводчики заехали более чем за сотню километров от дома. Некоторые из них, сочувствовавшие нам, уже считали себя добровольцами полка. Их

мы зачислили на все виды довольствия и даже кое-чем вооружили. Были и такие, которые при первом удобном случае старались покинуть нас, бросали даже лошадей и подводы и уходили пешком. Другие ухитрялись уходить вместе с лошадьми и подводами.

Когда подводчик уходил один без лошади, ему не препятствовали, закрывали на это глаза и шутя говорили: «Баба с воза — кобыле легче». Такую подводу бойцы брали на свое попечение и считали ее уже своей, ротной подводой. По очереди ухаживали за лошадью, кормили, поили, убирали. Зато они уже знали, что пешком шагать не придется, так как у них есть своя, постоянная подвода. Таких подвод в полку было уже около сотни.

Замена подводчиков происходила сравнительно редко, по мере того как нам удавалось завербовать новых в тех населенных пунктах, через которые мы отходили. Но населенные пункты на севере очень редки, подвод же для передвижения полка требовалось много, не меньше трехсот: на каждых трех-четырех бойцов надо было иметь подводу. А население в тех деревнях, через которые мы отступали, относилось к нам холодно, с какой-то опаской, не видно было, чтобы оно сожалело о нашем уходе. Когда удавалось вызвать крестьян на откровенность, они отвечали примерно так: «Советская власть нам нужна, она дала нам землю, но коммуния — это плохо: ложка и та не своя».

Сознательная часть деревни, в первую очередь коммунисты, еще раньше ушла добровольно в Красную Армию, поэтому кулак снова почувствовал себя хозяином положения: бороться с ним в деревне было некому. Кулацкая агитация отравила своим ядом оставшуюся часть крестьянства, и деревня фактически опять оказалась в руках у кулака. Этому способствовали и троцкисты, которые не хотели видеть разницы между кулаком и середняком и применяли к середняку такие же меры, как к кулаку.

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В ЮРЛЕ

Это было в начале 1919 года, кажется 19 января. После ряда утомительных переходов, на пятый или шестой день отступления из Усолья, мы остановились в селе Юм. Здесь решили дать очередной бой наседавшему на нас противнику.

2-й батальон под командованием Покровского занял позицию на северной окраине села и начал строить временные укрепления.

1-й батальон был выведен в резерв и размещен по квартирам в южной части селения. Штаб полка разместился в поповском доме, недалеко от церкви.

День уже клонился к вечеру, когда я возвращался с участка 2-го батальона. У штаба полка было заметное оживление, скопление всадников и незнакомых людей.

«Что бы это могло быть?» — подумал я, въезжая во двор штаба.

Меня встретил комиссар Дидковский. Он был весел сверх обыкновения.

— Поздравляю, товарищ Пичугов! — весело сказал он. — Мы теперь ее одни. Восстановлена связь со штабом двадцать девятой дивизии и по фронту с двадцать вторым полком, — при этом он показал мне рукой на стоящего невдалеке крепкого, красивого мужчину лет тридцати, одетого в хорошо сшитую бекешу защитного цвета.

Это был комиссар 29-й дивизии Борчанинов. Около него стояли незнакомые бойцы, одетые в новенькие полушубки и заячьи папахи. Это были конники 22-го Кизеловского полка, прибывшие к нам для связи.

Комиссар 29-й стрелковой дивизии Борчанинов

— Нелегко было к вам добраться, — подойдя ко мне и протягивая руку, сказал Борчанинов. — Мы знали, что на севере есть отряды, но не ожидали встретить тут полки. Молодцы, спасибо вам, — добавил он, крепко пожимая мне руку.

Оживленно разговаривая, мы прошли в штаб, где Борчанинов сообщил, что наш полк войдет в состав 5-й бригады 29-й дивизии, куда входят, кроме нас, 22-й Кизеловский и 21-й Мусульманский полки. Он сообщил также, что комбригом 5-й бригады временно назначен некто Кичигин.

Обмениваясь взаимной информацией, мы долго вели дружескую беседу. Борчанинов, прежде чем попасть к нам, побывал в 21-м и 22-м полках. Он проехал не одну сотню километров по заснеженным дорогам севера, чтобы разыскать нас. От него официально узнали, что Пермь оставлена частями Красной Армии еще 25 декабря, то есть в тот момент, когда мы начали свой отход от Усолья.

Поздно вечером в штаб пришел «наместник Чердынского края», как шутя называли уполномоченного по Чердынскому уезду Тунтула, члена Уральского областного Совета.

Я сейчас не помню, как он оказался в Юме: отступал ли вместе с нами, или раньше прибыл сюда с работниками Чердынского Совета.

Мы заметили, что он был очень бледен и чем-то встревожен. Осмотрев всех присутствующих и убедившись, что тут нет посторонних, он почти шепотом сообщил нам, что в селении Юрла, где размещался временно чердынский военкомат, вспыхнуло вооруженное восстание: восстали руководимые кулаками местные жители, захватили склад оружия и ведут бой с советскими работниками, забаррикадировавшимися в Совете. Сведения эти, как сообщил Тунтул, привез ускользнувший как-то из Юрлы один из сотрудников военкомата.

— В достоверности этих сведений я не сомневаюсь, — сказал Тунтул.

Весть о мятеже была неожиданной и крайне неприятной. Село Юрла находилось в нашем тылу, всего в полутора десятках километров от Юма. Село большое, могло выставить немало сил. Медлить нельзя, надо было скорее действовать, чтобы не дать возможности разрастись восстанию.

Тут же было решено 1-й батальон во главе с комбатом Дудыревым и команду пеших разведчиков Меньшикова двинуть немедленно на Юрлу для ликвидации мятежа, а 2-й батальон оставить в Юме, на его прежней позиции.

Дидковский и Борчанинов быстро организовали летучее совещание с коммунистами 1-го батальона. Потом все отправились в роты, где провели короткие беседы с красноармейцами. В полночь Дударев выступил с батальоном и лыжной командой на Юрлу.

Повстанцы, видимо, были кем-то предупреждены и подготовились к встрече. Они сумели за ночь построить снежные окопы и полить их водой, впереди окопов разбросали вверх зубьями бороны, а местами сделали даже засеки. Когда на рассвете батальон приблизился к северо-западной окраине села, он попал под сильный оружейный огонь.

Встретив такое организованное сопротивление и не желая нести ненужные потери, Дудырев решил изменить тактику. Приостановив наступление с фронта, он послал лыжную команду в обход лесом, с тем чтобы она ударила с тыла. Повстанцы такого маневра не ожидали, и поэтому их тыл оказался совершенно незащищенным. Удар лыжников с тыла для них был полной неожиданностью. В панике они бросились бежать, кто в лес, а кто в село прятаться по домам. Часть из них тут же удалось захватить в плен. Этот маневр помог захватить Юрлу без потерь. Удар был так стремителен, что белые не успели расправиться с арестованными, которыми битком был набит деревянный амбар на базарной площади. Со слезами на глазах они обнимали и целовали освободивших их бойцов.

Но не все арестованные смогли уцелеть, не всем выпало такое счастье. Озверевшее кулачье успело жестоко расправиться с активными советскими и партийными работниками. Зверски были убиты председатель Чердынского уездного исполкома М. М. Барабанов, военный комиссар А. И. Рычков, работники Чердынского Совета Чудинов, Кардаш, красноармейцы Добрынин, Козловский и другие.

Но та часть советских и партийных работников, которая засела и забаррикадировалась в каменном здании школы, уцелела почти вся. Под руководством Дубровского, работника Чердынского Совета, они храбро отбивались больше двух суток.

Трудно передать словами те чувства, которые испытывали осажденные, когда наши бойцы, ворвавшись в село, подошли к школе, чтобы освободить их. Худые, с покрасневшими от бессонницы глазами, они, не веря еще тому, что Юрлу захватили свои, с опаской выглядывали в разбитые окна. Увидев радостные, разгоряченные боем лица верхкамцев, они поняли скорее сердцем, чем рассудком, что это свои, красные, и с радостными криками бросились навстречу красноармейцам.

Из их рассказов мы узнали, что озверевшее кулачье не раз атаковывало их, но осажденные держались стойко. Дубровский был ранен в руку, но не оставлял своего поста и продолжал руководить обороной и вдохновлять своих товарищей.

Повстанцы приняли крайние меры: подвезли несколько возов сена, свалили его недалеко от окон школы (к самым окнам их не подпускали выстрелы осажденных) и зажгли. Но и это не помогло, чердынцы выдержали осаду до конца. В этой осаде погибли Эрнест Апога и еще несколько человек, убитые во время перестрелки. Но благодаря мужеству и стойкости чердынцев повстанцам не удалось захватить школу, где было много оружия и патронов. Это помешало разрастись кулацкому восстанию, и оно было задушено в самом зародыше.

НОВЫЙ КОМИССАР ПОЛКА

После ликвидации кулацкого мятежа в Юрле мы оставались недолго, всего два или три дня. Здесь мы похоронили своих товарищей, ставших жертвой этого восстания, а большую партию арестованных участников его отправили в 22-й полк, к кизеловцам, которые должны были доставить их в штаб бригады. Сюда в Юрлу к нам прибыл новый комиссар полка Сергей Петрович Кесарев. Прежний же, Дидковский, уезжал в Вятку по вызову Уральского обкома партии. Вскоре он был назначен начальником снабжения 3-й армии.

Новый комиссар первое впечатление произвел неважное. При разговоре часто краснел и смущался, как красная девица, и показался мне уж очень молодым и неопытным.

«Какой же это комиссар! — подумал я. — Как он сможет влиять на людей, когда надо будет вести их в бой?». Но потом, познакомившись с Кесаревым поближе, я убедился, что мое первое впечатление о нем было ошибочным. Несмотря на свою молодость, он уже многое испытал в жизни: работал на Лысвинском заводе и на Кизеловских копях, получил хорошую закалку как коммунист, руководя парторганизацией Кизела, успел получить боевое крещение, как рядовой боец сражаясь в 22-м Кизеловском полку против белых.

Комиссар 23-го Верхкамского полка Сергей Петрович Кесарев

В нашем полку он скоро завоевал себе авторитет. Вспоминаю случай, который произошел в селе Белоево, куда мы перебрались из Юрлы.

Один боец команды конных разведчиков стащил у белоевского мужичка поросенка. Крестьянин пожаловался комиссару. Вызвали начальника команды. Предложили ему найти и наказать виновника, а поросенка вернуть хозяину. Но бравый командир заявил:

— Мои разведчики не мародеры, это клевета!

Решили выстроить всю команду, чтобы крестьянин указал, кто взял поросенка. Начальник команды пришел в бешенство. Крестьянин перепугался и готов был отказаться от своей жалобы, но Кесарев все-таки настоял на том, чтобы команда была выстроена. Крестьянину же он сказал:

— Ты можешь не говорить, кто взял у тебя поросенка. Я узнаю сам. Мы вместе с тобой будем обходить строй, я буду подходить к каждому бойцу и спрашивать тебя: «Этот?». Ты будешь отвечать на мой вопрос только одним словом «нет». Когда же мы подойдем к тому, который утащил твоего поросенка, тогда ты ответишь: «Нет, не он». Понял ты меня?

— Да, понял, — ответил крестьянин.

Построили команду. Начался опрос. Разведчики выражали

недовольство, нервничали, атмосфера накалялась. Комиссар спокойно спрашивал, подходя к каждому разведчику:

— Этот?

— Нет, — коротко отвечал крестьянин.

Обошли уже больше половины команды, и вот на очередной вопрос комиссара: «Этот?» — мужик, волнуясь, медленно ответил:

— Нет. Не он.

Комиссар обвел суровым взглядом команду и, обращаясь к крестьянину, сказал:

— Ты говоришь, не он? Неправда! Поросенка стащил он! Я по глазам вижу, — и, выждав минуту, повелительно скомандовал: — Шаг вперед!

Виновник медленно шагнул вперед и встал перед комиссаром, опустив голову. Уши его покраснели. Вначале он пытался что-то бессвязно говорить, оправдываться, потом, опустив еще ниже голову, еле слышно сказал:

— Виноват, товарищ комиссар. Поросенка верну, он у меня.

Команда стояла как вкопанная. Разведчики были поражены: как мог комиссар узнать виновника? Грозный и гордый начальник команды обмяк, и ему стало как-то не по себе.

Этот случай скоро стал известен всему полку, и после него уже никто не решался скрывать что-нибудь от комиссара или сказать ему неправду.

Вечером комиссар собрал всех коммунистов команды и поставил перед ними вопрос:

— Как могло случиться такое мародерство в команде, где каждый пятый является коммунистом? Как вы могли допустить обидеть труженика-крестьянина, защитниками которого вы являетесь?

Коммунисты молчали. Они понимали, что им нечего ответить на этот простой и ясный вопрос. Кто-то попытался заявить нерешительно, что он не знал об этом случае. Кесарев, не обращая внимания на это заявление, сказал просто и решительно:

— Мы являемся воинами Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и наш святой долг защищать рабочих и крестьян не на словах, а на деле, и коммунисты должны показать пример и быть впереди не только в бою, а везде. Я думаю, что это всем понятно?

— Да, товарищ комиссар! — ответили почти хором коммунисты.

— Давайте так и условимся, чтобы больше не допускать такого позора. А пока можно разойтись.

Облегченно вздохнув, коммунисты стали расходиться.

— Дал жару! — сказал, выходя из хаты, Симаков.

— Он прав, — ответил ему кто-то. — Действительно, какие

же мы защитники будем, если допустим мародерство!

Новый комиссар, как опытный партийный работник, хорошо сумел организовать и партийно-политическую работу в полку. Он мало сидел в штабе. Любил быть больше среди бойцов и на передовых позициях. Крепко опирался на массы, и они его хорошо понимали и доверяли ему все свои думы и чаяния. Бойцы звали его часто только по имени «Сергей». Это задушевное отношение делало его своим, близким человеком и внушало к нему большую любовь и доверие.

ПЕРЕЛОМ

В начале февраля 5-я бригада, куда входили 21, 22 и 23-й полки, по распоряжению штаба армии была выделена из состава 29-й дивизии и переименована в Особую бригаду 3-й армии.

Позднее эта бригада пополнилась 61-м стрелковым Рыбинским полком, прибывшим из центра, и одним кавалерийским полком под командованием Прокопия Беляева, бывшего кавалерийского офицера.

Создание Особой бригады было вызвано тем, что управление бригадой из штаба дивизии в условиях растянутого фронта было сильно затруднено.

Командиром Особой бригады был назначен бывший начальник 29-й дивизии Васильев, комиссаром — кизеловец Миков (комиссар 22-го кизеловского полка); начальником штаба был старый военспец Мацук, честный и талантливый офицер старой армии.

Комбриг Васильев был опытным и талантливым военным руководителем. Обладая большой силой воли и непреклонным характером, он сумел подчинить себе самых закоренелых партизанствующих командиров. Васильев пользовался огромной популярностью и любовью не только среди командного состава, но и у красноармейцев. С его приходом все в бригаде почувствовали себя как-то увереннее, как будто за нашей спиной появилась каменная стена. Как коммунист и как бывший офицер, Васильев пользовался доверием и у советских командиров, и у бывших офицеров. Он, прежде всего, обладал прекрасной, отзывчивой душой и кристально честным характером. Как бывший рабочий, Васильев ставил превыше всего интересы партии. Он был беспредельно предан нашей советской Родине. Васильев мог в трудный момент, не боясь последствий, взять на себя любую ответственность, если это нужно было для дела, и тот, кто работал с ним, знал, что он не будет прятаться за чужую спину и не подведет никогда.

Наш 23-й полк занимал участок фронта длиной около 60 километров. Штаб его находился в селе Кудымкор. Линия обороны полка проходила через деревни Касаткино, Руссой, Титово, Косогор, Епаново, Карасево.

За свой правый фланг мы были спокойны. Там располагался 22-й Кизеловский полк, штаб которого находился в селе Купросе. Но левый фланг доставлял очень много беспокойства, так как левее нас никого не было и белые все время старались обойти с этого фланга.

Чтобы попасть из штаба нашего полка в батальоны, нужно было проехать до них не меньше 30—40 километров — так были разбросаны подразделения полка. На таком растянутом фронте оборону можно было держать только посредством создания отдельных опорных пунктов, расположенных на несколько километров один от другого.

Опорные пункты создавались в селениях с хорошим обзором. Вокруг них возводились окопы из снега, которые обильно поливались водой, и, когда все промерзало, получались неплохие укрепления. Промежутки между опорными пунктами патрулировались лыжниками.

Снег был настолько глубок, что наступать и вообще двигаться можно было только по дорогам. Без дорог можно было ходить только на лыжах, и это хорошо поняли в первую очередь командир лыжной команды Меньшиков и его помощник Иконников. Наши лыжники безнаказанно проникали в глубокий тыл противника, нападали на обозы, возвращаясь с трофеями и пленными. Поэтому лыжная команда была окружена в полку уважением и славой.

Меньшиков был очень смелым и храбрым командиром. Прекрасный стрелок, он заслуженно пользовался большим авторитетом, и единственный в полку пулемет системы «Льюис» был передан на вооружение лыжной команде. Владел им сам Меньшиков.

Лыжи стали общей потребностью, они стали необходимы как хлеб, как воздух. Каждая рота старалась иметь у себя хотя бы небольшую группу лыжников.

Началась охота за лыжами. Во всей округе лыжи от населения переходили к бойцам, во многих ротах бойцы начали сами делать лыжи. 1-я и 4-я роты привлекли к этому делу и местное население и первыми сумели поставить всех своих бойцов на лыжи. Другие роты не хотели оставаться в хвосте, и скоро почти весь полк встал на лыжи. Это дало нам возможность перейти к активной обороне. Роты по собственной инициативе начали совершать лыжные набеги в тыл врага.

В это время особенно сильно пробудилась партизанская душа наших подразделений. Командир 1-й роты Моисеев, оставив на участке своей роты небольшой заслон, самовольно организовал лыжный рейд по тылам противника, оголив свой участок. Этот первый лыжный рейд по тылам противника, хотя и самовольный, удался. Моисеев привел с собой пленных и взял богатые трофеи. Вначале мы хотели Моисеева наказать за своеволие, но, помня пословицу «победителя ее судят», оставили дело без последствий.

Пример Моисеева оказался заразительным. Командир 4-й

роты Копылов повторил почти такой же рейд по тылам белых и привел в плен своего земляка и однофамильца белого офицера. Правда, Копылов путешествовал только с одним взводом, роту он оставил на своего заместителя, и занимаемый ею участок не был оголен.

Эта активная деятельность, начатая с низов, потом была поддержана и сверху, так как правильно решала тактическую задачу обороны на растянутом фронте в зимних условиях.

В первых числах февраля 23-й полк численно увеличился: к нам влился Кувинский отряд под командованием Жилякова, а через несколько дней прибыл отряд Ольшевского. Последний переименовали в 5-ю роту и вместе с Кувинским отрядом, где было много коммунистов, выдвинули на прикрытие нашего левого фланга. Рота эта вошла в состав 2-го батальона, и командиром ее некоторое время оставался Ольшевский. Позднее, когда командира 2-го батальона Покровского назначили начальником полковой школы, Ольшевский принял 2-й батальон, а 5-й ротой стал командовать чердынец Собянин Александр Иванович, показавший себя способным командиром. До этого Собянин работал в продотряде. Когда подошли белые и началась эвакуация Чердыни, он сопровождал обозы с государственным имуществом до Вятки и хорошо справился с этим трудным делом, а потом вернулся в действующую армию. Ему и была поручена оборона этого важного участка.

Левый фланг беспокоил не только нас, но и штаб 3-й армии, так как противник сильно нависал над главными силами армии, действовавшими в направлении Вятка — Пермь. Штаб все время напоминал нам о значении этого фланга, но сам почти всю зиму ничего не предпринял, чтобы усилить его. И только к концу февраля 1919 года нам наконец сообщили, что из Вятки двинулся крупный лыжный отряд в район Кайгорода, на усиление левого фланга армии.

Нам предложено было установить с этим отрядом связь. Сколько мы ни пытались связаться с ним, как далеко ни заходили наши лыжники, но никаких признаков этого отряда обнаружить не удалось.

Мрачковский, которому было поручено командование этим отрядом, видимо, не торопился. Он топтался где-то в нашем глубоком тылу и ждал, когда растает снег, чтобы можно было сослаться на объективную причину, помешавшую ему добраться до фронта. Появления на нашем левом фланге экспедиционного лыжного отряда мы так и не дождались.

Ведя активную оборону, наши полки окрепли, получив большой опыт боевых действий на растянутом фронте. Применяя

тактику отдельных укрепленных пунктов и активно действуя подвижными группами лыжников, части Особой бригады сильно измотали 5-ю Сибирскую стрелковую дивизию белых, которая действовала здесь. Против нашего 23-го Верхкамского полка стоял 18-й Тобольский полк белых, который когда-то активно преследовал нас, а теперь, измотанный нашими подвижными группами, потерял инициативу и зарылся в снег.

Кизеловцы действовали на своем участке не менее активно, и 22-й полк по праву считался в бригаде одним из лучших полков. Ему старались подражать другие полки. Так, кизеловцы ввели своеобразную систему пополнения полка людским составом: пленных они не отсылали в тыл, а использовали на строительстве окопов и других работах, а затем, проведя соответствующую обработку, пополняли ими свои роты. Узнав об этом, 23-й полк тоже стал применять такой способ пополнения. Это помогло нам численно расти, не получая пополнения из запасных частей.

Командование Особой бригады сначала смотрело на это сквозь пальцы, а потом вынуждено было организовать в бригаде запасный полк. Командование запасным полком было поручено бывшему командиру Камышловского полка Некрасову, «бате», как звали его у нас в бригаде. Некрасов, бывший унтер-офицер, происходил из крестьян Камышловского уезда. Это был крепко сбитый мужичок лет сорока, среднего роста, медлительный, спокойный, очень уравновешенный. Опытный командир и хозяйственный человек, он быстро организовал подготовку пополнения.

Кизеловцы и верхкамцы не могли не заглядывать вперед. У нас плохо обстояло дело с младшим комсоставом — отделенными и звеньевыми. Не помню сейчас, чья была инициатива, но в наших полках почти одновременно в конце февраля 1919 года возникли полковые школы для подготовки младшего комсостава. Они начали работать очень успешно. Эти школы, или учебные команды, как их часто называли, одновременно учились и дрались. Они часто использовались как ударные группы, как самый надежный и последний резерв командира полка. Размещаясь в тылу, на линии обозов второго разряда, они своим присутствием вносили успокоение и уверенность в тыловые органы, часто страдавшие от налетов разных банд, которых в то время развелось немало.

В этот период снабжение всеми видами довольствия, несмотря на большую удаленность бригады от основных баз, значительно улучшилось. Мы стали получать регулярно и боеприпасы и продовольствие в пределах возможностей, какие тогда имелись.

В Кудымкоре, где стоял штаб 23-го полка, жизнь била ключом. Развернулась культурно-просветительная и политическая работа. В клубе проводились собрания, постановки, велась и другая работа не только с бойцами, но и с местным населением.

В это время мы отправили из полка сразу двух человек в центр. Один из них, Сологуб, был избран делегатом на VIII партийный съезд, а другой, помкомполка Богданов, послан держать экзамены в военную академию.

Вместо Богданова помощником командира полка был назначен Ольшевский. Он был прекрасный командир, умел сочетать пылкую отвагу с холодным расчетом и ярую ненависть к врагу с разумной выдержкой. Хорошо образованный и тактически грамотный, он являлся прекрасным помощником, на которого можно было смело положиться и доверить любое дело, любой участок. Но в полку Ольшевского почему-то недолюбливали, считали его сухим, черствым человеком. Богданов был менее образован, медленнее разбирался в боевой обстановке, но любили его в полку больше, больше доверяли, считали его своим, хотя он также был офицером старой армии. Когда Богданов уехал из полка, многие искренне жалели об этом.

Вместе с Ольшевским в полк прибыл Давыдов, один из кизеловских советских работников. Он уезжал в Вятку ликвидировать какие-то дела, но попал под партийную мобилизацию и был направлен на фронт. Давыдов принял 2-й батальон после Ольшевского. По всему было видно, что эта должность Давыдова не удовлетворяла, так как он считал себя способным на большее, но ничего большего не показал, как говорят, «пороху не выдумал», и особенной любовью у бойцов он тоже не пользовался.

ЛИКВИДАЦИЯ ПРОРЫВА НА УЧАСТКЕ 29-й ДИВИЗИИ

В марте 1919 года белые, сосредоточив значительные силы, вновь переходят в наступление по линии Пермь — Глазов и прорывают фронт на участке 29-й дивизии, тесня ее полки к станции Чепца.

Командарм 3 Меженинов дает распоряжение комбригу Особой Васильеву снять с левого фланга бригады 22-й Кизеловский и 23-й Верхкамский полки и срочно на подводах перебросить их для ликвидации прорыва в район станции Чепца. Остальные части бригады приказано было отвести в район верховьев Камы на линию Афанасьевское и Гордино.

На пятые или шестые сутки 22-й и 23-й полки прибыли в район прорыва и поступили в распоряжение командира 1-й бригады 29-й стрелковой дивизии, бывшего полковника старой армии Андрианова, который почти с ходу направил их в бой: 22-й полк — в район станции Чепца, а 23-й — в район села Кулиги. Передовые части белых, встретив неожиданное упорное сопротивление наших полков, откатились назад в ожидании подхода главных сил. За это время нам удалось на северной окраине села Кулиги, используя господствующую высоту, организовать хорошую оборону. Белые, подтянув главные силы, вновь атаковали наши части. Завязались жаркие бои, длившиеся несколько дней подряд. Здесь мы применили тактику, выработанную в районе Кудымкора: упорное сопротивление в населенных пунктах и активные действия подвижных лыжных групп, которые легко, особенно ночью, проникали в тылы противника. Наши лыжники нервировали и изматывали противника. Эта тактика помогла кизеловцам и верхкамцам остановить противника и ликвидировать прорыв. Фронт вновь стабилизировался. Обе стороны начали укреплять ледяные окопы и обживать новые позиции.

На смену нам пришли приведшие себя в порядок полки 29-й дивизии. Кизеловцев сменил полк «Красных орлов», верхкамцев — волынцы. После этого мы отправились в распоряжение штаба своей Особой бригады и нас отвели на отдых в Омутнинский завод, что северо-западнее города Глазова.

Пока мы ликвидировали прорыв на участке 29-й дивизии, в район села Афанасьевского и Залазнинского завода был послан на усиление левого фланга Особой бригады 10-й Московский полк, только что прибывший из центра. Полк этот состоял в своей

массе из московских кустарей, парикмахеров, пекарей, поваров, ресторанных официантов. Командный состав был подобран из мобилизованных офицеров старой армии. Коммунистов в полку было очень мало, промышленных рабочих в нем не было совсем. Поэтому, несмотря на хорошее вооружение и прекрасное обмундирование, полк оказался малобоеспособным и морально неустойчивым. При первой же встрече с противником, восточнее Залазнинского завода, полк, не выдержав напора белых, в панике начал отходить по дороге на Глазов, оголяя левый фланг 3-й армии и подставляя его под удар противника. Комбриг Васильев вызвал меня к прямому проводу и, кратко обрисовав обстановку, приказал немедленно выступать, чтобы прикрыть дорогу, ведущую с Залазнинского завода на Глазов.

— Жаль, товарищ Пичугов, что не дали отдохнуть вашему полку, но что же делать? — сказал он. — Надо восстановить положение. Желаю успеха!

К концу того же дня мы были в районе деревни Вороны, где встретили отходящие в беспорядке отдельные группы бойцов 10-го полка. Я приказал коменданту нашего полка задерживать их и собирать в отдельные команды. Потом нам стали попадаться боевые обозы — новенькие пулеметные двуколки, легкие пушки системы «Гочкис», установленные на санях; при них был некоторый запас снарядов. Все это поспешно и в беспорядке двигалось по дороге на Глазов. Видя это, мы удивлялись, как можно с таким вооружением так позорно бежать. У наших бойцов разгорались глаза.

— Эх! Вот бы нам такое!.. — мечтательно говорили они, а некоторые горячие головы решительно предлагали:

— Чего смотреть? Взять эти пушки и пулеметы в наш полк, и вся недолга. Все равно они отдадут их белым.

Но такое самоуправство нельзя было допустить, хотя даже командиры в душе были согласны с бойцами. Было строжайше запрещено что-либо трогать из военного имущества и оружия. Но, невзирая ни на какие запреты, некоторые наши конники самовольно забрали новенькие седла и спрятали их подальше от глаз начальства.

Двигаясь дальше, мы встретили штаб 10-го полка. Командир полка и целая свита щегольски (по тем временам) одетых офицеров спокойно ехала нам навстречу. У каждого офицера было новое, прекрасно сшитое обмундирование, блестящие новенькие желтые ремни. У них были даже термосы для чая. Наши командиры, одетые кто во что, выглядели куда менее эффектно, но самого плохого из них я не променял бы на всю эту свиту.

ОБОРОНА ПОД ЗАЛАЗНОЙ

Преследуя 10-й полк, противник неожиданно напоролся на верхкамцев, которые, пропустив сквозь свои ряды московских парикмахеров и официантов, во встречном бою крепко стукнули разошедшихся беляков.

— Это вам не цирюльники, — приговаривали красноармейцы, осыпая белых градом пуль и ругательств.

Как вскоре выяснилось, против нас действовала Пермская дивизия белых, сформированная ими вскоре после занятия Перми из мобилизованных крестьян Пермской губернии. Тут был и Чердынский полк, оказавшийся в это время против нас. И получилось, что с одной стороны — белые чердынцы, а с другой — краевые. Белые чердынцы большого упорства в наступлении не проявляли. Они пытались еще несколько раз атаковать нас, но каждый раз, получив крепко по зубам, откатывались и отходили к Залазнинскому заводу. Вскоре разведка установила, что белые начинают лихорадочно укрепляться под Залазной, делая засеки и опутываясь колючей проволокой. Это был уже признак того, что от наступления они отказались.

Мы также получили распоряжение укреплять свои позиции. Участок нашего полка здесь тоже был растянут на несколько десятков километров, и нам пришлось применить ту же тактику, что и в кудымкорской обороне.

Однако вскоре условия обороны резко изменились. Дело близилось к весне, и наши ледяные окопы под лучами весеннего солнца стали оседать и таять. Земля же была еще настолько мерзлой, что взять ее походной солдатской лопатой было невозможно. Вспоминается курьезное донесение командира 5-й роты Собянина: «Солнце припекает, снег тает, садится, и окопы наши убегают вместе с ручьями».

Положение усложнялось еще тем, что белые начали проявлять активность. Бывали случаи, когда они по ночам проникали к нам в тыл, пробираясь между опорными пунктами.

Чтобы в какой-то степени обезопасить нас от этих неожиданных визитов или хотя бы предупредить их, красноармеец 2-й роты Губанов Константин предложил оригинальный выход — в промежутках между подразделениями ставить самодельные мины. Делалось это так: укладывалась на землю ручная граната, укреплялась на месте, а за ее предохранительное кольцо привязывалась тонкая проволока или телефонный провод, который туго натягивался и проходил

близко к земле в обе стороны от гранаты, параллельно линии фронта. Достаточно было зацепиться за туго натянутую проволоку, как предохранительное кольцо соскакивало и немедленно следовал взрыв гранаты. Это служило сигналом того, что на данном участке появился противник. Тогда с обоих соседних опорных пунктов открывался огонь, и затем к месту взрыва устремлялись дежурные взводы, чтобы окружить и изловить появившегося противника. Правда, изловить и окружить не всегда удавалось, но «граната-патруль», как прозвали эти самодельные мины, почти всегда нас предупреждала о попытке противника пробраться в наш тыл.

ХИТРОСТЬ НЕ УДАЛАСЬ

В апреле 1919 года обстановка на фронте Особой бригады стала сравнительно спокойной. На самом левом фланге, почти в тылу у нас, в Омутнинском заводе по-прежнему располагался 22-й Кизеловский полк. Он как бы составлял резерв бригады. Правее его, уступом вперед, занимал оборону на подступах к Глазову 23-й Верхкамский полк. Еще правее по фронту располагались 21-й Мусульманский и 61-й Рыбинский полки.

Разрыв между 22-м и 23-м полками составлял около 30 километров и охранялся он только подвижными патрулями. Телефонная связь со штабом бригады и между 22-м и 23-м полками проходила недалеко от линии фронта, поэтому часто подвергалась порче со стороны противника. Были случаи, когда противник включался в нашу телефонную связь и подслушивал служебные разговоры.

Надо отдать должное разведывательной службе белых: они были прекрасно осведомлены не только о наших частях, но и знали хорошо фамилии, имена и отчества всех командиров и комиссаров, до командиров полков включительно. Один раз мы даже получили по телефону провокационный приказ. Нам предлагалось от имени командования Особой бригады отойти на новые позиции. Но составители этого приказа немного пересолили и этим выдали себя. Перед подписью комбрига и комиссара они вставили слово «товарищ». Когда я стал читать приказ — телефонограмму, мне бросилось в глаза это не совсем кстати упомянутое слово «товарищ». В порядке проверки решили позвонить в штаб бригады, но обнаружили, что связь с ней прервана. Тогда я попросил к себе комиссара, чтобы поделиться с ним моими сомнениями. Комиссар полка Рычков был человеком новым у нас, его только что прислали вместо Кесарева, переведенного в бригаду с повышением. Рычков был в полку шестым комиссаром, со всеми предыдущими я срабатывался хорошо, потому что они, как и я, ставили выше всего интересы общего дела, а Рычков выставлял основным принципом личное «я». Мне это с первого же дня не понравилось, и я ему прямо сказал об этом. Он обиделся. И в этот раз, когда я попросил его зайти в штаб, чтобы обсудить создавшуюся обстановку, он зашел, но, не выслушав, начал возмущаться:

— Я комиссар и вам не подчинен, вы не имеете права меня вызывать!

Стараясь быть спокойным, я заявил ему:

— Я пригласил вас по делу, чтобы посоветоваться. Получен

приказ из штаба бригады об отходе, — и передал ему телефонограмму. — Мне кажется он подозрительным, проверить нет возможности: линия не работает. Разрыв линии произошел вскоре после передачи этого приказа.

Рычков прочел телефонограмму и, возвращая ее мне, назидательно заявил:

— Что же тут подозрительного? Приказ есть приказ. Мы обязаны его выполнять.

— Я это знаю не хуже вас. А если это ложный приказ? — спросил я его.

— По-вашему, командование лжет? Комиссар бригады подписывает ложные приказы? — горячился Рычков, выходя из себя. — Как вы можете не доверять командованию бригады?

— Напрасно горячитесь, товарищ комиссар! — сказал я, стараясь не повышать голоса. — Давайте спокойно разберемся. Прежде всего надо подождать: по линии посланы люди, чтобы восстановить связь. Когда связь будет восстановлена, мы будем иметь возможность проверить правильность приказа. Кроме того, обратите внимание на одну мелочь: при подписях комбрига и военкома ни к селу ни к городу вставлено слово «товарищ».

— Это могли перепутать телефонисты, — продолжал упорствовать Рычков.

— Нет. Это перепутали не телефонисты, а белые генштабисты, — сказал я уверенно.

В это время адъютант Подраменский доложил, что связь восстановлена. Когда я подошел к трубке, то услышал мощный голос Королева, командира 22-го полка.

— Сволочи! Ловко придумали!.. — закричал он в трубку, когда узнал от меня о лжеприказе. — Меня ведь тоже пытались угостить подобной стряпней, но я-то мог проверить, у меня связь с бригадой работает исправно.

Рычков был обескуражен, и видно было, что он недоволен, что так кончилось.

К концу дня белые решили проверить действие своего приказа — не ушли ли мы? Выслали усиленную разведку. Комбаты, заранее предупрежденные и проинструктированные, подготовили красноармейцев. Наши позиции как будто вымерли. Когда же белые, обманутые тишиной, подошли совсем близко, наши ударили так, что мало кто из них ушел обратно в Залазну. Обман белым вышел боком.

После этого противник успокоился на целый месяц и подобных пакостей нам больше не устраивал.

ПЕРЕЛОМ В НАСТРОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА

После VIII съезда партии, который проходил в марте 1919 года, настроение крестьянства резко изменилось в нашу пользу. В апреле вернулся со съезда наш делегат товарищ Сологуб. Он рассказал о принятых решениях на съезде сначала на партийных собраниях, а потом на собраниях бойцов полка. Некоторые коммунисты по собственной инициативе стали проводить беседы среди крестьян в деревнях, где были расположены наши части. Затем нашлись охотники провести такие беседы и в деревнях, расположенных в ближайшем тылу, где не было воинских частей.

Крестьяне восприняли решения VIII съезда с большим удовлетворением. Им пришлось по душе, что партия коммунистов отделяет середняков от кулачества и будет считать середняка своим человеком, своим союзником. В беседах середнякам было откровенно сказано, что VIII съезд осудил негодную практику местных работников, которые смешивали середняка с кулаком и распространяли на середняка те же меры, которые надо было распространять на кулачество, как классового врага. Середнякам разъяснили, что VIII съезд партии наметил ряд мер по оказанию помощи крестьянам: снабжение улучшенными семенами, улучшение породы скота, распространение агрономических знаний, организация мастерских по ремонту крестьянского инвентаря и другие.

Решение VIII съезда сильно всколыхнуло среднее крестьянство. Кроме того, сведения, которые доходили до крестьян от белых, об их отношении к крестьянству, о порках и расправах за барские земли и поместья заставили середняка сделать крутой поворот от эсеров к большевикам и от белых к красным.

НАСТУПЛЕНИЕ

Близился конец апреля. Снег исчез почти везде и оставался только кое-где в лесу. Снежные окопы постепенно сменились настоящими, земляными. Обстановка на фронте была сравнительно спокойной. Штаб нашего полка перебрался из деревни Вороны в деревню Слуцкая, чтобы быть в центре полкового участка обороны. Весной «на своих двоих» далеко не уедешь. В ротах вместо лыжных команд стали появляться сначала конные связные, потом конные разведывательные группы. Количество подвод уменьшилось до минимума, зато росли конные группы: обозные лошади превращались в верховых.

Весна скоро прошла. Отшумели ручьи, стали просыхать дороги. Обе стороны как будто пробудились от зимней спячки и начали проявлять большую активность, в особенности оживились разведчики. Это говорило о том, что обе стороны готовились к наступлению. Кто же начнет первым?

В одну из ночей в начале мая крупная разведывательная группа белых, пройдя незаметно болотом в промежутке между 22-м и 23-м полками, попыталась сделать внезапный налет на деревню Слуцкая, где размещался штаб 23-го Верхкамского полка. Видимо, белые собирались захватить нужные им документы или кого-нибудь из штаба полка, чтобы потом уже действовать наверняка. К нашему счастью, группа эта была обнаружена до подхода к деревне Слуцкая, и мы смогли своевременно подготовиться к встрече непрошеных гостей. Бой длился недолго. Разведчики были загнаны в самую трясину болота и почти все уничтожены. Это была последняя попытка 1-й Пермской дивизии белых насолить нам.

Вскоре командование Особой бригады провело перегруппировку своих частей. 23-й Верхкамский полк был выведен в армейский резерв. 22-й Кизеловский получил приказ о наступлении на Залазнинский завод, а 61-й стрелковый Рыбинский полк — на деревню Ежи.

На рассвете 11 мая части Особой бригады перешли в решительное наступление. Кизеловцы, обрушившись неожиданным ударом на части 1-й Пермской дивизии белых, сломили их сопротивление и заняли Залазнинский завод. В Залазне было захвачено большое количество пленных и значительные трофеи. Белые, нигде не останавливаясь, в панике бежали до верховьев Камы.

Перед Камой кизеловцев сменил 23-й Верхкамский полк. Форсировав реку у села Афанасьево, верхкамцы устремились по

правому берегу Камы на юг, намереваясь перерезать железную дорогу Пермь — Вятка между станциями Кез и Верещагино. В это время части белых, действовавшие по линии железной дороги, вели наступление на Глазов и, потеснив 29-ю стрелковую дивизию, заняли его. Почувствовав угрозу в своем тылу, белые приостановили наступление и задержались в Глазове, решив сначала ликвидировать опасную для них нашу группу. Навстречу нам в село Ново-Гординское были направлены лучшие ударные части белых — егерские отдельные батальоны. В ожесточенных встречных боях с верхкамцами они потеряли половину своего состава и вынуждены были перейти к обороне. В это время части 29-й дивизии, оправившись, перешли в наступление по железной дороге, вновь заняли город Глазов, потом станцию Верещагино и начали теснить белых к Перми.

Это было началом разгрома колчаковской белой армии.

1-я Пермская дивизия белых после Залазнинской операции так и не оправилась и перестала существовать как серьезная боевая единица. Корпус генерала Пепеляева, который сражался против Особой бригады и 29-й дивизии, тоже был изрядно потрепан и катился до самой Камы, почти нигде уже не оказывая настоящего сопротивления.

Особая бригада, двигаясь севернее железной дороги, форсировала второй раз Каму возле Добрянского завода и продолжала свое движение на восток. В районе Верхне-Чусовских Городков кизеловцы и верхкамцы в упорных боях разгромили морскую дивизию белых, которой командовал контр-адмирал Старков. Здесь за счет этой дивизии 22-й и 23-й полки пополнились вооружением, английскими пулеметами «Кольт» и средствами связи. Только теперь эти полки были по-настоящему вооружены.

11 июля части Особой бригады занимают станцию Калино. В этот же день 21-й Мусульманский полк занимает Чусовую. Однако 22-й и 23-й полки, двигавшиеся севернее Мусульманского полка, встречают в районе Пашии и Кусье-Александровского завода упорное сопротивление со стороны двух штурмовых бригад белых. В ожесточенном бою эти штурмовые бригады были разбиты и один из командиров бригад взят в плен вместе с остатками своих штурмовиков.

Здесь наши полки пополнились еще раз хорошим вооружением за счет союзников Колчака.

Разбитые части белых отступали так поспешно, что побросали все свои обозы и материальную часть. Тракт от Кусье-Александровского завода до завода Бисер, как вспоминает комбриг Особой Васильев, был забит в четыре ряда повозками.

Трудно было проехать даже верхом на лошади.

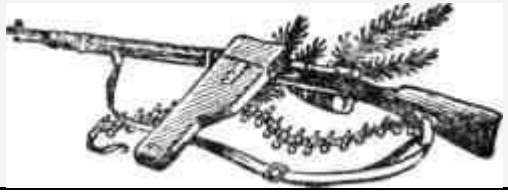
Двигаясь по пятам разбитого противника, верхкамцы и кизеловцы заняли еще ряд городов и заводов на Северном Урале: города Кушву, Нижний Тагил, Алапаевск, заводы Баранчихинские, Лайские, крупную узловую станцию Егоршино, станцию Поклевская, село Талица. Жители освобожденных городов и деревень, испытав на себе все прелести «свободной» белогвардейской жизни, с радостью встречали части Красной Армии, видя в них своих избавителей. Были случаи, когда попы под давлением верующих с хоругвями выходили встречать наши части. Так было в Верхней Туре.

В селе Талица 15 августа наши доблестные полки влились во вновь созданную 51-ю дивизию (позднее названную Перекопской), которая была сформирована из частей Особой бригады, крепостных полков Вятского укрепленного района и Северного экспедиционного лыжного отряда. Командиром этой дивизии был назначен В. К. Блюхер, талантливый военный руководитель, первый кавалер ордена Красного Знамени, ставший широко известным после героического похода по тылам белых объединенного красногвардейского южноуральского отряда.

Кизеловский и Верхкамский полки явились прочным ядром 51-й дивизии. Они создавались в тяжелых условиях и дрались вначале почти голыми руками. У них долгое время было слабое вооружение, пока они не добыли его сами в тяжелых и кровопролитных боях с противником. Но у этих полков было свое мощное оружие, которого не было у противника, — это ясное сознание того, за что они дрались. Они знали, что дерутся за первое в мире рабоче-крестьянское государство, за власть мозолистых рук, за коммунистическую партию, которая умело и успешно руководила этой борьбой.

Здесь я расстался с кизеловцами и верхкамцами. Меня вызвали в город Екатеринбург (ныне Свердловск) и поручили формирование 2-го Крепостного полка, с которым я продолжал борьбу против Колчака уже в Сибири.

На протяжении всей своей боевой истории кизеловцы и верхкамцы всегда были верными бойцами революции, не раз показывая образцы героизма и революционной стойкости. Приказом Реввоенсовета Республики за № 420 от 30 августа 1920 года за отличие в боях с врагами социалистического Отечества оба эти полка были награждены Почетными революционными красными знаменами.



Часть четвертая
2-й КРЕПОСТНОЙ ПОЛК. В ВОЙСКАХ ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА

В середине августа 1919 года 3-я и 5-я армии Восточного фронта вышли на линию реки Тобол уступом вперед по отношению к войскам Туркестанского фронта, которые в это время были на линии Орск — Лбищенск. Отдельные части 3-й и 5-й армий, преследуя противника, форсировали реку Тобол. Завязались упорные бои с переменным успехом. Это была последняя отчаянная попытка сибирской контрреволюции остановить наступление Красной Армии. Она имела некоторый успех — белым удалось задержать наши части и даже кое-где значительно потеснить их. Оторванные от своих баз, измотанные в беспрерывных боях, они стали отходить к Тоболу. Положение на фронте создалось серьезное.

Чтобы не пустить Колчака вновь на Урал, командование 3-й армии срочно начало создавать Екатеринбургский укрепленный район, руководителем которого был назначен бывший комбриг Особой Васильев. Ему поручили в срочном порядке приступить к формированию свежих частей (крепостных полков).

Формирование 1-го Крепостного полка было поручено С. П. Попову, участнику блюхеровского похода. 2-й полк было приказано формировать мне. 3-й полк начал формировать некий Лаврушев, который начинал формировать и 1-й Крепостной полк, но ни с одним полком на фронт не поехал. Позднее командиром 3-го Крепостного полка был назначен Григорьев, бывший комбат полка «Красных орлов», с ним он и уехал на фронт.

Приказ о формировании 2-го Крепостного полка я получил 2 сентября. Получая назначение, я спросил коменданта Екатеринбургского укрепленного района Васильева:

— Откуда будут поступать люди на пополнение полка?

На это он ответил:

— Получишь из военкомата бывших белых: пленных и перебежчиков.

Сначала я принял его заявление за шутку, но потом вижу, что Макар Васильевич говорит серьезно. Мне как-то сразу стало не по себе: казалось странным, что вчерашние враги станут нашими бойцами. Васильев, заметив мое смущение, заверил, что это будут хорошие солдаты, потому что они испытали на своей собственной шкуре власть белых и вряд ли захотят вновь ее иметь.

— Так вот, товарищ Пичугов, — сказал он после некоторой паузы, — драться они будут, как львы: это сибиряки, а ты их знаешь. Им надо скорее освободить свои села и деревни и вызволить из-под власти белых семьи. Ты это учти. Они будут

драться хоть голыми руками. — Подумав немного, Васильев добавил: — Мы можем дать им только винтовки, немного патронов и одеть их в молескиновые шинели. Вот и все, что мы можем дать сейчас крепостным полкам. Чего не хватает, добудете в бою и довооружитесь за счет противника. Белых союзники снабжают хорошо. Лошадей тоже не получите. Мобилизуйте, покупайте у населения. Мы вам дадим только самый минимум — для пулеметных и патронных двуколок и несколько верховых.

— Срок формирования, — заявил Васильев, — не больше трех недель, а если сумеешь сократить, будет очень хорошо. Постарайся это сделать.

— А где же мне брать командный состав? — спросил я.

— Помощник у тебя есть. Знающий парень, бывший офицер, фамилия его Карташев. Он из Вятского укрепленного района, ведал орготделом. На другие командные должности дадим немного краскомов пехотных курсов. Но на них особенно не рассчитывай, у большинства из них нет боевого опыта, — поспешил «утешить» Васильев. Потом подумал и, понизив голос, сказал: — Сходи утром к зданию военного трибунала: попадутся подходящие — забирай, как-нибудь оправдаемся. Пусть дерутся хорошенько, Советская власть простит.

Из штаба укрепленного района я сразу отправился на Златоустовскую 62, где должен был помещаться штаб 2-го Крепостного полка. Там застал своего помощника Карташева, о котором говорил мне Васильев. Узнав, что я назначен командиром полка, Карташев доложил, что на сегодня, то есть на 2 сентября, кроме него, в полку имеется только два писаря, которых он привел с собой из бывшего Вятского укрепленного района, а по штату в полку должно быть 3687 человек.

Степан Иванович Карташев произвел на меня хорошее впечатление. Скромный, выдержанный, спокойный и деловитый — таким он был все время работы в полку.

На следующий день утром я по совету Васильева отправился к трибуналу.

Прежде всего встретил там Алешу Бякова, которого знал еще по Нижнему Уфалею, когда мы создавали 1-й Горный полк. Алеша — матрос, кажется, Балтийского флота, общительный и расторопный парень. Вот, думаю, находка, назначу его завхозом полка. Он выдерет из-под земли все что надо.

Бяков сразу узнал меня.

— Что ты тут делаешь? — спросил я его.

Он сначала смутился, покраснел, а потом пожаловался, что его за какие-то «пустяки» тянут в трибунал.

— Пойдешь завхозом в полк? — спросил я его. Он, видимо,

сначала не поверил, а потом как-то растерялся и, потупясь, сказал:

— А трибунал?

— Приходи сегодня же в штаб на Златоустовскую, там обо всем договоримся.

От радости он заплясал и бросился меня целовать.

Тут же я встретил и Судакова, из полка «Красных орлов». Его за пьянку и дебош привлекли к суду трибунала. Я подумал, что на фронте пить и дебоширить будет негде и некогда (дать ему в комиссары хорошего большевика — неплохой будет комбат), и пригласил его явиться в штаб полка. Судаков не то, что Бяков: сделал вид, что еще подумает, но я знал — он придет.

На пути к штабу случайно встретил выписавшегося из госпиталя бывшего красноармейца 1-го Горного полка Агапитова. Сколько было у нас радости, воспоминаний о былых делах и друзьях. Агапитов был парень грамотный, и я предложил ему должность делопроизводителя в полку. Он охотно согласился и тут же отправился со мной в штаб полка.

В штабе меня уже ожидали прибывшие от Васильева Знаменский, назначенный на должность адъютанта полка, и Крыжановский, помощник адъютанта. Оба бывшие офицеры и прибыли из центра.

Знаменский был уже пожилой, лет сорока, полный, даже немного обрюзглый, но очень подвижный и общительный человек. Красный нос его и немного слезящиеся глаза говорили о том, что он, по всей вероятности, любил выпить. Однако нужно отдать ему должное, показал он себя в полку с очень хорошей стороны: будучи ярым поборником офицерской чести, он свято хранил лучшие традиции русского офицерства и учил этому других командиров. Знаменский был дисциплинирован, исполнителен, вежлив и корректен в обращении, всегда строго соблюдал служебную субординацию.

Крыжановский был молодой офицер, но очень серьезный и к работе относился всегда добросовестно. В то время нам особенно было необходимо иметь таких людей.

Прибывший адъютант и вновь назначенный завхоз сразу принялись за дело, и работа закипела. Но люди поступали медленно, и меня это очень беспокоило.

Не помню, на второй или третий день я взял с собой комбата Ахматова, только что прибывшего в полк, и отправился в казармы Екатеринбургского запасного полка, чтобы взглянуть на людей, которые должны были поступить к нам на укомплектование. Когда я подошел к знакомым еще по старой армии казармам бывшего Оровайского полка, меня охватило волнение. Я

вспомнил, как пять лет тому назад, в январе 1914 года, пришел сюда новобранцем, как эти большие казармы подавили меня своей мрачностью. И тут, как в калейдоскопе, возникли картины первых пережитых мною дней в этих вечно пахнувших карболкой казармах. Я вспомнил, как фельдфебель 6-й роты Диков приказал отделенному ефрейтору Курочкину снять машинкой мою пышную шевелюру; мое сердце сжалось в комок, когда я провел рукой по коротко остриженной голове.

Подходя к умывальнику 6-й роты, вспомнил, как первый раз вне очереди я чистил до блеска (драил, как говорили тогда) битым кирпичом обеденные бачки из красной меди. А когда наступил обед, бачки оказались зелеными, потому что старый солдат, издеваясь надо мной, новичком, порекомендовал ополоснуть их водой. Вспомнил и горькую обиду на отделенного, который заставил меня ходить с этими бачками гусиным шагом (на подогнутых ногах), и делал это я до тех пор, пока не свалился от усталости и изнеможения.

Размышляя, я незаметно для себя оказался в помещении 6-й роты, той самой роты, в которой начал свою нелегкую солдатскую службу. Здесь вместо коек во всю длину огромного помещения возвышались теперь двойные нары, а на них валялись бойцы в крайне драном обмундировании или даже в одном белье.

Дежурный, увидев нас, скомандовал:

— Смирно!

Бойцы замерли кто где был.

Меня поразила эта картина большого количества «бесштанных». Я недоумевал: почему люди днем в одном белье?

Задал этот вопрос дежурному по роте, но он, пожав плечами, ничего не ответил. На выручку пришел какой-то солдат, стоявший недалеко от нас.

— Покрасовались и будет! — коротко сказал он.

— Что значит покрасовались? — спросил я.

— Английскую-то амуницию у нас красноармейцы взяли, — охотно ответил тот же солдат. — Вам, говорят, в тылу все равно в чем ходить, а нам еще Колчака добивать надо.

Оказалось, что часть пленных и перебежчиков еще на фронте была раздета нашими бойцами, и взамен новенького английского обмундирования они получили старое. Те же, у кого обмундирование было оставлено, продали его на барахолке в надежде, что им все равно дадут новое, когда пойдут на фронт.

— Как же вы в город ходите? — спросил я.

— А мы по очереди, у кого есть что одеть, тот и дает.

— А вы знаете, какое вам дадут обмундирование? — спросил я солдат.

— Знаем, на фронте и мы заменим, — не унывая, отвечали они.

Я смотрел на этих людей, большинство из которых были одеты в лохмотья и походили скорее на босяков, чем на солдат, и с тревогой думал: «Во что же я их одену?» Но оптимизм и спокойствие будущего пополнения полка успокаивали и меня, я понял, что главное для этих людей не то, как и во что их оденут, а как скорее покончить с Колчаком.

Спустя несколько дней прибыл товарищ Ураков, назначенный комиссаром полка. Он предъявил мне огромный мандатище, где перечислялись почти все права и обязанности комиссара, вплоть до того, что он имеет право арестовывать и без суда и следствия расстреливать, если обнаружит измену.

Прочтя этот грозный документ, я спросил его:

— С какого времени вы в партии?

Он добродушно ответил:

— С тысяча девятьсот восемнадцатого года.

— Были ли на фронте, где и когда?

Видя, что интересуюсь его биографией, он сказал:

— Пригласи меня на стакан чаю, я все подробно расскажу, а сейчас хотел бы кое-что узнать сам.

— Пожалуйста, — ответил я.

— О том, что ты большевик, я знаю, мне сказали в политотделе. Скажи, есть еще члены партии?

— Пока мы с тобой двое, — переходя как-то сразу на дружеский тон, ответил я ему. — Но хорошие, надежные ребята есть. — И я перечислил ему тех, кого знал.

Он тепло улыбнулся и сказал:

— Я думаю, мы с тобой сработаемся.

В это время в кабинет вошел помкомполка Карташев и, чеканя слова, доложил:

— Товарищ комполка! Прибыли тридцать три человека младшего комсостава.

— Что они представляют из себя? — спросил я.

— Все окончили учебную команду, кто в старой армии, кто в белой.

— Членов партии нет? — не удержавшись, спросил комиссар.

— Не знаю. Не узнавал, — ответил Карташев. Потом добавил: — Это в мои функции не входит.

Я познакомил их. Карташев как-то сразу смутился и стал извиняться за свой, как он сказал, нетактичный ответ.

Формирование полка шло очень медленно, пополнение поступало нерегулярно и малыми партиями. За первые шесть дней формирования, со 2 по 8 сентября, мы получили всего лишь

312 человек, из них 300 рядовых и 12 человек комсостава. Видя такую задержку в комплектовании крепостных полков, Васильев вынужден был заявить протест в штаб 3-й армии, на что тот ответил, что в первую очередь комплектуют 29-ю дивизию, отсюда и происходит задержка в пополнении крепостных полков.

Однако вскоре после этого пополнение стало поступать уже непрерывно и большими партиями. Пополнился и командный состав — прибыло 8 курсантов с Вятских пехотных курсов, которых ранее обещал Васильев. Стали прибывать также и младшие командиры из числа перебежчиков. Меня очень беспокоило их настроение. С некоторыми из них я успел побеседовать и тут только понял Васильева, почему он был так уверен в них. Достаточно было даже коротких бесед, чтобы понять, что никакого возврата генеральской власти «правителя Омского» сибирский крестьянин больше не захочет.

Штаб полка и хозяйственная часть еще не были укомплектованы и захлебнулись в этом людском потоке. Прибывавшее пополнение не успевали проводить приказом, несмотря на то что работали день и ночь. А штаб укрепрайона требовал точных сведений и отчетов о ходе формирования.

Завхоз полка Алеша Бяков, хотя и был очень энергичным и расторопным человеком и умел достать для полка все, что нужно, тут не выдержал. Когда с него требовали отчет, что кому роздано и сколько еще чего недостает, он терялся, у него просто не хватало времени и умения составлять длинные, пестрящие цифрами сводки, а помочь ему было некому.

— Товарищ командир! — заявлял он с досадой. — На что им эти сведения, когда они нам все равно больше ничего не дадут? У них, кроме лаптей, ничего и не осталось.

Хотя сводок он и не составлял, но прекрасно помнил, что имеется у него в полку, и, пригибая по очереди на руке пальцы, мог без труда перечислить, что халатов больничных, вместо шинелей, мы получили 1000 штук, ватных брюк — 900 штук, гимнастерок — 1500 штук, фуражек — 1500, ботинок — 1250 пар.

Но шинели были молескиновые, брюки ватные, пояса брезентовые, сумки также брезентовые. Одним словом, полк не мог похвастаться своим внешним видом. И все же, несмотря на очень бедное вооружение и обмундирование, у людей было прекрасное настроение и бодрый вид. Шутки и остроты сыпались как горох. Сенная площадь у бывших Оровайских казарм, где проходили занятия уже сформированных подразделений полка, часто оглашались веселой солдатской песней или раскатистым и мощным «ура». Сибиряки рвались в бой, и все чаще можно было слышать вопрос: «Скоро ли на фронт?»

Комплектование первых двух батальонов уже заканчивалось. На 12 сентября в полку числился 1341 человек. В тот же день пришло распоряжение формировать полк с недокомплектом в 35% и без некоторых специальных команд. Из специальных команд предусматривались только связь, пулеметная команда и разведка. По новому распоряжению в полку должно было быть 2362 человека, вместо 3687 человек, намечавшихся ранее. Предполагалось, что нам дадут еще 200—300 добровольцев, чтобы укрепить полк. 3-й батальон формировать не пришлось, так как нам выделили его из Екатеринбургского караульного батальона.

Произведя смотр этого батальона, я приказал Судакову принять его и вступить в командование.

На двенадцатый день формирования, 14 сентября, Васильев вызвал меня и спросил:

— Готов ли к погрузке полк?

Сейчас трудно передать, сколько в этом вопросе было надежды и тревоги. У нас многое было еще не готово, но, зная, что нас ждут на фронте, я сказал:

— Давайте вагоны.

Облегченно вздохнув, Васильев радостно сказал:

— Вот и хорошо. Начинайте погрузку.

И утром 15 сентября мы начали погрузку в эшелоны побатальонно.

Первым эшелоном отправился Ахматов со своим батальоном. Потом начал грузиться 2-й батальон. Штаб полка следовал третьим эшелоном, где ехали спецкоманды и хозяйственная часть, благо она была еще невелика: у нас почти не было обоза, мы рассчитывали на мобилизацию подвод у сибирских крестьян.

16 сентября погрузился 3-й батальон.

Итак, на тринадцатый день формирования полк двинулся к фронту, имея назначение следовать в распоряжение 29-й дивизии.

Уже в пути мы получили документы, уточняющие распоряжение: следовать до Ялуторовска, где поступить в распоряжение комбрига 1 Андрианова.

«Хорошо», — подумал я, ознакомившись с последним распоряжением. Комбрига Андрианова я уже немного знал, с ним познакомился в марте 1919 года, когда участвовал с 23-м полком в ликвидации прорыва на участке 29-й дивизии в районе Глазова — у станции Чепца.

Андрианов был высокого роста, статный строевой офицер с прекрасной выправкой, всегда опрятно одетый, подобранный, в то же время не был придирчив к другим и старался влиять на них

личным примером. Во всех его поступках и разговоре чувствовалась высокая культура. Я знал, что Андрианов — полковник старой армии, один из лояльнейших русских офицеров, который считал для себя обязанностью честно служить родине. Он не был большевиком. Это был просто честный, порядочный русский человек, преданней своей родине. Он рассуждал здраво и понимал лучше многих офицеров старой армии, что большевики — это сила, что правда — на их стороне и только они способны вывести родину из тупика, в который завели ее прежние правители царской России.

ПЕРВЫЕ БОИ

Когда 2-й Крепостной полк прибыл в Ялуторовск, где находился штаб 1-й бригады, нам было приказано немедленно выгрузиться и выступить по направлению станции Заводоуковская.

Положение на фронте 1-й бригады было неважное, особенно на ее левом фланге (левее линии железной дороги Ялуторовск — Ишим), где участок фронта занимал 10-й Московский полк. Я сейчас не помню, входил ли он в состав 1-й бригады или был временно придан ей, но 10-й полк в беспорядке отходил под напором полков Пепеляевской дивизии, которые в это время начали решительное наступление. Мне было приказано сменить 10-й полк, перейти в контратаку, отбросить противника и занять станцию Заводоуковская.

Я приказал 1-му батальону и следовавшему за ним 2-му переправиться за Тобол, развернуться и должным образом встретить наступающие части белых.

3-му батальону, который только что прибыл и начал разгружаться, приказано было оставаться в резерве, выставить кордоны и задержать отступающих в беспорядке бойцов 10-го полка.

Это была наша вторая и последняя встреча с 10-м Московским полком, переименованным теперь в 457-й стрелковый полк. В дальнейшем этот полк выправился и, приобретя боевой опыт, неплохо дрался в составе 51-й дивизии. За отличие в боях под Каховкой в 1920 году он был награжден Почетным революционным красным знаменем.

Вскоре меня вызвали в штаб бригады. Я доложил комбригу, как выполняется его приказ. Андрианов одобрил мой план действий и предупредил, что надо держать ухо востро, так как против нас действует дивизия генерала Пепеляева.

Уточнив необходимые детали в отношении дальнейших операций, я вернулся в расположение полка.

Вскоре были получены первые донесения от наступающих батальонов. Командир 1-го батальона Ахматов доносил, что, продвигаясь к Заводоуковской, батальон наткнулся на передовые части белых и, сравнительно легко сбив их, продолжает двигаться дальше на восток.

2-й батальон, следуя левее железной дороги, встретил только разведчиков противника. И лишь подойдя к Заводоуковской, батальоны наткнулись на крупную колонну белых, и на подступах к этому поселку завязался встречный бой, который длился

несколько часов подряд. Здесь наши бойцы показали, что они могут и хотят драться за Советскую власть.

Это было первое испытание, экзамен на аттестат зрелости 2-го Крепостного полка, испытание на верность Советской власти вчерашних солдат белой армии, которые совсем недавно вольно или невольно дрались против этой самой власти. Я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на это решающее для жизни полка сражение, и, взяв с собой несколько ординарцев, поскакал к месту боя.

Надо было родиться в сорочке, как говорят в народе, чтобы угадать такой удачный момент: подъезжая к 1-му батальону, я услышал, как загремело мощное, раскатистое русское слово «ура», и вслед за этим густая волна бойцов в молескиновых шинелях лавиной ринулась вперед, держа винтовки наперевес. Бойцы были страшны в этот миг, глаза их горели, и смерть отступала перед их штыками. Цепь белых, как по команде, прекратила стрельбу, нервно задергалась, отдельные солдаты с бледными растерянными лицами начали вскакивать, и вдруг вся цепь бросилась бежать врассыпную, оставив в окопах только отдельные жалкие фигуры с поднятыми вверх трясущимися руками. А вздыбившаяся волна наступающих катилась все дальше и дальше, не видя ничего, не обращая внимания ни на пленных, ни на трофеи. И только перекатившись за поселок, на восточной окраине его цепь залегла и стала окапываться, а комбат занялся подсчетом пленных и трофеев.

СТИХИЯ В КАЧЕСТВЕ СОЮЗНИКА

По занятии Заводоуковской мы установили связь с полком «Красных орлов», который действовал правее линии железной дороги. Слева от нас действовала 51-я дивизия.

Разрыв между нами и 51-й дивизией составлял 60 с лишним километров. Пространство между станцией Заводоуковской, где теперь находился наш полк, являвшийся левым флангом 29-й дивизии, и заводом Петровским, где был правый фланг 51-й дивизии, охранялось только кавалерийскими разъездами, которые высылались от обоих флангов по Петровскому тракту. Тракт этот проходил в безлюдной местности в диком дремучем лесу. Просека, по которой тянулась длинная прямая нить древнего Петровского тракта, из конца в конец прорезала густой массив вековых сосен и елей, уходящих своими стройными вершинами в самое небо. Вправо и влево от тракта местность была еще глуше: бурелом и сухой валежник лежали десятилетиями, заросшие буйной высокой травой и мхом. Нога человека редко ступала сюда, и только дикие звери находили себе здесь приют и полную свободу.

На дворе стояла осень, шел уже октябрь месяц.

Наш полк по-прежнему дрался у Заводоуковской, а в десятке километров от нее по Петровскому тракту в дремучем лесу занимал позиции 2-й батальон полка, которым командовал в то время талантливый командир Осипович.

Белые не только упорно сопротивлялись, но и переходили кое-где к активным боевым действиям.

Однажды, пройдя незаметно глухими тропами, они вышли во фланг 2-му батальону и внезапно напали на него. Завязался сильный бой, перешедший в рукопашную. Батальон был немного оттеснен, но не разбит. В этом бою пал смертью храбрых командир батальона Осипович. Командование принял на себя один из командиров рот товарищ Герц. Бойцы уважали Осиповича и готовы были отомстить белым за смерть любимого комбата.

Окапываясь на новом месте, бойцы заметили, что подул сильный ветер в сторону противника. Не долго думая, они подожгли впереди своих окопов лес, и пламя, подхваченное ветром, быстро начало распространяться в сторону белых. Огонь широкой полосой с треском и ревом неудержимой лавиной понесся к неприятельскому расположению. Белые не успели опомниться, как на них обрушился огненный шквал, сжигающий все на своем пути. От неожиданности и страха они в панике бросились бежать, настигаемые пламенем. Некоторые, потеряв

голову, лезли на деревья, но и тут спасения не было.

Так была отомщена смерть комбата Осиповича.

Получив донесение о лесном пожаре, я поспешил в расположение 2-го батальона. Когда прибыл туда, все было уже кончено. Увидя место, по которому прошел огонь, я с тревогой подумал: «А что было бы, если бы ветер повернул в обратную сторону?»

В ПАДУНЕ

После занятия нами поселка Падун штаб полка из Заводоуковской переехал в этот поселок, ближе к передовой. А вечером в тот же день комиссар сообщил мне с тревогой, что в 3-м батальоне, который стоял тут же в резерве, замечено много пьяных бойцов. Я приказал немедленно вызвать в штаб полка комбата Судакова, чтобы выяснить, откуда появились спиртные напитки.

Спустя некоторое время Судаков явился.

— По вашему распоряжению комбат три Судаков прибыл, — доложил он заплетающимся языком, уставив на меня мутные глаза. «Налакался первый», — подумал я, осматривая его нетвердо стоящую на ногах фигуру.

— Он и сам пьян, — с отвращением сказал комиссар, глядя на него.

— Откуда вы взяли спиртное? — спросил я Судакова.

Сначала он молчал, пьяно улыбаясь и как бы соображая, потом, сжав кулак, подставил под него горсть другой руки, как бы цедя в нее что-то.

— Выжимаем из земли. Она, матушка, не только кормит, но и поит нас… — начал он паясничать, покачиваясь из стороны в сторону. Противно было смотреть на него. «Вот тебе и боевой командир. Как только услышал запах спиртного, так сразу потерял волю и рассудок», — подумал я.

Пришлось отправить его под арест.

При расследовании причин пьянки установили, что в поселке Падун был винокуренный завод, в цистернах которого имелся спирт. Белые при отступлении выпустили его в землю. Он разлился и пропитал ее так, что в некоторых местах образовалась грязь. Любители выпить собирали эту грязь, отжимали ее, полученную жидкость процеживали и пили. Вместе с ними пил и Судаков. Правда, на следующий день он клялся, что это с ним больше не повторится. Зная, что в полку «Красных орлов» он был неплохим командиром, решили простить его на этот раз и дать возможность загладить свою вину в боях.

Действительно, в последующих боях Судаков проявил себя как неплохой командир, стараясь искупить свой проступок, но дальнейшая жизнь Судакова показала, что мы в нем ошиблись: он так и не смог побороть в себе слабость к водке, превратился в алкоголика и не нашел своего места в рядах строителей социализма.

ТУМАШЕВСКАЯ МЫШЕЛОВКА

Бои на фронте полка шли с переменным успехом. Наши бойцы, вчерашние колчаковцы, дрались на диво и почти голыми руками: у нас очень плохо было с патронами, приходилось надеяться только на штык.

Вообще-то штык солдаты недооценивали, и постепенно все винтовки на фронте оказывались без штыков. Так было в старой царской армии, так было сейчас и у белых, и у нас в Красной Армии. Но в нашем полку штыки как-то уцелели. Потому ли, что мы недавно только сформировались и не успели их побросать, или потому, что нас патронами не баловали и бойцы поневоле вынуждены были надеяться на штык, но штыки у нас были. Вспомнили мы и суворовский завет: «Пуля — дура, а штык — молодец», хотя от патронов никогда не отказывались.

Вспоминается один случай, когда комбат 1 Ахматов позвонил мне и попросил послать ему «патрончиков», как он ласково называл их.

— Бери сколько угодно! — сказал я ему сердито.

— Где? — радостно спросил он.

— В Тумашеве.

— Там белые, — недоуменно ответил Ахматов.

Но поздно вечером он позвонил мне в штаб и радостно сообщил:

— Достал!

— Что достал? — спросил я, не понимая его ликования, забыв наш утренний разговор.

— Патронов. Да пулеметик еще прихватил, — почти захлебываясь от радости, кричал он в трубку. — Только вот боюсь, не удержу эту Тумашеву: дыра какая-то, кругом лес, а село в низине. Сижу, как в колодце.

— Выдвинь подальше заставы, — посоветовал я ему и стал думать, как бы удержать этот пункт, но так ничего и не придумал.

К утру Ахматова действительно оттуда вышибли.

Тумашево — большое сибирское село, расположенное в глубокой лощине. Оно вплотную было окружено дремучим сибирским лесом. За месяц жарких боев в этом районе Тумашево шесть раз переходило из рук в руки — три раза мы его занимали и три раза отдавали. Наши бойцы хорошо узнали все дороги и тропинки к этому селу. Знал их хорошо и противник. Поэтому удачно выскальзывали из окружения и мы и они. Наши бойцы прозвали это село мышеловкой. Больше трех дней им никто не владел.

После того как мы заняли его в третий раз, из штаба бригады сообщили, что против нас появился новый противник — 2-й егерский полк, только что прибывший из Омска после своего переформирования. Он сменил наших старых «знакомых» — изрядно потрепанную пепеляевскую дивизию. Но и со 2-м егерским полком мы уже встречались: это было у верховьев Камы в мае 1919 года. Тогда, правда, егерцы составляли 2-й егерский отдельный батальон, а теперь белые развернули его в полнокровный полк. Англичане дали новое, с иголочки, обмундирование, снабдили большим количеством станковых пулеметов системы «Кольт». Американцы дали большое количество полевых аппаратов и много километров полевого кабеля. А главное, у егерцев было много патронов. Только стреляй!

Когда я узнал, что против нас появилась новая часть, то очень сожалел, что Тумашево занимаем мы, а не белые. Новичков легко можно было захлопнуть в этой ловушке. И мне пришла мысль отдать Тумашево белым.

Я позвонил комбригу Андрианову и поделился с ним моими соображениями. Но Андрианов почему-то не дал согласия на оставление Тумашева. Меня же не покидала эта мысль: уж очень она казалась заманчивой. Я посоветовался с комиссаром и комбатами. Мнение комбатов разделилось, но комиссар Ураков поддержал меня, и я решил, вопреки указаниям комбрига, вывести батальоны из села и расставить их в лесу с таким расчетом, чтобы окружить потом село и отрезать белым все пути отхода. В селе решено было оставить только пешую и конную разведки, которым поставили задачу демонстрировать оборону села, наделать больше шума, а потом отойти.

Так и сделали.

Все шло как по маслу. Егерцы не заставили себя долго ждать. На следующий день с утра они пустили разведку, стараясь прощупать нас.

— Клюет! — весело сказал комиссар, когда началась перестрелка разведчиков.

Надо было полагать, что за разведкой последует скоро наступление, и я приказал комбатам вывести из села свои батальоны и занять намеченные планом пункты. При этом им было дано строжайшее указание ни при каких обстоятельствах не обнаруживать себя.

Батальоны были отведены сравнительно далеко от села, с таким расчетом, чтобы белые при окружении его не смогли столкнуться с ними.

Пришлось долго ждать, пока егерцы раскачались. Погода

стояла холодная, но костры разводить было нельзя. Бойцы наши одеты были плохо, в тонкие молескиновые шинели и летние гимнастерки. Многие уже стали сомневаться и терять надежду, что план наш осуществится. И только к вечеру у села появилась усиленная разведка, а за ней повалили густые цепи егерцев, одетых, как на парад.

Наши разведчики открыли беспорядочный огонь и, пошумев изрядно, отошли.

Обрадованные сравнительно легкой победой и предвкушая тепло, которое ожидало их в добротных крестьянских домах, егерцы рассыпались по всему селу.

Выждав, когда втянутся в село последние подразделения и боевой обоз егерцев, наши батальоны начали занимать все дороги, идущие в Тумашево, потом без шума, осторожно окружать село.

Уже ближе к рассвету, когда егерцы спали крепким предутренним сном, наши подразделения, обезоружив сторожевое охранение, ворвались в село и почти без единого выстрела захватили в плен весь 2-й егерский полк.

В Тумашеве мы захватили больше двух тысяч пленных, избежали плена только старшие командиры, кое-кто из них застрелился, а некоторые скрылись. Захвачено было много трофеев: 24 пулемета, несколько тысяч патронов, около 30 телефонных аппаратов, много полевого кабеля и другое имущество. Здесь же произошел стихийный обмен обмундированием. Через час с небольшим после занятия села 2-й Крепостной полк оказался одетым в новенькое английское обмундирование, а егерцы облачились в наши молескиновые шинели. При этом переодевании даже споров никаких не было. Наши бойцы убедительно говорили:

— Вы пойдете в тыл, а нам еще Сибирь отвоевывать, так что ваше обмундирование нам нужнее, чем вам.

И егерцы не возражали, снимали с себя английские шинели и мундиры и надевали наши молескиновые халаты. Они были рады, что уже отвоевались.

Когда я сообщил комбригу Андрианову о проведенной операции, он ответил мне коротко:

— Победителей не судят. Молодец! Если бы ты провалил операцию, конечно, тебя отдали бы под суд, а теперь пишу реляцию к ордену.

Потом он спросил, сколько мы взяли пулеметов. Я, боясь, что у меня отберут их, сказал:

— Десять, — хотя на самом деле мы взяли их в два раза больше.

— Шесть оставь себе, а остальные пошли в бригаду для других полков, — сказал комбриг.

Пулеметов в полках было мало, поэтому у счастливчиков, которым удавалось захватить больше пяти — шести пулеметов, часть забирали для других плохо вооруженных полков бригады. До этого у нас в полку было только три пулемета, а тут вдруг такое богатство!

2-й Крепостной полк после Тумашевской операции нельзя было узнать: он был одет, как на парад. Молескиновых шинелей не осталось и в помине, разве только где-нибудь у обозников второго разряда.

Вспоминается случай с телефонистом штаба полка Дороховым. Он пришел ко мне и просит:

— Товарищ командир, разрешите мне на передовую.

— Почему? — спрашиваю его.

— Да как же: все давно щеголяют в новом обмундировании, а я в поле обсевок, что ли?

Пришлось ему разрешить идти на передовую.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ КОЛЧАКА

Разгром и пленение 2-го егерского полка совпали с общим наступлением наших армий на Восточном фронте.

Используя образовавшуюся брешь в районе Тумашево, наши войска преодолели последнюю линию обороны Колчака и, преследуя его разбитые части, начали быстро продвигаться на восток, в глубь Сибири.

5-я армия начала свое движение в общем направлении на Петропавловский, а части 3-й армии — на Ишим, имея своей очередной задачей захват Омска — столицы «верховного правителя».

1-я бригада 29-й дивизии в составе четырех полков — 253-го «Красных орлов», под командованием Кобякова; 254-го, под командованием Красавчикова; 255-го, под командованием Азарянца, — и временно приданного ей 2-го Крепостного полка должна была согласно приказу от 26 октября начать общее наступление на Ишим.

2-й Крепостной полк в это время занимал двумя батальонами село Боровинское и одним батальоном деревню Кошелево, откуда должен был, держа связь справа с 253-м полком «Красных орлов» и слева с частями 51-й дивизии, перейти в наступление на Ново-Деревенское и Окунево. 51-я дивизия должна была занять Юринское и Агарянское.

С рассветом 27 октября наш полк начал движение в указанные ему пункты. Противник сделал еще раз попытку оказать сопротивление, но это уже было не то, что раньше. Видно было, что белые нервничают. И как только мы нащупали расположение противника и повели короткую, но внушительную артиллерийскую подготовку, он сразу начал отходить, не дождавшись нашей атаки.

— Э! Слабо! — закричали наши бойцы, увидя поспешный отход белых, и бросились преследовать отходящего противника.

— Конницу вперед! Конницу! — кричали пехотинцы, но конницы, к сожалению, у нас было мало, и поэтому противник ускользнул.

Дальнейшие бои вплоть до реки Ишим сводились к стычкам с арьергардом противника.

На линии реки Ишим белые еще раз попытались организовать отпор, но этот отпор был настолько слаб и немощен, что наши части почти с ходу опрокинули последних защитников продажного сибирского правителя и на плечах белых 3 ноября ворвались в город Ишим. Не останавливаясь, они продолжали

движение к Иртышу.

Фронт с каждым днем становился все уже, и отпор белых слабел.

В первой половине ноября белые стянули остатки своих войск к линии Сибирской железнодорожной магистрали и начали поспешный отход в глубь Сибири.

Колчак из Омска бежал в Иркутск. Армия его с каждым днем катастрофически таяла и разлагалась. Сыпной тиф косил ее ряды. Сибирские крестьяне, давно уже раскусившие власть реакционнейшего помещика, ставленника иностранного империализма адмирала Колчака, покидали ряды белой армии, разбегались по домам или переходили группами на сторону Красной Армии.

14 ноября наши войска заняли город Омск, а в январе вооруженные рабочие Иркутска захватили и самого «верховного правителя» и приговорили его к смертной казни вместе с частью его свиты.

Так бесславно окончил свою жизнь «верховный правитель России».

В ОМСКЕ

Белая сибирская армия оставила нам тяжелое наследство — тиф. Омск был превращен в сплошной госпиталь. Все общественные и казенные здания были заняты больными тифом. Ежедневно умирали сотни людей. Хоронить их не успевали даже в братских могилах, а свозили за город в специально отведенные места и складывали в штабеля. Тиф не щадил никого. В нашем полку тоже начались массовые заболевания, и, несмотря на то, что полк все время пополнялся, количество здоровых бойцов в нем составляло иногда пятьдесят процентов списочного состава.

Помнится, как-то в полк поступила большая партия пополнения. Адъютант доложил, что она прибыла из Екатеринбурга. Надеясь встретить кого-нибудь из земляков, пошел посмотреть на прибывших.

Поздоровавшись с маршевиками, я спросил, откуда они.

Ребята молчали, загадочно улыбались, а один из них спросил меня:

— Не узнаете, товарищ полковник? А мы вас узнали.

— Откуда вы меня знаете? — спросил я, озадаченный.

— Помните деревню Тумашево? Мы бывшие егерцы. Мне только оставалось удивляться превратностям военной судьбы.

А спустя немного времени в полковой школе ликвидации неграмотности произошел не менее курьезный случай.

Наша медсестра тютнярская учительница Катя занималась обучением неграмотных. И вот во время занятий встретилось слово «ура». Она спросила своих прилежных учеников, где и когда они кричали это слово.

Добрая половина отвечала, что они кричали «ура», когда брали деревню Тумашево.

Другие зашумели:

— Нет! Мы там «ура» не кричали.

Начался спор. Пришлось разбираться, почему одни кричали «ура», а другие не кричали. Оказалось, что первые были победителями, так как служили во 2-м Крепостном полку, а вторые — побежденными, из 2-го егерского полка. И вот вчерашние враги, теперь бойцы одного полка, сидели в классе за партами и учились читать и писать.

Ближе к весне благодаря героическим мерам, принятым Советской властью, тиф пошел на спад и потери от него стали меньше, но штабеля мертвецов еще оставались, и начальник гарнизона города Омска приказал привлечь все воинские части к захоронению их в братских могилах. Земля была еще мерзлая,

взять ее киркой и лопатой было невозможно. Применяли взрывчатку и жгли костры, чтобы оттаять землю.

Сколько было похоронено в этих могилах людей, которых миновала на фронте пуля, но скосил тиф! Многих из них еще долго ждали родные после окончания гражданской войны, но так и не дождались. Пули и снаряды гражданской войны унесли меньше жизней, чем сыпной тиф.

В Омске 2-й Крепостной полк переименовали в 551-й стрелковый и оставили нести караульную службу.

На этом кончилась боевая история 2-го Крепостного полка. Наступили скучные, серые, однообразные дни с гарнизонными нарядами и мелкими происшествиями, ежедневной сутолокой и разными дрязгами гарнизонной службы.

В ВОЙСКАХ ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ

Мне, как человеку, привыкшему к боевой и походной жизни, была не по нутру гарнизонная служба. Поэтому я стал проситься перевести меня в войска внутренней охраны, которые занимались в то время борьбой с бандитизмом и ликвидацией кулацких мятежей. Мою просьбу охотно удовлетворили, так как в этих войсках боевого комсостава не хватало. Сначала меня назначили командиром отдельного батальона тут же в Омской бригаде, которой командовал Сергей Петрович Бурмакин, но через несколько дней я получил назначение в Новониколаевск (теперешний Новосибирск) командиром 64-й отдельной бригады.

Командир 64-й отдельной бригады Степан Герасимович Пичугов

В середине апреля я прибыл в Новониколаевск. Город в это время походил на большое сибирское село, какие в Сибири вообще встречаются часто. Во всем городе каменные дома можно было перечесть по пальцам — здание реального училища, бывший коммерческий клуб, гостиный двор и здание железнодорожного вокзала. Остальные постройки деревянные. Но, несмотря на это,

Новониколаевску еще тогда пророчили большое будущее, и он начал оспаривать у Томска, старого губернского города, пальму первенства. В Новониколаевске размещалось много губернских учреждений: губчека, губпродком, губвоенкомат и другие. Тут же находился и штаб 64-й отдельной бригады, которая обслуживала всю Томскую губернию. Комбриг ее одновременно являлся членом коллегии губчека и губпродкома.

64-я отдельная бригада имела три отдельных батальона и два отдельных кавалерийских эскадрона. Один батальон и эскадрон размещались в самом Новониколаевске. Командовал батальоном Сапожков, а эскадроном — заядлый кавалерист Зимин.

Второй батальон и эскадрон размещались в Томске. Батальоном командовал бывший офицер Макаренко, который носил длинную бороду, помогавшую ему скрывать много грязных интриг. Эскадроном командовал любитель и знаток лошадей Мустафин (по национальности татарин), очень честный и дисциплинированный командир.

Последний батальон размещался в городе Барнауле. Этот батальон все время находился в движении, он оперировал главным образом в Кузнецком уезде, где сейчас размещается крупнейший металлургический комбинат. Батальон охотился за бандой анархиста Рогова. Это был неуловимый и опасный бандитский главарь. Шайка его состояла из уголовников и «обиженных» Советской властью, именовавших себя «партизанами Кузнецкого уезда». Это был своего рода сибирский Махно. На черном знамени банды было написано: «Анархия — мать порядка». Лозунг Рогова был: «Церкви и тюрьмы сравняем с землей». В знак презрения к церкви он носил галифе, сшитое из поповских риз, а попона под седлом его лошади была сделана из черно-серебряной ризы.

Когда Рогов наскакивал на какое-либо село или город, он в первую очередь громил Совет, церковь и тюрьму, если таковая была. От него прятались и председатель Совета и поп.

* * *

В конце мая 1920 года я в составе небольшой комиссии — помполита Фалькова, наштабрига Залесского, председателя бригадного трибунала Перевозщикова и еще двух — трех человек из политотдела бригады — отправился на пароходе «Урицкий» по реке Обь в Томск, чтобы провести смотр находившихся там частей бригады. День был прекрасный, солнечный. В каютах не сиделось, и народ высыпал на палубу. Много ехало гражданского

населения, целыми семьями, с детьми и разным домашним скарбом. Вышли и мы на верхнюю палубу, чтобы полюбоваться многоводной сибирской рекой. Обь разливалась широким морем, катя свои шумные воды по сибирским просторам. Берега ее играли на солнце изумрудом хвойных лесов, где легко могли укрыться и дикие звери и бандиты, которых в то время в Сибири было много.

Вдали уже виднелись колокольни старинного сибирского села Колывань.

Резко и отрывисто прозвучала над простором речных вод сирена парохода. Ей с такой же силой отдалось эхо многовековых лесов, вплотную подступивших к пустынной пристани Колывань.

Пристань, видимо, нужна была здесь для того, чтобы пароход мог запастись топливом. Сама пристань ничего особенного не представляла: пустынный берег, малюсенькая будочка сторожа, два врытых в землю столба для причала, небольшой помост над рекой для схода с парохода — вот и все.

Небольшую поляну у пристани окружали заросли кустарника, дальше шел дремучий, хвойный бор, перемежавшийся с густыми порослями лиственных пород.

На пристани, кроме старика сторожа и еще одного человека средних лет, одетого в темный костюм военного покроя, никого не было видно. Она была тихой, безлюдной и казалась вымершей. Человек в темном костюме неотступно следовал за сторожем, держа правую руку за спиной.

Когда с парохода подали чалки и сторож закрепил их за врытые в землю столбы, человек в черном грубо оттолкнул сторожа и, выступив вперед, резко поднял вверх правую руку, в которой был зажат пистолет. И тут же из кустов, окружавших пристань, как по команде, раздался недружный, но сильный залп. Пассажиры в страхе шарахнулись с палубы и разбежались по своим каютам.

— В чем дело, товарищ? — крикнул я с палубы человеку в черном. — Почему стрельба?

Он, не отвечая на мой вопрос, грубо и повелительно крикнул:

— Товарищей здесь нет! Пароход объявляю арестованным. Предлагаю всем сойти на берег и сдать немедленно, у кого есть, оружие.

Я уже хотел было, козыряя именем начальника вооруженных сил губернии, потребовать прекратить это безобразие, но тут увидел, как из кустов, окружавших поляну, выступила довольно густая цепь вооруженных чем попало бородачей и стала полукольцом охватывать пристань. Запнувшись на первом слове, я быстро прикусил язык и подался в свою каюту. Имя начальника

вооруженных сил губернии здесь уже не могло помочь.

В моей каюте оказались все члены комиссии. Они, видимо, ждали моего прихода, чтобы узнать, что случилось и что за люди стреляли по пароходу, но я знал столько же, сколько и все. Мы предполагали, что это какие-то бандиты, которых в то время было много, но позднее узнали, что это был отряд повстанцев. В Колыване вспыхнуло кулацкое восстание, которое быстро распространилось, охватив довольно большой район.

Пароход был рейсовый, пассажирский, на нем следовали обыкновенные штатские пассажиры, много было женщин с детьми, которых особенно сильно напугала стрельба. Из военных следовала только наша небольшая группа, да внизу в трюме находилась штрафная команда красноармейцев, человек пятьдесят. Вооружения ни у нас, ни у штрафников не имелось. Да если бы оно и было, опереться в таком положении на штрафников было опасно. Давать отпор мы не могли. Поэтому решено было попрятать документы, рассыпаться среди штатских пассажиров и не открывать своих действительных фамилий и служебного положения. Дальше действовать, как подскажет каждому обстановка. Формы военной у нас не было ни у кого. Единственный шлем был у Перевозщикова и мы порекомендовали ему спрятать его. Свое удостоверение личности я засунул за зеркало в каюте.

Пассажиры постепенно сходили с парохода и размещались на полянке, окруженной цепью повстанцев. Стал продвигаться к трапу и я.

На берегу, у трапа, стояли два человека. Один из них ощупывал карманы, чтобы не пропустить с оружием, другой, что был в темном костюме, видимо руководитель отряда, бегло проверял документы. Около него уже скопилась группа людей, ожидавших своей очереди.

Зажав в руке вместо документа какую-то бумажку, я подошел к стоящим на проверку в тот момент, когда он читал какой-то документ и за чтением не заметил меня. Я тут же постарался нырнуть в толпу пассажиров с проверенными документами. Это мне удалось.

Но я почувствовал, что рано или поздно у меня потребуют документы, и тогда пропал. Мысль лихорадочно работала: «Надо бежать. Но как? Прорваться через цепь? Немедленно пристрелят или приколют. Пристроиться к штрафникам, как это сделал помполит Фальков? Не выйдет: на рядового бойца я не походил, и шинель у меня хорошо пригнана, да еще и шпоры на ногах. Как я не сообразил снять их в каюте? — ругал я себя. — Но что же делать?» И тут вспомнил анекдотический рассказ, который

слышал когда-то на фронте. Русский солдат, убегая ночью из немецкого плена, уже миновал передовые окопы немцев и был между нашими и немецкими линиями окопов, когда немецкий часовой заметил его и окликнул. Солдат не побежал, а присел на корточки и сделал вид, что оправляется. А когда часовой успокоился и перестал за ним наблюдать, он лег и уполз к своим.

«А что если мне сделать так же?» — подумал я.

Смело и не спеша я направился к цепи, окружавшей поляну, делая вид, что хочу оправиться. Подходя к ней вплотную, я притворился, что мне невмоготу, загнул шинель и начал отстегивать подтяжки. Бородачи меня не остановили, но, чтобы не вызвать подозрения, я, отойдя от цепи несколько шагов, присел. Наблюдавший за мной повстанец крикнул:

— Отойди подальше, чтоб не воняло.

Я, как бы нехотя, отошел еще метров пятнадцать — двадцать и вновь присел. Кусты скрыли меня. Я немедленно лег и пополз дальше. Шпоры гремели. Выругавшись, отцепил их, отполз еще немного в чащу густых и высоких кустов, потом встал во весь рост и, резко изменив направление, побежал. Бежал, пока не выбился из сил, потом пошел, держа направление на Новониколаевск.

Чтобы не заблудиться, я вынужден был идти недалеко от берега реки, и поэтому мне часто приходилось или продираться сквозь чащу кустов, или перелезать через толстые стволы бурелома, или брести по воде через заросли реки. Так я пробирался весь день и всю ночь и к утру, еле двигаясь, пришел в Новониколаевск. Разбудив спавшего безмятежным сном председателя губчека товарища Пупко, я рассказал ему о случившемся.

Он с трудом верил тому, что я рассказывал, потом спросил:

— Что будем делать?

Посоветовавшись, решили взять другой пароход и направить его с войсками на пристань Колывань.

Так и сделали. К полудню мы уже двигались по реке. На пароходе было две роты Новониколаевского батальона. Не доходя километров двух до пристани Колывань, одну роту мы высадили на берег и послали ее в обход пристани, а со второй ротой подошли с реки. Завидя пароход с войсками, повстанцы разбежались.

К нашему счастью, пароход «Урицкий» был на том же месте. Члены комиссии содержались под стражей, тут же на пароходе. Их мы освободили. Не оказалось только председателя трибунала Перевозщикова. Его, как мы выяснили, повстанцы отправили в Колывань, где был центр кулацкого восстания.

Председатель бригадного трибунала Перевозщиков

Восстание это длилось больше двух недель и охватило широкий район. Справиться своими силами Новониколаевск не мог, и ликвидировать его нам помогла одна из бригад, кажется, 51-й дивизии, которая перебрасывалась в это время с востока на юг, на ликвидацию черного барона Врангеля. Командовал бригадой товарищ Грязнов.

Когда мы заняли Колывань, труп Перевозщикова нашли недалеко от тюрьмы. Он был убит зверски: на его теле насчитывалось больше десятка штыковых ран.

Командир отряда, который руководил захватом парохода «Урицкий» на пристани Колывань, был обнаружен нами в тюрьме на положении арестованного. На допросе в губчека он путал и выкручивался, говорил, что его, как военного специалиста, кулаки насильно заставили руководить, а он, дескать, не хотел, и за это его посадили в тюрьму.

Я по своей простоте, пожалуй, готов был поверить этому, но Пупко сказал мне:

— Неужели смерть Перевозщикова не зовет тебя к мщению?

Я вспомнил, как при захвате парохода он сказал со злобой и

ненавистью: «Товарищей тут нет» — и колебаний у меня больше уже не было. Его расстреляли.

* * *

Осенью штаб 64-й бригады из Новониколаевска переехал в Томск.

В это же время распоряжением центра 64-я бригада была переведена из подчинения западно-сибирского сектора войск внутренней охраны Республики в ведение восточно-сибирского сектора, управление которого находилось в Красноярске. Вскоре я был вызван новым начальником Михаилом Барандохиным в Красноярск с докладом. При первой же встрече мы, как бывшие рабочие, сразу поняли друг друга и быстро сошлись во мнениях. Барандохин спросил меня просто и душевно:

— Товарищ Пичугов, я думаю, пришла пора покончить с Роговым, не к лицу нам так долго возиться с бандитом. Чем дольше он остается на свободе, тем больше от него вреда. Давай кончай с ним, — сказал он спокойно, как будто речь шла о поимке какого-то кролика.

— Постараюсь! — сказал я.

— Давай старайся, — закончил он безобидной шуткой.

По возвращении из Красноярска я организовал специальный отряд по ликвидации банды Рогова. Отряд был невелик, но подвижен. В нем много было коммунистов. Решили не гоняться за Роговым по всему уезду, а устроить засаду там, где он чаще всего бывал. Для информации привлекли местное население, которое охотно сообщало нам о появлении бандита в тех или иных местах. Таким излюбленным местом его пребывания и попоек была небольшая сравнительно деревня (названия ее сейчас не помню), где его выследили и с помощью местного населения окружили во время очередной оргии. Рогов долго и отчаянно отбивался и, наконец, убедившись, что ему не вырваться из окружения, застрелился. Банда его разбежалась и исчезла бесследно.

Вслед за этой бандой была ликвидирована банда Щетинкина, разбойничавшая в Мариинском уезде. Хлопот с ней было значительно меньше: население ее не поддерживало, и она рассыпалась, как только на нее хорошенько насели.

Изо дня в день крепла Советская власть на бескрайних просторах Сибири. Но рассеявшиеся остатки разбитой контрреволюции при поддержке кулачества еще пытались кое-где будоражить сибирское крестьянство.

Так, весной 1921 года в Петропавловском уезде вспыхнуло крупное кулацкое восстание, перекинувшееся потом и в Ишимский уезд. Для восстания этот район был избран не случайно, так как с захватом Петропавловска и Ишима Сибирская железнодорожная магистраль оказалась бы перерезанной и вся Сибирь с ее хлебом отрезана от Советской республики.

К этому времени я был переведен из Томска на работу в Приуральский военный округ, где сначала командовал 507-м стрелковым полком, расположенным в Екатеринбурге (ныне Свердловск), а позднее — 169-й стрелковой бригадой, штаб которой находился в Тюмени; одновременно я был назначен командующим войсками Тюменской губернии по борьбе с бандитизмом.

Ликвидация ишимского восстания и его последствий была весьма трудной операцией. Восставшие, оттесненные из Петропавловского уезда на север, попрятались в лесных дебрях, и выкурить их оттуда было нелегко. Но к осени и с этими бандами было покончено.

Еще не везде отгремели последние бои гражданской войны, кое-где трещали пулеметы и даже грохотали орудия, а Советская республика уже брала курс на мирное строительство.

В октябре 1921 года я оказался на Высших военно-академических курсах в Москве, где боевые командиры, привыкшие к винтовке или шашке, держали в руках книгу или циркуль, изучая теорию военного искусства, чтобы еще лучше бить врага, если он посягнет на нашу обновленную родину.

Наше социалистическое государство родилось со словом «мир», оно всегда проводило, проводит и будет проводить политику мира. Но если найдутся потерявшие голову охотники посягнуть на нашу свободу и независимость, то они получат достойный ответ.

Об этом говорит история.

notes

Примечания

1

И. М. Малышев — старый большевик, один из ближайших помощников Я. М. Свердлова на Урале. Председатель Екатеринбургского партийного комитета РСДРП, член Уральского областного Сонета, один из организаторов Красной Армии на Урале в дни дутовщины и белочешского мятежа. Трагически погиб под Златоустом от руки белогвардейцев в июле 1918 года.

Именем Малышева был назван один из уральских полков и одна из главных улиц Свердловска.

2

Хохряков Павел Данилович — матрос революционного Балтийского флота, большевик. В 1917 году по заданию партии был послан на Урал, где возглавил штаб Красной гвардии. Член Уральского областного Совета. Его именем в Екатеринбурге, ныне Свердловске, названа одна из улиц.

3

Акулов Филипп Егорович — крестьянин Камышловского уезда, Пермской губернии, член партии с декабря 1917 года, активный участник гражданской войны на Урале, командир полка «Красных орлов», командир кавбригады. После окончания гражданской войны — председатель сельхозкоммуны. Умер в 30-х годах.

4

Королев Анатолий Николаевич — член КПСС с апреля 1918 года. Принимал активное участие в гражданской войне, по окончании ее остался в Красной Армии. В настоящее время — генерал-майор в отставке.